

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РФ

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА
ИМ. А.С. ПУШКИНА»

На правах рукописи

У АННА

**СТИЛИСТИЧЕСКИЕ И ЛИНГВО-ПРАГМАТИЧЕСКИЕ
ХАРАКТЕРИСТИКИ ПУБЛИЧНОЙ РЕЧИ ПОЛИТИЧЕСКИХ
ЛИДЕРОВ РОССИИ КОНЦА XX И НАЧАЛА XXI ВЕКОВ**

Специальность 10.02.01 – Русский язык

Диссертация

на соискание ученой степени

кандидата филологических наук

Научный руководитель:
доктор филологических наук
профессор Киров Е.Ф.

Москва
2019

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Глава 1. Теоретические основы изучения политического дискурса.....	11
1.1 Генезис политического языка и политическая лингвистика.....	11
1.2 Текст и дискурс как объект лингвистического исследования	18
1.2.1 Дискурс как объект лингвистического исследования.....	18
1.2.2 Политический дискурс как институциональный тип.....	23
1.2.3 Характеристика политического дискурса	27
1.3 Дискурс-анализ как вариант изучения политического дискурса	33
1.4 Политический дискурс как особая форма публицистического стиля	40
1.5 Теория речевых актов и политическая дискурсология.....	45
Выводы	48
Глава 2. Языковые особенности политического дискурса.....	50
2.1 Лексические особенности политического дискурса	51
2.1.1 Прилагательные с коннотативной политической семантикой в речи ведущих лидеров РФ	52
2.1.2 Наречия с коннотативной семантикой субъективности в политическом дискурсе.....	68
2.2 Параллельные синтаксические конструкции в речи политических деятелей	83
2.3 Способы синтаксического соединения элементов в политическом дискурсе.....	92
Выводы	99
Глава 3. Дискурс-анализ политических речевых актов.....	103
3.1 Политический дискурс в открытой и закрытой коммуникативной ситуации	105
3.2 Тематические факторы в медийном политическом дискурсе.....	124
3.2.1 Спорадически-неожиданные тематические факторы в медийном политическом дискурсе.....	126
3.3.2 Установленные заранее темы в медийном политическом дискурсе.....	142
3.3 Тенденция оформления речевого акта в политическом дискурсе.....	145
Выводы	150
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	152

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК	155
ПРИЛОЖЕНИЕ	176

ВВЕДЕНИЕ

Язык – политика – власть находятся в весьма тесной взаимосвязи. Д. Грейбер считает, что для достижения поставленной суггестивно-политической цели политики должны уметь решать политические проблемы с помощью языка [Graber, 1981, p. 196], поскольку язык политической коммуникации имеет огромное значение и в процессе управления страной. Современный политический дискурс имеет специфические черты, отражает общественно-политические процессы, культуру, менталитет и ценности народа. Следовательно, исследование политического дискурса в междисциплинарной области имеет важное значение и представляет научный интерес.

Актуальность избранной темы исследования определяется несколькими факторами: 1) недостаточным изучением такого важного явления современной политической культуры, как тексты президентских избирательных кампаний, пресс-конференций, посланий и др. выступлений с языковой точки зрения; 2) важностью проведения исследований, способных выявить и описать общие и специфические особенности высказываний в рамках политического дискурса в разных типах политической культуры; 3) необходимостью поисков факторов сходства, влияющих на формирование политического дискурса.

Объектом исследования являются политические дискурсы ведущих лидеров РФ как прагматико-суггестивные объекты, характеризующие языковую личность политика.

В качестве **предмета** исследования были выбраны языковые характеристики политических дискурсов президента В.В. Путина, и некоторых других политиков РФ. Анализу подвергнуты такие языковые особенности, как прилагательные с маркером политической позиции, наречия

субъективной оценки, синтаксические структуры параллелизма. Речевые функции вышеназванных лингвостилистических единиц зависят от их семантики и проявляется в коммуникативной ситуации ПД.

В качестве **материала** исследования использовались тексты публичных выступлений политических лидеров России конца XX и начала XXI века (частично для фона привлекались политические речи руководителей США). **Объем** проанализированного материала составляет 44 текста (2347 высказываний в политическом дискурсе).

Целью настоящей диссертации является выявление языковой специфики политических дискурсов в стилистическом и прагматическом аспектах.

В связи с этим решаются следующие **задачи**:

- анализ точек зрения на соотношение текста и дискурса;
- рассмотрение соотношения политического дискурса как разновидности публицистического стиля;
- рассмотрение политического дискурса через призму теории речевых актов;
- изучение реальных языковых функций политических высказываний и речевых актов в определенной политической обстановке;
- анализ языковых средств в текстах политических выступлений и определение соотношений между языковыми приемами и прагматической целью речи;
- выявление факторов, влияющих на стилистику и прагматику политического дискурса лидеров России;
- дискурс-анализ политического дискурса В.В. Путина на Большой пресс-конференции и других мероприятиях;
- анализ тематических факторов в функционировании политического дискурса в разных жанрах речи;
- анализ тенденций в функционировании политического дискурса в

современных условиях.

В основу выполненной работы положена следующая **гипотеза**: современный российский политический дискурс характеризуется включением языковых единиц и коммуникативных приемов, связанных с использованием прилагательных с маркером политической позиции и наречий субъективной оценки, а также синтаксической параллельной связи как стилистических приемов.

Функционирование политического дискурса осуществляется в открытой и закрытой коммуникативной ситуации и существенным образом зависит от тематического фактора, особенно явно это проявляется в политическом дискурсе в пресс-конференциях В.В. Путина, выступлениях на Валдайском форуме, выступлениях в рамках медиадискурса. В современную эпоху политический дискурс характеризуется включением элементов, свойственных разговорной речи и обнаруживает идиостилевые особенности коммуникативного поведения политиков.

Научная новизна настоящего исследования заключается:

– в выделении и описании языковых средств, употребленных в текстах выступлений политиков РФ и США, которые актуальны для конструирования политического характера и имиджа политика, а также для достижений эффектов суггестивности речевого акта;

– в описании ситуативных факторов, влияющих на функционировании политического дискурса: высказывания зависимого субъекта в рамках ПД в закрытой коммуникативной ситуации менее эффективны, чем высказывания субъекта в рамках ПД в закрытой коммуникативной ситуации; высказывания субъекта в рамках ПД в закрытой коммуникативной ситуации менее эффективны, чем высказывания субъекта в рамках ПД в открытой коммуникативной ситуации; высказывания зависимого субъекта в рамках ПД в открытой коммуникативной ситуации менее эффективны, чем высказывания субъекта в рамках ПД в открытой коммуникативной ситуации;

– в выявлении тематических факторов, влияющих на формирование политической речи.

Теоретическая значимость исследования состоит в углублении теории дискурса и обосновании особых параметров формирования политического дискурса и лингвистического статуса политического дискурса. В исследовании разработаны некоторые положения, которые развивают теорию дискурса, в том числе понятие дискурсеми и мегаэпитета.

Практическая ценность: результаты исследования могут найти применение в спецкурсах по лингвистике, теории дискурса, в практическом курсе герменевтической интерпретации политического дискурса, а также могут быть полезны специалистам в области политической коммуникации и спичрайтинга.

Методологическую базу диссертационного исследования составили труды российских и зарубежных лингвистов:

– в области общей стилистики и функциональной стилистики (М.Н. Кожина, Н.А. Купина, О.Б. Сиротина, Т.В. Шмелева и др.);

– в области лингвопрагматики (Дж. Остин, Дж. Серль, Г.П. Грайс, Е.В. Падучева, Г.Г. Почепцов, И.П. Сусов и др.);

– в области лингвистики текста: (М.П. Брандес, И.Р. Гальперин, Г.А. Золотова, С.В. Ионова, В.В. Одинцов, О.И. Москальская, Г. Я. Солганик, З.Я. Тураева и др.);

– в области теории дискурса: (Т. ван Дейк, Н.Д. Арутюнова, В.З. Демьянков, В.И. Карасик, Е.Ф. Киров, Е.С. Кубрякова, М.Л. Макаров, В.Н. Степанов и др.), в том числе политического дискурса: (А.Н. Баранов, В.Н. Базылев, Э.В. Будаев, Е.И. Шейгал, А.П. Чудинов и др.);

– в области культуры речи и медиадискурса: (В.Г. Костомаров, Н.И. Формановская, Н.А. Купина, Е.Л. Вартанова, Е.Н. Лагузова, М.Р. Желтухина, Н.И. Клушина, и др.).

В исследовании используется **комплексный метод**. Для обработки

результатов исследования употреблена методика классификации и систематизации собранного языкового материала по определённым критериям. В работе использованы общенаучные методы сопоставления, обобщения и дескрипции при обобщении и интерпретации результатов исследования. Был использован также лингвостилистический и коммуникативный анализ, а также компонентный анализ, дискурс-анализ и статистическая методика подсчета.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. В результате анализа и обобщения существующих точек зрения в работе выработано понимание политического дискурса (основываясь на положении Н.Д. Арутюновой) как «политической речи (или текста), погруженной в политическую коммуникацию».

2. Стилистические и прагматические характеристики публичного политического дискурса лидеров России конца XX и начала XXI века отражают а) общие закономерности развития публичной речи, б) специфику политического дискурса, срастающегося с медийным, в) специфические особенности индивидуального языка, выражающиеся в использовании прилагательных с маркером политической позиции, наречий субъективной оценки, синтаксического параллелизма как универсальной черты, находящей отражение в жизни человека.

3. Существенной стилистической характеристикой русского политического дискурса является мегаэпитет – комплексная оценочная атрибутивная характеристика объекта речи в виде развернутой цепочки семантически и прагматически связанных определений.

4. На уровне синтаксиса текста использование параллельных конструкций приводит к связыванию СФЕ и абзацев в рамках политического дискурса, при этом когеренция осуществляется посредством лингвистических средств (лексическое дублирование при параллельном соединении СФЕ), а также последовательным цепочным соединением СФЕ.

5. Важной прагмалингвистической характеристикой речи политических лидеров современной России является ситуативно-политическая дискурсема – специфическое преломление тональности дискурса под влиянием внешних обстоятельств конкретного выступления.

6. К числу отличительных языковых особенностей публичных выступлений современных политических лидеров России относятся использование запоминающихся формулировок с отчетливым оценочным смыслом, активное употребление иронических высказываний, общение на сокращенной коммуникативной дистанции, использование тематических факторов, понятных конкретной целевой аудитории в рамках определенных жанров таких выступлений (пресс-конференция, президентское послание, инаугурационная речь, выступление перед избирателями).

7. Стилистические и прагматические характеристики публичного политического дискурса лидеров России в значительной мере совпадают в языковом плане в том случае, когда тема политического выступления совпадает, но различаются в зависимости от характеристик личности политика, риторических традиций и базовых этнокультурных ценностей.

Апробация основных положений исследования проводилась на следующих международных конференциях и научном семинаре: 1) на Международной научно-практической конференции «Славянская культура: истоки, традиции, взаимодействие. XIX Кирилло-Мефодиевские чтения» (Москва, 2018); 2) VI Международной научно-практической конференции: «Гуманитарные технологии в современном мире» (Калининград, 2018); 3) на международной научной конференции: Лингвокультурные ценности в языковом сознании и коммуникативной практике в Тяньцзине (Тяньцзинь, КНР, 2018); и на научном семинаре аспирантского объединения ФГБОУ ВО «Гос. ИРЯ им. А.С. Пушкина» (внутривузовское мероприятие) (Москва, 2019).

Результаты данного исследования отражены в 8 публикациях, включая 5 публикации в изданиях, рекомендованных ВАК Министерства науки и высшего образования РФ.

Структура работы обусловлена поставленными целью и задачами исследования. Диссертация состоит из Введения, трех глав, Заключения, Библиографического списка и Приложении (Списка примеров анализируемого материала).

Во **Введении** описываются выбор темы, ее актуальность, определяется объект, предмет, цель, задачи и методы исследования, раскрывается научная новизна, теоретическая и практическая значимость работы, излагаются положения, выносимые на защиту, приводятся сведения об апробации основных положений диссертации.

В **Первой главе** представляются основные теоретические положения, которые легли в основу исследования и способствовали решению поставленных задач. В этой части анализируется история формирования политического языка и политической лингвистики, рассмотрены основные концепции дискурса, особо политического дискурса, а также описаны конкретные методы исследования, применяемые в нашей работе.

Вторая глава посвящена анализу лексических, синтаксических и текстовых особенностей в политическом дискурсе ведущих политиков РФ. Проведенный анализ дает основания выявить сходные и специфические черты речевых актов в политическом дискурсе, которые возникают как из разницы особенностей языка, так и из общих закономерностей развития публичной речи, зависящих от менталитета политика.

В **Третьей главе** на материале большой пресс-конференции и выступлений на Валдайском форуме проведен дискурс-анализ политического дискурса В.В. Путина и проанализированы экстралингвистические факторы, которые могут влиять на оформление политического дискурса в разных жанрах политической речи. Из-за влияния таких факторов адресант

субъективно контролирует и корректирует речевую конструкцию политического дискурса, чтобы не утратить инициативу в политическом дискурсе и воздействовать на адресатов, а также контролировать их и в конечном счете достичь поставленной политической цели.

В Заключении излагаются и обобщаются результаты исследования политического дискурса, обобщены факторы, влияющие на политические высказывания и речевые акты в рамках политического дискурса.

В Приложении представлены анализируемые фрагменты, в том числе и инаугурационная речь и президентское послание В.В. Путина в 2018 году.

Объем работы – 175 страницы, с Приложениями – 200 страниц.

Глава 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

1.1 Генезис политического языка и термин политическая лингвистика

1.1.1 Генезис политического языка

Благодаря беспрецедентному развитию технологий и средств распространения информации использование особых (знаковых) слов и выражений играет всё более заметную роль в политической практике. В политической коммуникации язык имеет большое значение, т.к. является самым мощным оружием в политической борьбе, так что можно сказать, что в определенном смысле политическая конкуренция – это борьба политических языков и языковых личностей разных государственных деятелей.

Нет никаких сомнений в том, что основным объектом изучения политической коммуникации является политический язык. Это язык с определенным набором жанровых форм, используемых политическими участниками для достижения определённых политических целей. В этом смысле исследование политических языков можно проследить от риторического исследования, составленного Аристотелем в Древней Греции.

Действительно, язык является инструментом политики и необходимым условием существования и продолжения развития страны. Политика – это социальная деятельность, в которой язык является формой ее существования.

Вторая мировая война явилась важным фактором для развития политической лингвистики. Главами союзных держав (и во многом их речами и выступлениями) были объединены все силы для борьбы с фашизмом. 4 июня 1940 года Уинстон Леонард Спенсер-Черчилль выступил на тему «Мы будем сражаться на пляжах», вновь выказав непреклонную волю английской нации к борьбе и победе. Это выступление является одним

из классических произведений ораторского искусства и вершиной ораторского мастерства Черчилля.

6 января 1941 г. Франклин Делано Рузвельт выступил перед членами конгресса с речью на тему «четырёх свобод», чем вызывал желание у людей стремиться к свободе и праву. Речь И.В. Сталина от 3 июля 1941 года стала одной из величайших политических речей 20 века, явив нам огромную воодушевляюще-консолидирующую силу политического языка.

Послевоенная борьба между США и Советским Союзом перетекла в том числе и в идеологическую и языковую плоскость. Но уже в 1993 году в речи при вступлении в должность президента Б.У. Клинтон выразил надежду на то, что отношения партнерства между США и Россией могут играть ключевую роль в международном сообществе после конца холодной войны.

С развитием и реформой политики и экономики в РФ сформировались особенности ПД, появились новые жанры президентской речи: интервью, прямая линия, выступление на заседании президиума Госсовета. Необходимо отметить, что именно в этот период (начало 2000-х гг.) произошло изменение формы общения с теми собеседниками (прямая линия), которые не только являются адресатами, но и важными участниками дискуссии. При руководстве РФ Д.А. Медведевым в жанры президентского политического дискурса добавились: блог, видеоконференция, «живой журнал», которые выполняли функцию обратной связи с социально активными гражданами страны [Гаврилова, 2017, с. 64].

В связи с постоянным изменением общественно-политической ситуации язык политиков также постоянно меняется, т.к. язык и политика тесно связаны друг с другом. Но по соотношению политической деятельности и языковой деятельности существует различные позиции. Некоторые ученые считают: «Там, где политика умолкает, она заканчивается» [Dieckmann, 1975, с. 29], а другие полагают, что политическая реализация с помощью языка лишь в определенной области политической

коммуникации [Lubbe, 1979, с. 73]. Стоит дать определение политическому языку: это «особая языковая система, предназначенная именно для политической коммуникации: для выработки общественного консенсуса, принятия и обоснования политических и социально-политических решений» [Баранов, Казакевич, 1991, с. 6].

В 90-ые годы прошлого века политический дискурс вызывает интенсивно растущий интерес в русской лингвистике. Соответственно, много исследований было посвящено понятию дискурса, речевым портретам политических лидеров и языку политики и др. К концу 90-х годов XX столетия первостепенной задачей становится описание политического дискурса с точки зрения лингвистики. В 21 веке политический дискурс представляет собой популярную тему, в рамках которой исследуется языковая деятельность политиков в коммуникативной сфере и в когнитивной отрасли. Как отмечает О.Н. Паршина, политический дискурс есть явление, имеющее частотное проявление и особое социальное значение в общественной жизни [Паршина, 2012, с. 5].

В настоящее время особый интерес вызывает изучение политического дискурса политических лидеров (президентов), т.к. президент как первое лицо государства привлекает внимание как граждан своей страны, так и зарубежных стран. Соответственно, особенное внимание исследованию речевых актов глав стран уделяют ученые, и появилось много работ, посвященных этой проблеме. В настоящее время, в лингвистических исследованиях существуют следующие основные направления изучения речи лидеров ведущих политиков: исследование речевых деятельностей с позиции риторики, дискурсивного анализа, лингвокультурологии, семиотики, коммуникативной лингвистики и др. [Гаврилова, 2017, с. 57].

В своей докторской диссертации Л.С. Чикилева исследовала влияние английских риторических традиций и античных теорий красноречия на развитие американской риторики [Чикилева, 2005]. Кандидатская работа

Светоносной Т.А. (Светоносная, 2006) посвящена сходству и различиям языкового выражения ценностей на материалах выступлений В.В. Путина и Дж. Буша. Кроме того, что следует отметить, что много работ исследователей посвящено выступлениям экс-президента США Б. Обамы [Константинова, 2010], [Миронина, 2012], [Самигуллина, 2012] и др.

Речь и имидж главы государства имеют большое значение не только во внутренней политике, но и на международной арене. РФ и США – сильные державы в современном мире, соответственно речь лидеров привлекает большое внимание в разных странах, хотя в русском и американском политическом дискурсе существует много общего. Например, в предвыборных политических выступлениях имеют место сходные черты.

Отмечено, что при анализе какого-либо дискурсивного (риторического) успеха в политике мы не можем пройти мимо изучения функций языка в данном процессе, язык, политика и власть тесно связаны друг с другом, благодаря языку политики реализуют поставленную политическую цель. Как полагает П.Б. Паршин, политический язык подразумевает не только язык, или не совсем язык, или не только язык [Паршин, 2012, с. 6].

По мнению В.З. Демьянкова, политический язык характеризуется следующим:

- 1) терминологичной политической лексикой, включающей обычные слова, которые употребляются как не чисто «политические» языковые единицы;
- 2) специфической структурой дискурса, которая обладает специфическими речевыми приемами;
- 3) специфичной реализацией дискурса, его особым звуковым или письменным оформлением [Демьянков, 2001, с. 117-118].

1.1.2 О термине «Политическая лингвистика»

Термин «политическая лингвистика» был введен во 2-ой половине 20 века, но де-факто это направление получило развитие гораздо раньше: ещё в Древней Греции и Риме активно занимались политической речью и её особенностями в рамках стилистики и риторики.

Политическая лингвистика в России вызывает в наши дни большой интерес у учёных. Вопросами политического дискурса в наши дни занимаются А.П. Чудинов, Э.В. Будаев, Л.Н. Попов и др. исследователи.

Определение термина «политическая лингвистика» вызывает некоторые затруднения. По мнению А.П. Чудинова, «политическая лингвистика» как новая отдельная наука в России имеет характер лингвистическо-политологический, также включая в себя социальную психологию и др. отрасли знания. Исследователь также отмечает, что политическая лингвистика имеет черты, сходные с современным языкознанием: *«антропоцентризм (языковая личность становится точкой отсчета при изучении языковых явлений), мультидисциплинарность (использование методологий разных наук), функционализм (изучение языка в функционировании, в действии), экспланаторность (стремление не просто описать языковые факты, но и дать им объяснение) и экспансионизм (расширение области исследования лингвистики, включение в нее ряда смежных проблем)»* [Чудинов, 2009, с. 6]. Но с этой точкой зрения не согласны Н.М. Мухарьямов, О.Б. Януш и Е.В. Ширкина, которые подчеркивают, что политическая лингвистика является *разделом* языкознания, изучающим речевые и дискурсивные практики в контексте политической коммуникации и политических метафор [Мухарьямов и др., 2009, с. 5]. В.А. Маслова считает, что лингвополитология (или политическая лингвистика) как *отрасль лингвистики* основана на двух независимых дисциплинах – лингвистике и политологии, а также находится в тесной связи

с другими дисциплинами лингвистики (особенно с прагмалингвистикой, коммуникативной и когнитивной лингвистикой) [Маслова, 2008, с. 43]. По мнению Е.И. Шейгал, политлингвистика имеет *междисциплинарный* характер, вбирая в себя достижения риторики, лингвистики текста, стилистики, социолингвистики и когнитивной лингвистики [Шейгал, 2004, с. 7]. Кроме того, политическая лингвистика привлекает знания из области психологии, культурологии, политологии и этнографии [Чудинов, 2009, с. 6]. В связи с этим в процессе исследования ПД используются разные методы, предмет исследования рассматривается с разных позиций, а не только с позиции лингвистики.

Определение *предмета* исследования политической лингвистики тоже вызывает расхождения. А.П. Чудинов считает предметом политлингвистики *политическую коммуникацию*, определяя её так: «речевая деятельность, ориентированная на пропаганду тех или иных идей, эмоциональное воздействие на граждан страны и побуждение их к политическим действиям, для выработки общественного согласия, принятия и обоснования социально-политических решений в условиях множественности точек зрения в обществе» [Чудинов, 2009, с. 6-7]. А.Н. Баранов полагает, что предмет данной науки представляет собой *политический дискурс* как «совокупность дискурсивных практик, идентифицирующих участников политического дискурса как таковых или формирующих конкретную тематику политической коммуникации» [Баранов, 2001, с. 246]. А.В. Зайцев отмечает, что оба этих явления – и политическая коммуникация, и политический дискурс – должны быть исследованы в рамках политической лингвистики [Зайцев, 2012].

В России в последние годы появились исследования, которые посвящены проблемам политической коммуникации и которые закладывают основу для последующего развития российской политической лингвистики. На необходимость специального изучения проблемы политической

коммуникации указывает в своих исследованиях Н.А. Купина. В ее монографии «Тоталитарный язык: словарь и речевые реакции» (1995) определяется словарь советских идеологов, имеющих связь со сферами политической, философской, религиозной, этической и художественной [Купина, 1995].

В докторской диссертации «Семиотика политического дискурса» Е.И. Шейгал анализируется политический язык с точки зрения семиотики [Шейгал, 2000].

Учебное пособие «Политическая лингвистика» (2003) А.П. Чудинова – это первый учебник на русском языке по этой новой научной области, который систематически анализирует историю, цели и задачи политической лингвистики, а также объекты, основные методы и ее жанры [Чудинов, 2003].

В монографии О.Л. Михалевой «Политический дискурс: специфика манипулятивного воздействия» (2009) представлены дискурсивные механизмы манипулятивного воздействия, описаны и выявлены языковые средства, которые помогают говорящему реализовать скрытое психологическое воздействие [Михальская, 2009].

Монография Е.А. Репиной «Политический текст: психолингвистический анализ воздействия на электорат» (2012) посвящена анализу российских политических текстов 90-х годов прошлого века, который был проведён с позиции психолингвистики и коммуникативного подхода, в работе проанализировано воздействие политических текстов на адресатов [Репина, 2012].

В монографии О.Н. Паршина «Российская политическая речь: Теория и практика» (2012) анализируются особенности речевого поведения лидеров РФ. Ученый описывает и выявляет стратегии и тактики «борьбы за власть» и «удержания власти» на основе разных жаргов политического дискурса [Пашрина, 2012].

Проблема политической лингвистики также рассматривались многими зарубежными учеными, появился ряд трудов, посвященных этой проблеме, таких как Р. Бахем «Введение в анализ политических текстов» (1979), В. Дикманн «Язык в политике. Введение в прагматику и семантику политического языка» (1975), М. Эдельман «Политический язык» (1977), М. Гайс «Язык политики» (1987), Д.Ф. Ханай «Политическая коммуникация: Риторика, правительство и граждане» (1988) др. [цит. по: Будаев, Чудинов, 2006].

Итак, изучение генезиса политического языка и политической лингвистики необходимо для того, чтобы показать, как формируется сегодняшняя политическая речь.

1.2 Текст и дискурс как теоретическая проблема

1.2.1 Дискурс как объект лингвистического исследования

В современных социальных науках широко употребляется термин дискурс, опубликованы различные работы о его интерпретации, но в данный момент нет единого мнения в понимании дискурса и методики его исследования.

Термин «дискурс» употребляется в разных гуманитарных научных традициях, например, в лингвистике «дискурс» представлен главным образом в англоязычной научной традиции, затем термин «дискурс» (discours) также использован французским исследователем Э. Бенвенистом вместо термина «речь» (parole). Популярным является использование этого термина в публицистике французскими структуралистами и постструктуралистами (М. Фуко, А. Греймас, Ж. Деррида, М. Пешё и др.). В Германии термин «дискурс» связан с немецким философом и социологом Ю. Хабермасом, по его мнению, дискурс представляет собой как особый идеальный вид речевой коммуникации, который критически рассматривает ценность и нормы

социального сообщества [Хабермас, 1989, с. 571-606]. Таким образом, дискурс – это междисциплинарный феномен, почти парольный термин, который используют ученые из разных социально-гуманитарных направлений, но понимают они этот термин каждый раз по-своему.

Несмотря на то, что изучение дискурса уже продолжается более полувека, исследователи-лингвисты определяют термин дискурс с разных позиций, и на современном этапе он не имеет четких рамок.

В современной лингвистике также существует несколько точек зрения на понятие «дискурс». В российской лингвистике высказаны важные положения, которые приближают к пониманию сути этого феномена. Н.Д. Арутюнова в «Лингвистическом энциклопедическом словаре» определяет дискурс как «связный текст в совокупности с экстралингвистическими – прагматическими, социокультурными, психологическими и др. факторами; текст, взятый в событийном аспекте; речь, рассматриваемая как целенаправленное социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей, в механизмах их сознания (когнитивных процессах). Дискурс – это речь, «погруженная в жизнь» [Арутюнова, 1990, с. 136-137]. Данное определение цитируется наиболее широко, и понятно, что «дискурс» отличается от термина «текст».

Авторитетным признана концепция Т. ван Дейка о лингвистических характеристиках дискурса. Ученый подчеркивает динамику и многомерность дискурса, по его мнению, в дискурсе отражены особенности менталитета и культуры [ван Дейк, 1998, с. 47]. В.В. Петров и Ю.Н. Караулов согласны с этим мнением, они рассматривают дискурс как сложное коммуникативное явление, в которое включаются необходимые факторы для понимания текста, не только текст, но и экстралингвистические факторы (знания о мире, мнения, установки, цели адресата) [ван Дейк, 1989, с. 8].

П. Серио понимает этот феномен в широком ключе, придает термину «дискурс» восемь толкований: 1) эквивалент понятия «речь», т.е. любое

конкретное высказывание; 2) единица, по размерам превосходящая фразу; 3) воздействие высказывания на его получателя с учетом ситуации; 4) беседа как основной тип высказывания; 5) речь с позиции говорящего в противоположность повествованию, которое не учитывает такой позиции; 6) употребление единиц языка, их речевая актуализация; 7) социально или идеологически ограниченный тип высказываний, характерный для определенного вида социума; 8) теоретический конструкт, предназначенный для исследований производства текста [Серио, 1999, с. 26-27].

В.З. Демьянков считает, что дискурс является феноменом междисциплинарным, который исследуется в разных областях (включая семиотику, коммуникативную теорию, социологию и логику). Ученый так описывает его: «Discours – дискурс, произвольный фрагмент текста, состоящий более чем из одного предложения или независимой части предложения. Часто, но не всегда, концентрируется вокруг некоторого опорного концепта; создаёт общий контекст, описывающий действующие лица, объекты, обстоятельства, времена, поступки и т.п., определяясь не столько последовательностью предложений, сколько тем общим для создающего дискурс и его интерпретатора миром, который «строится» по ходу развёртывания дискурса. Исходная структура для дискурса имеет логическими отношениями конъюнкции, дизъюнкции и т.п. Элементы дискурса: излагаемые события, их участники, перформативная информация и «не-события», то есть а) обстоятельства, сопровождающие события; б) фон, поясняющий события; в) оценка участников события; г) информация, соотносящая дискурс с событиями» [Демьянков, 1995, с. 7].

Ю.С. Степанов согласен с этой точкой зрения [Степанов, 1995, с. 38]. Некоторые ученые придерживаются особого мнения, например, Н.Н. Миронова считает, что понятие текста и дискурса можно обобщить в следующих двух типах: 1) в определенных условиях дискурс фактически эквивалентен тексту; 2) во-вторых, рассматривает текст как дискурс на

практике [Миронова, 1998, с. 12]. Кроме того, Е.Ф. Киров считает, что текст является знаком дискурса [Киров, 2018, с. 16].

О.В. Платонова, С.И. Виноградов характеризуют дискурс как коммуникативное событие, которое является интегративным результатом участников общения с помощью вербальных текстов и / или других знаковых комплексов в определенной коммуникативной ситуации и определенных условиях социокультурной коммуникации [Культура русской речи, 1998, с. 238]. В.Е. Чернявская считает, что дискурс обозначает конкретное коммуникативное событие, фиксируемое в письменных текстах и устной речи, осуществляемое в определенном когнитивно и типологически обусловленном коммуникативном пространстве [Чернявская, 2016, с. 111].

М.Ю. Олешков определяет дискурс как составляющие единицы речевой деятельности (речевые акты, высказывания), которые имеют следующие характеристики: 1) семантический план содержания – значение; 2) синтаксический план выражения – структура; 3) прагматический план сообщения – перлокуция [Олешков, 2006, с. 74]. По мнению Е.Ф. Кирова, дискурс – это организованная в языковом плане коммуникативная интеракция в процессе реальной жизни, которая включает в качестве основной части речевые акты. Таким образом, элементарной составляющей дискурса оказывается речевой акт, поскольку дискурс имеет исключительно прагматическую направленность [Киров, 2009, с. 68].

В.И. Карасик трактует дискурс с позиции коммуникативного подхода как знаковую структуру, включающую субъект, объект, место, время, обстоятельства ее создания [Карасик, 1999, с. 5].

С точки зрения лингвистического значения, В.С. Григорьева формулирует определение дискурса следующим образом: дискурс используется как лингвистическая единица общения, отражающая в себе дифференциальное многообразие картины мира, включающей: а) типизированные ситуации социального взаимодействия, б) участников

социального взаимодействия, в) социальные нормы и конвенции, г) культурологические представления и формы [Григорьева, 2007, с. 12].

Очевидно, что вышеуказанные взгляды имеют общее в определенной степени. Таким образом, дискурс представляет собой коммуникативное действие, а также социальный прагматический результат мыслительной и языковой деятельности, включающий в себя и экстралингвистические факторы, как было выше сказано, являясь, соответственно, *междисциплинарным* феноменом, вследствие чего в процессе проведения дискурсивных исследований можно использовать интеграцию разных методов.

В современной научной литературе понятия «текст» и «дискурс» также трактуются по-разному.

Необходимо обратить внимание на определение высказывания М.М. Бахтиным: высказывание – целостная единица общения, характеризующаяся такими базовыми свойствами, как информационная, интенциональная и композиционная завершенность [Бахтин, 1979, с. 245-280]. В.И. Карасик рассматривает вопрос об отношении текста к дискурсу, по его мнению, данное отношение опосредовано моментом высказывания [Карасик, 2000, с. 5].

Е.С. Кубрякова считает, в понимании дискурса когнитивный процесс является важным элементом, который связывается с производством и созданием реальной речи, а текст как последний результат речевой деятельности с определенной зафиксированной формой [Кубрякова, 1995, с. 164]. В данном случае исследователь разделяет дискурс и текст как взаимосвязанные, но не совпадающие понятия (см. об этом подробно в работе Е.Ф. Кирова, который считает, что текст – это знак дискурса, а дискурс представляет собой текст с индивидуально воспринятым содержанием) [Киров, 2018, с. 48].

А.А. Кибрик считает, «дискурс – это единство процесса языковой деятельности и ее результата, то есть текста. Дискурс включает в себя текст как составную часть. Текст – статический объект, возникающий в ходе языковой деятельности. Это может быть письменный текст, т.е. последовательность графических символов, а может быть и устный текст – акустический сигнал, который может быть зафиксирован, например, на магнитном носителе. Дискурс, помимо самого текста, включает также разворачивающиеся во времени процессы его создания и понимания» [Кибрик 2003, с. 4]. По мнению А.А. Кибрика, текст является важной частью дискурса. С данным мнением не согласна М.Б. Ворошилова, она считает, что «дискурс не ограничивается рамками собственного текста, а включает также социальный контекст коммуникации, характеризующий ее участников, процессы продуцирования и восприятия речи с учетом фоновых знаний. Дискурс – это текст в неразрывной связи с ситуативным контекстом, он выходит за пределы текста и включает в себя различные условия его реализации. Дискурс существует в текстах, и поэтому анализ дискурса – это прежде всего анализ текста, но текста, «погруженного в реальность» [Ворошилова, 2007, с. 73], т.е. дискурс не ограничен текстом, а связывает текст с контекстом коммуникации и другими факторами. Так считает и М.Л. Макаров, который пишет, что «дискурс – это текст плюс ситуация» [Макаров, 1990, с. 9].

1.2.2 Политический дискурс как институциональный тип

Работы многих исследователей посвящаются проблеме изучения политического дискурса (ПД), это труды В.Н. Базылева (2005), А.Н. Баранова (1991), О.И. Воробьёвой (2003), М.Н. Грачёвой (2005), Т.М. Грушевской (2002), М.В. Ильина (1994), В.И. Карасика (2000), Я. Малышевой (2000), О.Л. Михалёвой (2008), О.Н. Паршиной (2012), О.Ф. Русаковой (2004), Е.И.

Шейгал (2000), а также труды зарубежных ученых на Западе, П. Бэйли (1984), Т. ван Дейка (1997), П. Чилтона (1997), N. Fairclough (1989) и др.

В связи с тем, что политический дискурс представляет собой междисциплинарное явление, в современной российской политической лингвистике можно разделить исследование политического дискурса как минимум на четыре направления: 1) с точки зрения чисто филологической – как любой другой текст, при рассмотрении которого, однако, исследователь «боковым зрением» смотрит на фон – политические и идеологические концепции, господствующие в мире говорящего и интерпретатора; 2) с позиции социо-психолингвистической – при измерении эффективности достижения скрытых или явных (но несомненно политических) целей говорящего; 3) в аспекте индивидуально-герменевтическом – при выявлении личностных смыслов автора и/или интерпретатора дискурса в определенных обстоятельствах; 4) в рамках политологии – в рамках политологической интерпретации, на основании которой делаются выводы политологического характера [Демьянков, 2002, с. 34].

В России исследования политического дискурса в прошлом столетии не были в центре внимания ученых, развитие политической лингвистики начинается лишь в конце 20 века. В настоящее время есть много исследований, посвященных вопросам изучения политического дискурса, об этом писали А.П. Чудинов (2006, 2009, 2018 и др.), Е.И. Шейгал (2000), М.Г. Гаврилова (2004, 2008, 2017 и др.), Э.В. Будаев (2006, 2009 и др.) и др., ученые заостряют внимание на вопросах истории, теории и методологии политической лингвистики. В ряде исследований политический дискурс рассматривается как объект *лингвокультурологического* изучения (Е.И. Шейгал), как «*вторичная языковая подсистема, обладающая определенными функциями, своеобразным тезаурусом и коммуникативным воздействием*» (О.И. Воробьева), как «*видовая разновидность идеологического дискурса*» (В.Н. Базылев), как «*основной объект политической коммуникации*» (А.П.

Чудинов). Соответственно, понятие политического дискурса является спорным, не имеющим до сих пор единого полного определения.

В ряде исследований по теме политического дискурса наблюдается различное понимание языка политика. В лингвистической литературе наряду с понятием «политический дискурс» (Е.И. Шейгал, А.Н. Баранов) употребляются дефиниции «общественно-политическая речь» (Т.В. Юдина), «агитационно-политическая речь» (А.П. Чудинов), «язык общественной мысли» (П.Н. Денисов), «политический язык» (О.И. Воробьева). Мы считаем, что в термине «политический дискурс» специфика и задачи политической коммуникации обозначены более отчетливо.

На основе вышесказанного, в широком ключе политический дискурс понимается как *«совокупность всех речевых актов, используемых в политических дискурсах, а также правил публичной политики, освященных традицией и проверенных опытом»* [Баранов, Казакевич, 1991, с. 6].

Н.А. Герасименко подчеркивает, что политический дискурс также определяется как *«сумма речевых произведений в определенном паралингвистическом контексте – контексте политической деятельности, политических взглядов и убеждений, включая негативные ее проявления (уклонение от политической деятельности, отсутствие политических убеждений»* [Герасименко, 1998, с. 22]. Е.И. Шейгал определяет, что это *«любые речевые образования, субъект, адресат или содержание которых относится к сфере политики»* [Шейгал, 2000, с. 23].

Кроме того, по мнению Т. ван Дейка (T. van Dijk), политический дискурс ограничен именно сферой политики, т.е. политический дискурс образуется как сопровождение политического акта в определенной политической обстановке [Dijk, 1998, с. 24]. Политический дискурс – это дискурс политиков, сформированный их речами, дебатами в парламенте, обсуждениями в правительстве, и он используется в сфере политики [Гаврилова, 2004, с. 128].

Известный лингвист Р. Водак полагает, что политический дискурс образуется на основе функционального языка в определенной обстановке и идеологии поведения определенной группы [Водак, 1998, с. 24]. По ее мнению, употребление политического дискурса ограничено двумя факторами – *функциональным языком и идеологией*. Идеология создает каузальную связь производства и политической деятельности. Кроме того, как выше было упомянуто, политический дискурс определен как *«вторичная языковая подсистема, обладающая определенными функциями, своеобразным тезаурусом и коммуникативным воздействием»* [Воробьева, 2000, с. 126]. Также политический дискурс своей природой выделяется из множества других дискурсов тем, что он обладает функциями *убеждения и воздействия*. Как замечает П.Б. Паршин, *«всякий текст оказывает воздействие на сознание адресата с семиотической точки зрения. Но для политического текста речевое воздействие является основной целью коммуникации, на достижение которой ориентируется выбор лингвистических средств»* [Паршин, 1987, с. 403].

В. Белл считает, что следует изучать политический дискурс с позиции *структуры*, т.е. нужно сосредоточиться на анализе формы, задач и содержания дискурса, употребляемого в политических ситуациях. Более того, по его мнению, изучение политического дискурса должно характеризоваться сочетанием методов разных дисциплин [Bell, 1995, с. 46]. Действительно, в реальной деятельности политический дискурс представляет собой как очень широкий и объемный процесс, так и результат восприятия и порождения политической деятельности. В.А. Маслова считает, что политический дискурс имеет *«экстралингвистические факторы, влияющие на его порождение и восприятие»* [Маслова, 2008, с. 46].

На основании вышеизложенных трактовок политический дискурс в нашей работе рассматривается как особый тип общения, который в политической действительности актуализирует язык, воспроизводя власть,

т.е. тесно взаимосвязанные элементы *язык – политика – власть*, и который реализует в коммуникации политические цели с помощью специфических коммуникативных приемов. Говоря более кратко, политический дискурс мы понимаем, перефразируя слова Н.Д. Арутюновой, как политическую речь (или текст), погруженные в политическую жизнь.

1.2.3 Характеристика политического дискурса

Политический дискурс относится к типам институционального дискурса (Карасик, Шейгал, 2000). Выделяются основные параметры институционального дискурса: *«1) набор типичных для данной сферы ситуаций общения (речевых событий); 2) представление о типичных моделях речевого поведения при исполнении тех или иных социальных ролей; 3) определенная (ограниченная) тематика общения; 4) специфический набор интенций и вытекающих из них речевых стратегий»* [Шейгал, 2000, с. 44].

В.И. Карасик выделяет персональный и институциональный типы дискурса, и считает, что модель институционального дискурса должна состоять из следующих четырех факторов: 1) конститутивные признаки дискурса (участники, условия, организация, способы и материал общения); 2) признаки институциональности (по линиям участников общения, по целям и условиям общения); 3) признаки типа институционального дискурса (характеризующие тип общественного института); 4) нейтральные признаки (строевой материал дискурса) [Карасик, 2000].

По мнению В.И. Карасика можно разделить подходы к изучению институционального дискурса на следующие четыре группы: 1) первый тематический подход направлен на выделение ключевого объекта описания и построить топик общения; 2) второй подход состоит в понимании институционального дискурса, акцентируя специфику института, а не текст как средство общения; 3) третий подход к определению коммуникативной

тональности – эмотивно-стилевому формату коммуникации; 4) Четвертый подход позволяет выделить и описать социально значимые действия [Карасик, 2018, с. 32-35]. Согласно с ученым, что эти четыре подхода не является противоположными, а взаимодополнительными.

Основными параметрами компонентной структуры политического дискурса являются: 1) участники, 2) хронотоп, 3) цели, 4) ценности (в том числе, ключевой концепт), 5) стратегии, 6) материал (тематика), 7) разновидности и жанры, 8) прецедентные (культурогенные) тексты, 9) дискурсивные формы (см. [Карасик, 1999, с. 6]).

В современной российской лингвистике нет общепринятого мнения о типологии политического дискурса. Т. В. Шмелевой выделяется три жанра ПД: *«1) жанры предъявления обществу принятых решений;... 2) жанры обсуждения принятых решений;... 3) жанры публичных массовых действий»* [Шмелева, 1994, с. 55-57].

По мнению Н.Н. Кохтева, в политический дискурс включаются следующие типы: дипломатический, политический, военно-патриотический, митинговый, агитаторский, парламентские речи, отчетные доклады на съездах, собраниях и конференциях, выступления на социально-политические, политико-экономические, социально-культурные темы и т.п. (см. [Кохтев, 2000, с. 98]).

Соответственно, множество исследователей выделяют условия бытования политического дискурса: *«1) глобальная сфера: политика; 2) глобальный выполненный акт: законотворчество, выработка политической линии и т. п.; 3) глобальная окружающая обстановка: сессия парламента, съезд политической партии; локальные политические акты, например, занятие оппозиционной ниши и т. п.; 4) политическая роль участников: члены парламента, представители общественно-политических движений, члены правящей партии, члены оппозиционной партии и т. п.; 5)*

политические знания участников: политические убеждения и идеологии, цели и задачи политической деятельности» [цит. по: Гварилова 2004, с.14].

Как пишет Т. ван Дейк, контекст имеет особое значение в политическом дискурсе, ибо без учета внеязыковых факторов политический дискурс трудно понять. Е.И. Шейгал отмечает, что политический дискурс выражен в этой формуле «дискурс = подъязык + текст + контекст» [Шейгал, 2000, с. 15].

Суммируя сказанное, мы принимаем в качестве определения политического дискурса речевые акты политических акторов в сфере политической коммуникации.

Если говорить о специфике жанров ПД, то необходимо выявить параметры, описанные в монографии «Семиотика политического дискурса» (2000). Е.И. Шейгал выделяет жанры политического дискурса с позиций следующих факторов: 1) по параметру институциональности / официальности; 2) по субъектно-адресатным отношениям; 3) по вариантам политических социолектов; 4) по событийной локальности; 5) по степени центральности или маргинальности того или иного жанра в поле политического дискурса; 6) по характеру ведущей интенции.

Таким образом, при градуировании по оси институциональности / официальности Е.И. Шейгал располагает жанры политической коммуникации (от максимальной неформальности общения до максимальной институциональности) следующим образом: разговоры о политике в семье, с друзьями, разговоры с незнакомыми людьми в очереди и т. д. – самиздатовские листовки и граффити – телеграммы и письма граждан – политический скандал – пресс-конференции – публичные политические дискуссии – публичные выступления политических лидеров – законы, указы, международные переговоры, официальные встречи глав государств (см. [Шейгал, 2000, с. 256-257]).

С позиции стратификации политического дискурса по субъектам политической деятельности Е.И. Шейгал обращает внимание на институциональную коммуникацию, коммуникацию между институтом и гражданином и коммуникацию между агентами в институтах [Шейгал, 2000, с. 269]. Во-первых, ученый выделяет коммуникацию по факторам «институт-общество» (данный тип представлен жанрами лозунга, призыва, декрета, плаката как обезличенных высказываний институтов или как высказываний политических лидеров) и «общество-институт» (состоит из жанров петиции, обращения листовки и т.п.). Также Е.И. Шейгал показывает специфический тип политиков-профессионалов ПД: субъектами данного типа являются только эти лица, которые занимают самые верхние места в политической иерархии, т. е. руководители государств, например, ПД «инаугурационная речь, послание конгрессу о положении дел в стране, обращение в конгресс с просьбой о предоставлении особых полномочий в связи с объявлением войны, прощальное обращение президента» и др.

Вместе с тем Е.И. Шейгал отмечает, что в коммуникации политическое поведение между агентами в институтах ограничено двумя сферами: внутренняя и публичная. В первой сфере жанры: служебная переписка, кулуарное обсуждение, закрытое заседание и др. К публичной сфере относятся переговоры, встречи политических деятелей, парламентские дискуссии, круглый стол, послание президента конгрессу, выступление премьер-министра на заседании Думы, доклад на съезде, партийная программа, программная речь на съезде партии и др. [Шейгал, 2000, с. 269-270].

По отнесенности жанра к тому или иному событию политической жизни, Е.И. Шейгал выделяет три типа: циклические (ритуальные) – включают выборы, инаугурация, съезд партии, церемония патриотического праздника, ежегодное выступление президента с посланием Федеральному собранию); календарные (текущие) – встреча депутата с избирателями, парламентские

слушания, визит политического деятеля; и спонтанные – митинг, политический скандал, референдум [Шейгал, 2000, с. 264-265].

По степени центральности или маргинальности того или иного жанра в поле политического дискурса Е.И. Шейгал полагает, что какая степень зависит от основной интенции политической коммуникации – борьбы за власть. В связи с этим парламентские дебаты, публичная речь лозунг и голосовании определяются как прототипные жанры, однако, кроме ведущей интенции, первичность текста является критерием прототипичности.

На сегодняшний день выделяются различные подходы к изучению политического дискурса:

1) узкий подход (анализ текстов, образованных непосредственно политическими деятелями) и широкий подход (анализ любых текстов на политическую тематику);

2) полевой подход (в этом случае объектом исследования являются стенограммы, публичные выступления и интервью политических лидеров, а также тексты, формируемые журналистами и переданные посредством СМИ);

3) сопоставительный (изучает общие и собственные национальные характеристики в политической действительности как особенности менталитета и политическую культуру);

4) когнитивный (посвящен изучению политических концептов, фреймов, ментальных схем, так и тактик речевого поведения);

5) дескриптивный (уделяет внимание на выявление языковых средств и способов убеждения и манипуляции);

6) критический (подвергается анализу способов реализации социального неравенства, которое выражается в языке или дискурсе);

7) риторический (анализирует единицы языка в качестве средств передачи мысли) [Шакова, 2013, с. 195-197].

Эти подходы не противоречат друг другу, а напротив, дополняют друг друга, позволяя исследовать политический дискурс в разных аспектах [Шакова, 2013, с.197]. В нашем исследовании проанализированы высказывания в рамках политического дискурса лидеров РФ и США, в которых отражены соотношения между языком-политикой-властью.

В наше время изучение языковых особенностей политических выступлений ведущих лидеров разных стран вызывает большой интерес у исследователей, в области лингвистики также появилось много работ, которые посвящены этой проблеме. Современные лингвисты рассматривают особенности языка глав стран с разных позиций – дискурсивной [Гварилова, 2004; Филинский, 2002], риторической [Анушкин, 2011; Алышева, 2012, Пашрина, 2012 и др.], коммуникативном [Михальская, 1999; Карасик, 2018 и др.], языковой личности [Иванцова, 2002; Дементьева, 2011; Алексеева, 2012; Седых, 2016 и др.] и др. (подробное см. Чудинов, 2018).

Нас прежде всего интересует то, как речевые акты активизируются в политическом дискурсе и с помощью каких языковых приемов достигается его прагматико-коммуникативное воздействие.

К лексическим средствам мы относим особые слова (прилагательные и наречия степени), которые не только имеют информативную функцию, но и обладают функцией оценки в политическом дискурсе. Это зависит от того, что основная цель политического дискурса заключается в убеждении и побуждении слушателей к политической действительности, а не в субъективном описании о положении [Чудинов, 2012, с. 99]. Например, для выражения эмоций или мнений по отношению к тому или иному явлению, в политическом дискурсе говорящим используются прилагательные, отражающие определенную политическую позицию – активную или пассивную. Большое значение также имеют наречия степени, потому что в таких употреблениях демонстрируется политический имидж говорящего. Для анализа лексических значений в работе применяется компонентный анализ,

как это принято в большинстве исследований семантики слова.

В синтаксических приемах построения политического текста мы выбираем синтаксический параллелизм, который может рассматриваться как средство экспрессивного синтаксиса, с помощью этой стилистической фигуры говорящий выражает эмоциональность, так и привлекает внимание от аудитории, побуждает к согласию с идеями своего высказывания.

В текстовых особенностях политического дискурса мы анализируем способы соединения текста, с помощью которых говорящий может изложить аргументацию и показать логику своего речевого акта, а также убедить адресатов в верности своего мнения.

1.3 Дискурс-анализ политических выступлений

Политическое выступление как вид политической коммуникации является динамичной, включая различные события, разные темы и другие элементы, т.е. наиболее эффективными и подходящими методами его изучения будут представлен дискурсивный анализ. В связи с этим, дискурсивный анализ как важный подход будет применен в нашем исследовании.

На нынешнем этапе дискурс-анализ употребляется в исследованиях в рамках разных гуманитарных наук, соответственно, понимается учеными с различных позиций. Термин *дискурс-анализ* впервые был использован З. Харрисом в 1952 году для исследования «метода анализа связанной речи»; по мнению ученого, это метод «*для расширения дескриптивной лингвистики за пределы одного предложения в данный момент времени и для соотнесения культуры и языка*» [цит. по: Макаров, 2003, с. 91]. В 1960 – 1970-е гг. дискурсивный анализ был применен при исследовании повседневной беседы в области структуры и семиотики. В 1970 – 1980-е гг. дискурс-анализ широко использовался в исследованиях юридических, политических,

психологических и др., а в 1980-1990-е годы исследования дискурса стали важной частью компьютерной лингвистики (см. [Огурцов, 2014, с. 24-25]). Соответственно, в этот период появились первые работы, посвященные дискурсивным исследованиям, например, стилистические исследования Лича (1966), критический лингвистический подход Фулера (1991), Крисса (1985) и Чилтона (1985). Кроме того, дискурсивные исследования в Германии в целом находились под влиянием дискурсивных подходов в текстуальной лингвистике (Люгер, 1983, Штрасснер, 1975) (см. [Шевченко, 2002, с.185]).

Несмотря на то, что дискурс как самостоятельную область исследования начали изучать с 1950-х годов, его характер, цели и методы исследования по-прежнему являются спорными. Обращаясь к основным работам последних десятилетий, нетрудно увидеть сложность определения анализа дискурса. В процессе исследования одни фокусируются на структурном анализе, а другие обращают внимание на когнитивные факторы в дискурсе, некоторые ученые интересуются социальной культурой. Поэтому в «Справочнике по дискурсивному анализу» (Handbook of Discourse Analysis), опубликованном Д. Шиффрин и др. в 2001 году, оглавление разделено на четыре части для рассмотрения десятков тем. Этими четырьмя частями являются, во-первых, дискурс-анализ и лингвистика, во-вторых, связь между теорией и практикой в дискурс-анализе и, в-третьих, дискурс: язык, контекст и взаимодействие (в этой части выделены): А) политические, социальные области; Б) Культура, сообщество и жанры), в-четвертых, междисциплинарный дискурс. А.А. Кибрик считает, что дискурсивный анализ как новую дисциплину можно разделить на следующие три раздела: 1) типология дискурсов (какие жанры дискурсов, и какие классификационные параметры могут использоваться для их типологизации); 2) структура дискурса (из каких составов составляет дискурс); 3) как дискурсивные явления связаны с другими языковыми явлениями (см. [Кибрик, 2009, с. 3-4]). Короче говоря, область дискурс-анализа является активно развивающейся.

В современной лингвистике используется дискурс-анализ как совокупность ряда течений в исследовании дискурса (см. [Олешков, 2006, с. 83]). По мнению М.Л. Макарова, при употреблении термина «дискурс-анализ» его можно понимать в следующих значениях: «1) *«интегральная сфера изучения языкового общения с точки зрения его формы, функции и ситуативной, социально-культурной обусловленности»*; 2) *«наименование традиции анализа Бирмингемской исследовательской группы» (Д. Синклер, М. Култхард)*; 3) *«грамматика дискурса» (Р. Лонгейкр, Т. Гивон)*» [Макаров, 2003, с. 99]. Мы пришли к выводу о том, что термин «дискурс-анализ» наиболее часто используется в *первом* значении, иначе говоря, что изучение языкового общения происходит не только в аспекте языка, но и внеязыковых факторов. Как отмечают многие ученые, на данный момент дискурс-анализ имеет следующие особенности кроме постоянного развития: *«новые типы дискурсов, новые конфигурации языковых единиц в тексте, которые требуют нового инструментария анализа, способного учесть эту множественность, новизну и многоаспектность. Дискурс-анализ даёт исследователю возможность объединять семантические характеристики с семиотическими и риторическими, рассматривать категории текста (информативности, эмотивности, интегративности, интертекстуальности и др.) в особом ракурсе, учитывать этнопсихологические, этнокультурные проявления в их соотношении с процессами глобализации и т.д. Дискурс-анализ – это всегда открытия в смежных областях знания о мире»* [Синельникова, 2010, с. 29].

Дискурсивный подход предлагает изучать объект не только в лингвистическом аспекте, но и в прагматическом и когнитивном (см. [Михалева, 2008, с. 11]). По мнению Е.И. Шейгал, дискурс-анализ в политической лингвистике дает возможность анализировать власть в смешанных областях, т.е. в социологическом, культурном, межличностном и когнитивном аспекте (см. [Шейгал, 2004, с. 7]). Нет никаких сомнений, что

дискурс-анализ играет важную роль в политической лингвистике (см. [Чудинов, 2008, с. 7]). Действительно, в реальной практике при употреблении данного метода для анализа политического дискурса должно учитывать эти факторы, такие как степень воздействия на данный текст, восприятие адресанта разного образования (включая факторы языковые, культурологические, политические и др.) и пр. (см. [Чудинов, 2008, с. 41]).

В книге «Дискурс-анализ. Теория и метод» Йоргенсена и Филлипса описывается сравнительный анализ трех теоретико-методологических подходов к дискурсивному анализу. Ученые считают, что эти три подхода относятся к одной общей междисциплинарной области – социально-конструкционистскому дискурс-анализу: 1) дискурсивная теория Лакло и Муфф; 2) критический дискурс-анализ (КДА); 3) дискурсивная психология. По мнению ученых, что во всех этих подходах имеет общее представление о том, что используемые нами способы общения не только отражают мир, идентичности и социальные взаимоотношения, но, напротив, они играют активную роль в их создании и изменении (см. [Филлипс, Йоргенсен, 2008, с. 18]).

Теория дискурса Эрнесто Лакло и Шанталь Муфф основывается на постструктуралистской идее [Филлипс, Йоргенсен, 2008, с. 26], а дискурс трактуется как открытая структура, которая обладает многими вариантами значений. Основа данной теории заключается в том, что дискурсы, по мнению вышеупомянутых ученых, вовлечены в постоянную конкуренцию, в ходе которой они борются за собственное значение. Иначе говоря, в теории дискурса Лакло и Муфф выявлен процесс борьбы дискурсов и зафиксировано их значение на всех уровнях социального.

Далее речь идет о втором подходе. В наше время термин «критический дискурс-анализ» не имеет единого общепринятого понимания. Российские ученые О.Ф. Русакова и Е.В. Ишменев полагают, что можно подразделить критический дискурс-анализ на следующие разновидности:

- французский дискурс-анализ (М. Пешо, П. Серио, Э. П. Орланди, Ж.-Ж. Куртин, Д. Мальдидье);
- критическую лингвистику (Р. Фаулер, Б. Ходж);
- социальную семиотику (Г. Кресс, В. Лиуэн, Л. Чоулиораки);
- социокультурный дискурс-анализ (Н. Фэйрклаф, Р. Водак);
- социокогнитивный дискурс-анализ (Т. ван Дейк) (см. [Русакова, Ишменев, 2006, с. 36-48]).

По мнению Н. Фэйрклафа, цель критического анализа дискурса состоит в рассмотрении связи между использованием языка и неравными отношениями власти [Fairclough, 1989, p. 259], т.е. язык рассматривается как инструмент контроля власти над обществом.

Третий подход сосредоточен на анализе контекстов реального общения, и основными объектами исследования дискурсивной психологии являются нормы и намерения участников общения. В этом случае адресанты выбирают подходящие высказывания в подсознании и намеренно регулируют свою речь, чтобы вовлечь в диалог адресатов и воздействовать на них. Согласно мнению Н. Фэйрклафа, здесь язык не только представляет собой опыт, но и образует опыт и реальность в психологии [Филлипс, Йоргенсен, 2008, с. 174].

Кроме того, в книге предлагается еще один (четвертый) подход к дискурс-анализу, образованный также на основе социального конструкционизма – *комбинированный* подход, который является идеальным синтезом современных теорий дискурса, включая элементы вышеупомянутых трех подходов [Филлипс, Йоргенсен, 2008, с. 250]. Более того, в этом комбинированном подходе предлагается использование теоретической модели дискурс-анализа Йоргенсена и Филлипса для исследования.

Безусловно, следует отметить и работу Т. ван Дейка, которая посвящена дискурсивному анализу. Для Т. ван Дейка дискурс шире понятия текста, поскольку дискурс представляет собой единство языковой формы,

значения и действия. Он характеризует дискурс как сложное коммуникативное событие, в котором можно выделить говорящего и его адресата – слушающего. По мнению ученого, ввиду различности целей исследования, природы изучаемого объекта, контекста, можно выбирать разные методы для дискурсивного исследования, поэтому ученый *сочетает* методы лингвистических исследований и выделяет ряд направлений дискурс-анализа: 1) грамматическое, включающее в себя помимо грамматики и семантику; 2) прагматический анализ речевых актов и коммуникаций; 3) риторический анализ; 4) стилистический анализ; 5) анализ специфических жанровых структур; 6) конверсационный анализ разговоров; 7) семиотический анализ звукового и визуального материала [Dijk, 2008, с. 3]. Однако ученый указывает, что вышепоказанные формы анализа дискурса имеют собственную специфику и выделяют разные области исследований дискурса. Согласно Т. ван Дейку, особенность дискурс-анализа не только заключается в описании текста в области теории, но и состоит в разработке разных уровней дискурса. Каждый из вышепоказанных уровней имеет специфические черты, которые могут быть интерпретированы с разных позиций – как в рамках лингвистики, так и вне ее рамок. Как полагает Е.О. Негров, *«...методы дискурс-анализа, направленные на «выуживание» скрытой информации, стоящей за тем или иным текстом, раскрытие истинных мотивов и интенций адресантов дискурса»* [Негров 2006: 108] позволяют понять замысел самого текста и набор идей, способы выражений, с помощью таких приемов говорящий достигает политической реальности (см. [Негров, 2006]).

На наш взгляд, дискурс-анализ отличается от других типов анализа (фонологического, лексического анализа и синтаксического анализа) в основном двумя относительно независимыми характеристиками: первая заключается в изучении языковой формы в тесной связи с конкретной ситуацией употребления языка; вторая состоит в том, что типичным

объектом анализа часто является языковая единица, которая превышает одно предложение, это может быть группа предложений, абзац или даже целый текст. Эти две черты дискурсивного анализа особенно важны для изучения содержания дискурса. Следует отметить, что дискурс-анализ как подход отражает взаимные соотношения между языком, политикой и обществом, использование данного подхода позволяет выявить то, с помощью каких языковых средств реализуется коммуникативное воздействие. Во второй главе мы обратимся к анализу политических выступлений лидеров РФ и США, чтобы выявить особенности языковых приемов, употребленных для достижения политической цели. В третьей главе, основываясь на разных типах политического дискурса государственных деятелей, мы используем дискурс-анализ как для выявления фактов, влияющих на политические высказывания, используемые в разных политических выступлениях, так и для понимания намерения говорящего.

Таким образом, кроме лингвистических факторов, высказывание в рамках политического дискурса также находится под влиянием экстралингвистических факторов, таких, как коммуникативная ситуация политического дискурса, его адресаты, культура политика, его идеология и др. Например, коммуникативная ситуация этого типа дискурса оказывает влияние на адресанта, на его выбор лексических, синтаксических и других средств для передачи информации или воздействия на адресатов речи. Соответственно, говорящий учитывает фактор *слушателей*, употребляя различные языковые средства в соответствии с идентификацией адресатов, являющейся важным аспектом коммуникации и обязательно учитываемой тем, кто хочет добиться предусмотренных эффектов политического выступления. В нашей работе применяется дискурсивный анализ, с помощью данного подхода анализируются экстралингвистические (внеязыковые) факторы, которые оказывают влияние на процесс политической коммуникации.

Эти внелингвистические элементы мы называем «дискурсемами», которые в реальном общении могут обобщенно отразить способы языкового оформления в политическом дискурсе. Дискурсема – это обобщение вариантов политического дискурса в некую типовую структуру, которая осознается как инвариантная основа в вариантах политических дискурсов. В нашей работе мы встретились с дискурсемами политического интервью, предвыборной речи, послания Президента и некоторыми другими.

1.4 Политический дискурс как особая форма публицистического стиля

Язык как важное социальное явление используется в разных сферах человеческой деятельности, имея в качестве основных функций функции общения, сообщения и воздействия. Для реализации различных функций появилась разновидность языка, обладающая собственными лексическо-фразеологическими и синтаксическими средствами и др. [Розенталь, 2011, с. 18]. В соответствии с этим, с 60-х гг. прошлого века ученые начали заниматься функционально-стилистическими исследованиями, затем в конце 70-х гг. XX в. появилась функциональная стилистика как центральное направление стилистики, занимающееся изучением закономерностей функционирования языка в различных сферах речевого общения [Кожина, 2011, с. 313].

В русской лингвистической традиции выделяют следующие стили: научный, публицистический, официально-деловой, разговорный, художественный. Кроме того, позднее М.Н. Кожина добавила в этот ставший классическим список еще один стиль – религиозный [Кожина, 2011, с. 583].

По функциям языка Д.Э. Розенталь выделяет три стиля: 1) разговорный (функция общения); 2) научный и официально-деловой (функция сообщения); 3) публицистический и литературно-художественный (функция воздействия) [Розенталь, 2011, с. 18].

Кроме того, Е.Ф. Киров, основываясь на типологии «штилей» М.В. Ломоносова и на выделении функциональных стилей, предлагает концепцию «мультистилистики». По его мнению, мультистилистика как дискурсивная дисциплина рассматривает характерные черты стилей и штилей дискурса, в связи с этим, он считает, что каждый функциональный стиль уточняется тремя функциональными штилями (регистрами). Например, публицистический стиль можно разделить на три штиля: высокий, средний и низкий штили публицистического стиля [Киров, 2016, с. 93].

Публицистический стиль является одним из функциональных стилей, который широко употребляется в разных областях общественных отношений: политических, экономических, культурных, спортивных и многих других. Кроме того, термины «газетно-публицистический стиль», «газетный стиль», «газетно-журнальный стиль» и «политический стиль» часто используются в качестве синонима для термина «публицистический стиль». М.Н. Кожина замечает, что газетно-публицистический стиль имеет два подстиля – газетно-информационный и собственно публицистический; газетный и газетно-журнальный отражают стиль периодической печати в указанной сфере общения; политический акцентирует важную роль политического аспекта в процессе жизнедеятельности государств [Кожина, 2011, с. 312]. С позиции языка, во многих случаях публицистический стиль имеет своеобразную специфику, находясь между разговорной речью, научным и официально-деловым стилями, причем обладая языковыми особенностями и художественно-литературного языка – такими, как выразительные средства и др. Публицистический стиль представляет собой стиль с вкраплениями других стилей [Кожина, 1983, с. 72]. По обоснованному мнению академика В.Г. Костомарова, «конструктивным принципом организации средств языка в газетно-публицистическом стиле, обеспечивающим выполнение основных функций СМИ, традиционно признается принцип чередования стандартных и экспрессивных сегментов текста» [Костомаров, 1971, с. 57]. Более того, на

современном этапе также появились новые, необычные выразительные средства, переходящие нередко в стандарт, штамп [Рубухина, 2013, с. 313]. Соответственно, благодаря содержательной и языковой специфике публицистического стиля образуется особый дискурс, созданный в результате некоторой переработки имеющейся точной (фактической) информации и добавления в нее авторских элементов [Купина, Михайлова, 2004, с. 116]. Далее, стоит отметить, что в публицистическом стиле выделяется особый подстиль – ораторская речь, которая сочетает характеры как письменно-публицистической, так и устно-публицистической речи [Кожина, 1983, с. 73]. Как отмечает Н.С. Валгина, с точки зрения воздействующей функции речи произведения публицистического стиля обладают следующими стилевыми чертами: побудительностью, экспрессивностью, новизной выражений, оценочностью, полемичностью [Валгина, 2003, с. 129]. Таким образом, с позиции функции воздействия и использования языковых средств ораторский стиль в большой степени принадлежит к публицистическому стилю [Григорьева, 2008, с. 35; Розенталь, 2011, с. 19]. Несмотря на то, что в большинстве случаев ораторская речь представляется подготовленной, но все-таки зачастую являет собою сложную проблему, имея функцию воздействия на аудиторию и обладая собственной спецификой (напр., возможностью добавления незапланированных высказываний при произнесении). Как считает М.Н. Кожина, сложность ораторской публицистической речи состоит в том, когда «пересекаются функциональные стили и формы речи, степень воздействия на стиль речи особенно сложнокомпонентного – здесь – комплекса экстралингвистических факторов требует специальных исследований» [Там же, с. 73]. Полностью согласимся с М.Н. Кожиной в том, что ораторская речь комбинирует функциональную разновидность речи от сферы ее использования, от адресатов и др. с целью воздействия на аудиторию с расчетом достижения поставленной цели.

Нет никаких сомнений в том, что воздействующая функция, которая тесно связывает с функцией информативной, занимает особо важное место в речи, оформленной по канонам публицистического стиля [Валгина, 2003, с. 128]. Необходимо отметить, что в реальной политической коммуникации активно используется воздействующая языка с помощью употребления речевых приемов,

Роль публицистики, особенно публичной речи, состоит не только в том, чтобы передать некое сообщение, но и в том, чтобы воздействовать на аудиторию с целью достижения некоторой цели, например, изменения мнения общества по какому-либо вопросу или убеждение общественности в чём-либо, в этом состоит цель политического дискурса – в завоевании и удержании власти [Коновалова, Орлова 2015, с. 89]. Публицистический стиль широко употребляется и в общественно-политической литературе, в политических выступлениях, речах на собраниях и т.д. [Валгина, 2003, с. 128]. Соответственно, политический дискурс включает в себя разные жанры – предвыборную, инаугурационную речь, послание, интервью и ответы на вопросы журналистов и др., которые имеют черты институционального дискурса. Ввиду этого политический дискурс обладает следующими характеристиками, отличающимися от других дискурсов: сценичностью, убедительностью, воздействием, манипуляцией. Как отмечает Ю.В. Ключев, структура публичного политического дискурса характеризуется следующими компонентами: 1) мотивацией создания политического сообщения; 2) психологией говорящего и слушателей текста; 3) особенностью канала передачи информации; 4) специфика устной/письменной формы речи; 5) психология наполнения политического текста фактами и аргументами; 6) этапы порождения и реализации текста; 7) этапы и психология восприятия информации аудиторией; 8) результативность сообщения; 9) дискурсивный политический резонанс текста» [Ключев, 2010, с. 196-203].

Действительно, особенно важно то, что политический дискурс как особая форма публицистического стиля в политической деятельности лидеров государств не только употребляет языковой стандарт, но и раскрывается во всех своих особенностях, имея только ей свойственную специфику выступления. Таким образом, чтобы создать предусмотренные эффекты общепонятности политических выступлений, главы государств неизбежно пользуются какими-либо языковыми приемами и средствами, напр., эмоционально окрашенными словами, выразительными синтаксическими конструкциями и прочими выразительными средствами языка. Безусловно, что различные языковые средства (лексические, морфологические, синтаксические, фразеологические и др.) помогают реализации функций информативной и воздействующей, также имея определенное значение в политическом дискурсе для достижения поставленной цели коммуникации. Безусловно, в процессе политической коммуникации адресант выбирает языковые средства с целью задачи общения, сообщения и – чаще всего – воздействия. Как указывает С.И. Сметанина, «функциональная стилистика регламентирует выбор языковых единиц с целью обеспечения эффективности процесса коммуникации и, как всякая кодифицирующая система, предписывает нормы поведения, в данном случае речевого» [Сметанина, 2002, с. 44]. В.З. Демьянков полагает, что предметом политического дискурса являются: а) его синтактика, семантика и прагматика; б) инсценировка и модели его интерпретации, в частности именования политологически значимых концептов в политической коммуникации в сопоставлении с обыденным языком [Демьянков, 2001, с. 117-118]. Кроме того, по мнению В.З. Демьянкова, общественное предназначение политического дискурса является внушением аудитории или оценкой к «политически правильным» действиям [Демьянков, 2001, с. 127]. Отсюда вытекает необходимость анализировать языковые приемы, помогающие политическим субъектам достигнуть поставленную цель.

Таким образом, в нашей работе политический дискурс характеризуется как особая форма публицистического стиля, который является формой выражения вербальной части дискурса.

1.5 Теория речевых актов и политическая дискурсология

Важной составной частью нашего исследования является теория лингвистической прагматики, которая изучает язык как средство, используемое человеком в его действиях [Кобозева, 2008, с. 221]. Действительно, во многих случаях язык является единственным средством воздействия, что отражается в использовании различных языковых форм и приемов в зависимости от ориентировки на цель или задачи ПД. Соответственно, политические субъекты при помощи языка создают политический образ в политической деятельности, дают оценку каким-то явлениям либо побуждают слушателей к действиям.

Основополагающей частью лингвистической прагматики является теория речевых актов, вышедшая из аналитической философии. Известные ученые Г. Фреге, Л. Витгенштейн, Б. Рассел были убеждены в том, что структура языка способна непосредственно соотноситься со структурой окружающего мира. Теория речевых актов, которая была предложена английским логиком Дж. Остином в 1955 году, является неотъемлемой частью лингвистической прагматики. Дж. Остин описал особенности перформатива по сравнению с констативом и рассмотрел иллокутивный акт, опираясь на трехуровневую схему речевого действия:

- 1) локутив – речевой акт сам по себе, предложение с его грамматической структурой и значением;
- 2) иллокутив – намерение говорящего, заключающееся в речевом акте;
- 3) перлокутив – воздействие, которое речевой акт оказал на собеседника [Гонгало, элект., с. 47].

Продолжателем идей Дж. Остина выступил Дж. Серль [Серль, 1986]. Этот исследователь развил теорию речевых актов и построил классификацию, в основе которой лежит иллокутивно-перформативный критерий. Существенным прорывом Дж. Сёрля стало то, что он доказал, что речевые акты не существуют в отрыве от действительности.

При этом важно отметить, что лингвистическая прагматика изучает язык не «сам в себе и для себя», а в качестве средства, используемого человеком в его деятельности.

По отношению к используемым в процессе общения языковым средствам речевой акт выступает как локутивный акт. В качестве иллокутивного акта речевой акт выступает в отношении к представляемой говорящим цели и условиям его (речевого акта) осуществления.

По отношению к воздействию, оказываемому на слушающего (аудиторию), речевой акт выступает как перлокутивный акт. При использовании языковых средств в ходе совершения локутивного акта говорящий наделяет свое высказывание *локутивным значением*. Озвучивая цель говорения в определенных условиях в процессе иллокутивного акта, говорящий сообщает высказыванию определенную *иллокутивную силу*. Проводя какие бы то ни было изменения в сознании адресата в ходе перлокутивного акта, автор при помощи высказывания достигает определенного *перлокутивного эффекта*. Таким образом, существует три пары взаимосвязанных категорий анализа речевого акта и высказывания: локутивный акт – локутивное значение, иллокутивный акт – иллокутивная сила (или функция), перлокутивный акт – перлокутивный эффект.

В зависимости от условий, в которых совершается речевой акт, он может либо стать успешным при достижении поставленной цели, либо быть неудачным и не достичь цели. Важно помнить, что для достижения успеха речевой акт должен быть уместным.

Кроме того, что М.Л. Медведева подчеркивается, что речевой акт

состоит из следующих элементов: 1) иллокуция, 2) участники, 3) высказывание, 4) социальный контекст и 5) условия коммуникации, включающие пресуппозиции, причем, каждую часть можно разделить еще на подтипы [Медведева, 1989, с. 42-44].

Помимо теории речевых актов к аппарату лингвистической прагматики относятся принципы коммуникативного взаимодействия, а также правила, обеспечивающие их соблюдение. Коммуникативная деятельность подчиняется принципу рациональности. Это означает, что, желая достичь определенной цели, человек выбирает такое действие, которое позволит достичь этой цели быстрее, с минимальными затратами усилий. Одним из важнейших принципов, лежащих в основе целенаправленной коммуникации, является принцип коммуникативного сотрудничества, сформулированный американским логиком П. Грайсом в работе «Логика и речевое общение». Этот принцип гласит: «Делай свой вклад в разговор на данной его стадии таким, как этого требует принятая цель или направление разговора, в котором ты участвуешь» [Грайс, 1985]. Данный принцип распространяется и на ПД, так как ПД вступают в коммуникативное взаимодействие с различными социальными группами, способствуя решению проблем, возникающих в процессе функционирования современного общества. Здесь действует принцип коммуникативного сотрудничества и поддерживающие его правила, которые П. Грайс называет максимами.

Это максимы *количества информации*, максимы *качества информации*, максима *отношения*, максимы *способа*. Демонстративное нарушение указанных правил порождает *импликатуры* – домысливание информации, не высказанной в явном виде.

Мы вслед за Е.А. Поповой считаем, что основными действиями в развертывании речевых актов в ПД является выбор языковых элементов и их организация в определенную структуру в соответствии с поставленной коммуникативной целью [Попова, 1995].

Выводы

1. Дискурс как коммуникативное действие (и воздействие), образованный из результата мыслительной и языковой деятельности, включающий экстралингвистические факторы, является междисциплинарным феноменом. Его структура может быть подвержена воздействию тематического сходства, которое может придавать общие языковые черты политическому дискурсу у разных политических деятелей.

2. Политический дискурс – это сложная конструкция, имеющая специфические лексические, синтаксические, и текстовые особенности, которая актуализирует язык, воспроизводя власть в политической коммуникации, выполняет следующие функции в политической коммуникации: информативную, аргументативную, воздействующую, контролирующую и др. По определению Н.Д Арутюновой, дискурс - это речь, погруженная в жизнь. Мы расширим данное определение при понимании политического дискурса - это политическая речь, погруженная в политическую коммуникацию. Политический дискурс образован под влиянием ряда сопутствующих факторов, таких как: политическая коммуникативная ситуация, тематические факторы в политической коммуникации, которые влияют на его функционирование и языковую структуру.

3. Публичная речь как особая форма публицистического стиля, сочетая смежные черты других стилей функциональной стилистики, обладает информативной и воздействующей функцией, а также имеет собственную языковую специфику для достижения прагматических эффектов высказывания.

4. Дискурс-анализ как подход к изучению политической речи отличается от других типов анализа двумя относительно независимыми

характеристиками: во-первых, он изучает языковую форму политического дискурса в конкретной ситуации; во-вторых, типичным объектом анализа часто является языковая единица, которая превышает одно предложение (высказывание).

Глава 2. ЯЗЫКОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

В этой главе рассматриваются лексические, синтаксические и текстовые особенности выступлений политических деятелей США и России в рамках функциональной лингвистики. Проанализированы также целевые слова, шаблоны предложений и знаковые прагматические явления, содержащиеся в дискурсе в рамках формирования смысла предложения, абзаца или конструирования суггестивного фона политической речи.

Важность политических событий определяет собой прямую корреляционную связь с очевидной ролью языковой личности политика в отношении к данному событию. В данной главе отобраны политические выступления президентов, а также других политиков РФ и США за последние годы. Наше внимание в основном фокусируется на классических речах В.В. Путина с момента его вступления в должность в 2000 году. В данной части работы представлен также анализ политических речей Б.Н. Ельцина и Д.А. Медведева.

Из выступлений политиков США, которые необходимы как фон в контрастном освещении, мы сосредоточимся на речах действующего американского президента Д. Трампа во время его пребывания на посту. Для сравнительного фона также будет проведен краткий анализ и краткое описание характеристик некоторых выступлений таких политических деятелей США, как 42-ой президент Билл Клинтон, 43-ий президент Джордж Буш и 44-ый президент Барак Обама. Вместе с тем, главным объектом исследования в этой главе являются политические выступления президента РФ В.В. Путина и президента США Д. Трампа.

2.1 Лексические особенности политического дискурса

На современное политическое строительство и риторику как в России, так и во всем мире оказывают влияние западные ценности. Политическое развитие в определенной степени стало стремиться к одинаковости, в том числе включать в себя «приспособительно-эволюционную» окрашенность современной политической речи, которая стала типичной, имеющей черты сходства. Сходство, созданное в относительно мирной политической обстановке, заставляет каждую страну добиваться соглашений и взаимопонимания при политической конкуренции, чтобы избежать повторения Холодной войны. В то же время после распада биполярной структуры однополярная позиция США эволюционировала от начальной компромиссности к итоговой. В начальные этапы послевоенной эпохи, во времена правления Б. Клинтона, США находились на стадии строительства такого типа национальной политической системы, которая выступала за экспорт западных ценностей. Однако администрация Билла Клинтона не обратила внимания на непредсказуемый потенциал развития РФ, направив большую часть расходов на демократическую экспансию. В какой-то мере начальная поддержка и ослабление напряженности привели к тому, что российская политическая система оказалась под влиянием США, но только на определенный «домюнхенский» период (речь Путина в Мюнхене в 2009 г.). С 2000-х годов возник стиль конфронтации в политической риторике, который в настоящее время достиг максимума.

Общеполитический фон отразился на характере языкового оформления выступлений лидеров: существенно меняется лексика политического диалога. Политическая речь постепенно становится самой знаковой формой выражения взглядов на внутреннюю и международную политику.

Акцентируя внимание на современной российской политической

системе, стоит отметить, что заметно различие между традиционной моделью американо-советских отношений и моделью современных международных отношений этих двух стран.

2.1.1 Прилагательные с коннотативной политической семантикой в речи ведущих лидеров РФ

Наиболее ярким показателем политического отношения к международным проблемам является эпитет, т.е. прилагательное, которое передает качественную или относительную семантику, в которой отчетливо проявляется политическая оценка – и через нее позиция говорящего.

Эпитет как лингвистическое явление в лингвистических и энциклопедических словарях охарактеризован так: «определение, прибавленное к названию предмета с целью подчеркнуть характерное свойство предмета, придать ему художественную выразительность, поэтическую яркость» [МАС, 1961, с. 1048]; как «простейшая форма поэтического тропа, представляющая собой определение, которое характеризует какое-либо свойство, особенность предмета, понятия, явления» [БЭС, 1997, с. 1899-1900] (см. также [Арнольд, 1981, с. 22]). По мнению И.Р. Гальперина, эпитет определяется следующим: это «слово, сочетание слов, предложение в атрибутивном употреблении, которое выражает субъективно-оценочное отношение говорящего к предмету мысли» [Гальперин, 1974, с. 21].

В нашей работе, эпитет используется в значении стилистически экспрессивной фигуры, которая обладает оценочной функцией по отношению к объекту действительности и которая может функционировать в рамках политического дискурса. Мы акцентируем внимание на прилагательном как носителе эпитета, поскольку именно оно чаще всего способно передавать. В этой части прилагательные с маркером политической

позиции, которые понимаются следующим образом: 1) с лингвистической точки зрения они представляют собой прилагательные; 2) с точки зрения значения они имеют гибридный характер семантики, т.е. они содержат семы качества, но эти семы имеют вторичное значение политической характеристики (примером может служить слово «белый» или «красный» в политической ситуации гражданской войны в России. В качестве дополнения мы используем понятие «мегаэпитет», который формируется из прилагательных, имеющих функциональный статус его компонентов.

В данной части работы нами анализируются лингвистические характеристики политических выступлений политиков РФ (частично и США для контраста) в контексте исходной разницы позиций и строения ПД, мотивированной различающимся менталитетом, однако эти различия могут преодолеваются под воздействием тематического сходства или сходства политических позиций. Билл У. Клинтон и Б.Н. Ельцин были президентами в один и тот же период, поэтому имеют больше общего в своих выступлениях на фоне относительно стабильных «домюнхенских» (речь идет о выступлении В.В. Путина в Мюнхене в 2009 г.) отношений между Россией и США.

Б.Н. Ельцин упомянул в своем прощальном выступлении 31 декабря 1999 года: *«Я прошу прощения за то, что не оправдал некоторых надежд тех людей, которые верили, что мы одним рывком, одним махом сможем перепрыгнуть из серого, застойного тоталитарного прошлого в светлое, богатое, цивилизованное будущее»* (<https://www.bbc.com/russian/address.htm>).

В этом тексте употреблены прилагательные с коннотативной политической семой, они представляются противоположными в определенной степени, например, использование прилагательных «серый» и «светлый» подчеркивает изменение эпохи, которое будет отражаться в фундаментальном состоянии общества, и это создает сильный контраст как в коннотативной семантике слов, так и в вытекающей из неё коннотативной

«семе политической позиции», которая как бы не заложена первоначально в этих словах, а возникает из контекста. Вместе с тем определяемые слова «*прошлое*» и «*будущее*», оформленные прилагательными с ярко маркированной политической «квазисемой», согласуются с ними и характеризуются здесь противоположными значениями.

Исходя из текста, использование прилагательных «*серый*», «*застойный*» и «*тоталитарный*» дает описание прошлого состояния страны, по мнению оратора. Вместе с тем видно, что использование таких прилагательных, как «*светлое*», «*богатое*» и «*цивилизованное*» указывает на возможное воплощение в жизнь позитивного прогноза относительно будущего страны. В целом эти прилагательные как компоненты более общего значения образуют мегаэпитет, приблизительно передаваемый словом «развитая» страна – в соотношении с политическим термином «развивающаяся». В своем выступлении Б.Н. Ельцин объективно признал недостатки в развитии России и отметил, что можно создать процветающее общество (как он его понимал).

Использование подобных прилагательных с коннотативной семантикой политической позиции появляется еще раз в той же речи: «*Мы создаем важнейший прецедент цивилизованной добровольной передачи власти – власти от одного Президента России другому, вновь избранному*». Также: «*Россия должна войти в новое тысячелетие с новыми политиками, с новыми лицами, с новыми умными, сильными, энергичными людьми. А мы – те, кто стоит у власти уже многие годы, – мы должны уйти*» (там же).

Здесь в подобной функции противопоставления выступают имплицированные определения – старый и новый президент, при этом новый характеризуется эпитетами с предельно четко выраженной семантикой позитивного плана. Что касается старого президента, то мегаэпитет с его характеристикой имплицирован, можно сказать, выступает в нулевой форме.

По сравнению с Б.Н. Ельциным, Б.У. Клинтон последовательно выступал за мирную внешнюю экспансию, и он ставил перед собой цель максимально приблизить национальные интересы США к идеальному статусу добровольно-принудительного согласия с ними других стран как результата навязывания своих интересов. Благодаря зарубежным операциям и дипломатическому продвижению интересов в важных точках мира США достигли политико-экономического расцвета во время правления Билла Клинтона.

Формулировки фраз в политических выступлениях Б.У. Клинтона отличаются колебаниями между «согласием» и «оппозицией» как полюсами при понимании консенсуса внутри страны. Он склонен давать объективную и точную оценку явлениям, но всегда только с позиций силы и приоритета США, хотя и более умеренно, чем последний президент этой страны Д. Трамп. Соответственно, употребление прилагательных с семантикой политической позиции в политическом дискурсе Б.У. Клинтона и отношение к действиям выражается ясно.

Так, в выступлении при выдвижении демократической партией в 1992 году, Б.У. Клинтон обратился к гражданам с такой речью: *«Я называю этот подход Новым Заветом, торжественным соглашением между людьми и их правительством, основанным не просто на том, что каждый из нас может предпринять, но на том, что все мы должны дать нашей нации».*

В данном комплексе политических речевых актов сочетание прилагательного «торжественный» с определяемым словом «соглашение» в коннотации укрепляет и символизирует дух взаимного доверия и общий дух незримой договоренности между народом и правительством. В то же время слово «торжественный» проявилось в этой теме взаимоотношений между народом и правительством неслучайно, а в контексте очень древней и значимой книги (Нового завета), выражая серьезность и «клятвенность» позиции У. Клинтона по отношению к произносимой им речи. При этом мы

наблюдаем апелляцию к религиозному духу американского народа, который отличается отменной крепостью.

Фраза «Я торжественно клянусь...» в дальнейшем течении речи также делает речь президента Б.У. Клинтона более убедительной. Такое строгое и торжественное обращение к народу, рассчитанное на общественное доверие и доброе вплоть до религиозного отношение народа к власти в значительной степени помогло Б.У. Клинтону выиграть на президентских выборах год спустя.

Однако после победы на выборах демократической партии Б.У. Клинтон в качестве кандидата на роль президента, являясь виртуальным представителем будущего справедливого правителя, призывает к ослаблению различия между классами, призывает к экономическому росту и учету национальных интересов, что смягчает общественные проблемы. Такая целевая установка привела Б.У. Клинтона к победе над Джорджем Гербертом Бушем на президентских выборах 4 ноября 1992 года, – так закончилось правление в США республиканской партии 12 лет подряд.

Возвращаясь к речи Б.У. Клинтона, подчеркнем, что употребление слова «торжественный», а также торжественное и почти религиозное отношение к данному соглашению в нижеследующем течении речи Б.У. Клинтона создали субъективный контекст с позитивной и стабильной характеристикой суггестивного плана: был включен регистр веры вместо регистра разума, который мог критично разрушить образ будущего, нарисованный Б.У. Клинтон в своей речи. Данная речь в своей суггестии значительно повышала чувство безопасности и стабильности у народа, которое возникает в виртуальном образе мира будущего под воздействием политического дискурса говорящего. Отсюда очевидно, что в этом контексте наиболее подходящим прилагательным перед словом «соглашение» является слово «торжественный», а другие уже менее подходят к этому контексту.

Подобное использование прилагательных также появилось на первом инаугурационном выступлении в 1993 году: *«Мы знаем, что должны посмотреть в глаза жестокой правде и принять решительные меры. Но мы этого не делали. Вместо этого мы увивали, плыли по течению, и это увивание и желание плыть по течению разъело наши ресурсы, нанесло вред нашей экономике и поколебало нашу уверенность»* (Б.У. Клинтон, инаугурационная речь, 20.01.1993, <https://www.twirpx.com/file/767640/>).

Прилагательные в речи Б.У. Клинтона подчеркивают коллокацию модификаторов и модифицированных слов и преследуют цель – создать наилучшую комбинацию между ними. В данном контексте также возникает политическая мегаметафора, формируемая из компонентов-прилагательных *жестокая, решительные*. Характерно, что антонимичные элементы присутствуют в данном контексте в нулевой форме, но легко восстанавливаются из контекста: мыслится, что нация *плывет по течению* в условиях *добродушной лжи, нерешительно бездействуя*. Имплицируемые элементы входят в общий смысл политического дискурса при его полном понимании как восстанавливаемые фрагменты (не пресуппозиции, а его нулевые элементы).

Иной подход мы наблюдаем в приведенной выше политической речи Б.Н. Ельцина: использованный тип прилагательных менее высокопарен, имеет тенденцию объективно оценивать реальность, а не рисовать виртуальный образ будущего, в который нужно верить с выключенным рационализмом.

Хотя между Б.У. Клинтоном и Б.Н. Ельциным существуют различия в характере политической позиции и в стратегии построения ПД, стиль политических выступлений, у них относительно схож, что объясняется воздействием политико-ситуативного сходства в то историческое время.

По функционированию прилагательные в обоих выступлениях относительно метафористичны, одинаково формируют мегаэпитеты и

согласуются с историческим контекстом, также эти прилагательные подходят к общему стилю изложения и тем самым помогают улучшению суггестивного эффекта политического дискурса.

В следующей части будут рассмотрены прилагательные в текстах политических выступлений президентов США и РФ, которые передают семантику личностного отношения и используются в политической речи обоих президентов.

1. Прилагательные (положительные характеристики)

В инаугурационной речи в 2000 году В.В. Путин сообщил: *«У нас общие цели – мы хотим, чтобы наша Россия была свободной, процветающей, богатой, сильной, цивилизованной страной, страной, которой гордятся её граждане и которую уважают в мире»* (В.В. Путин, 07.05.2000, <http://kremlin.ru/events/president/news/38089>).

Безусловно, такие прилагательные *«свободной»*, *«процветающей»*, *«богатой»*, *«сильной»* и *«цивилизованной»* образуют мегаэпитет, который можно передать политическим термином «развитая страна». В начале своего президентства В.В. Путин использовал эти прилагательные с активной семантикой политической позиции, чтобы создать позитивный имидж страны. Исходя из выбора этих прилагательных видно, что под управлением Б.Н. Ельцина Россия уже избавилась от экономических трудностей после распада Советского Союза, и взгляд В.В. Путина на развитие РФ в новой ситуации изменился. По его мнению, нужно не только настаивать на продолжении восстановления экономического роста, но и обращать внимание на развитие других областей жизни страны.

С одной стороны, самое сложное время в процессе национального экономического роста завершилось, при этом экономика была оживлена. В это время существуют основания и условия для выражения своего стремления к созданию более сильной во многих других сферах страны. С другой стороны, эти прилагательные отражают цели и задачи на предстоящий

срок правления В. В. Путина, которые являются символом поэтапного процесса развития страны.

В речи на момент вступления в должность президента в 2004 году В.В. Путин произнес: *«И, конечно, мы могли гордиться авторитетом **сильной**, но **миролюбивой** страны. Они оставили нам с вами в наследство **огромную, великую державу**»* (В.В. Путин, «Инаугурационная речь», 07.05.2004, <http://kremlin.ru/events/president/news/30888>).

Использование прилагательных в данном фрагменте в определенной степени можно рассматривать как самооценку политических достижений в области национального строительства в течение своего прежнего срока правления. В данном высказывании оценка страны В.В. Путиным отражает образ страны, образованный с помощью неустанных трудов предшественников. Использование прилагательных «сильный» и «миролюбивый» для описания образа страны формирует мегаэпитет, который осознается как целое значение, и это усиливает эффект суггестивности высказывания.

В инаугурационной речи в 2012 году В.В. Путин заявил следующее: *«Мы хотим и будем жить в успешной России, которую уважают в мире как **надежного, открытого, честного и предсказуемого партнера**»* (05.07.2012. <http://www.kremlin.ru/events/president/news/15224>).

В это время он вступил в третий срок своего правления в качестве президента. В 2012 году Россия уже испытала и достойно преодолела многие экономические трудности, в том числе экономический спад после распада Советского Союза и финансовые потрясения, охватившие весь мир в 2008 году; страна постепенно выходит из кризиса. Благодаря росту мировых цен на нефть российская экономика быстро развивалась. Употребление прилагательного «успешный» указывает на то, что поставленные президентом цели развития РФ изменились по направлению освобождения от трудностей к строительству успешного государства. Поэтому появление

таких слов, как «надежный, честный, предсказуемый» формирует позитивный имидж РФ в международном сообществе. В целом все использованные адъективные семемы могут восприниматься как семы на следующем уровне при формировании гиперсемантики мегаэпитета, которую можно приблизительно охарактеризовать гиперонимом «порядочный».

В.В. Путин выступил в «Послании» в 2014 году: *«В этом году мы вместе прошли через испытания, которые по плечу только зрелой, сплоченной нации, по-настоящему суверенному и сильному государству»* («Послание», 04.12.2014, <http://kremlin.ru/events/president/news/47173>).

В этом политическом речевом акте модификации слов «суверенитет» и «государство» характеризуют собой национальную идентичность страны. Важно увидеть, какие мегаэпитеты формируются в данном политическом речевом акте посредством прилагательных политической оценки. В первом случае компоненты *зрелая* и *сплоченная* образуют мегаэпитет с трудно выразимым одним словом смыслом, но он все равно осознается как единая гиперсемантика (приблизительно как «состоявшаяся» страна). Следующая пара прилагательных с маркером политической оценки может на следующем уровне сформировать гиперсемантику мегаэпитета: *суверенный* + *сильный* = «крепкий», т.е. крепкое государство.

В «Послании» в 2015 году В.В. Путин высказал следующее мнение в рамках ПД: *«Предвыборная конкуренция должна быть честной и прозрачной, проходить в рамках закона, с уважением к избирателям»* («Послание», 03.12.2015. <http://kremlin.ru/events/president/news/50864>).

Как и во всех своих выступлениях, он выразил собственное отношение к «чистоте» политики. В.В. Путин считает, что неизбежная конкуренция на президентских выборах должна быть справедливой и прозрачной, чтобы политики несли ответственность перед избирателями и отвечали за свои действия перед законом и государством. Обеспечение такого рода справедливости и прозрачности может заставить демократию существовать в

конкретной форме. В данном случае прилагательные с имплицитной семантикой политической оценки способны сформировать мегаэпитет, который опять же сводится к идее *порядочности* как гиперсемантике гипонимической единицы ПД.

Рассмотрим еще один фрагмент ПД. В своей инаугурационной речи в 2018 году В.В. Путин высказал следующее мнение: *«Их мужество, неустанный труд, непобедимое единство, священное отношение к родной земле – вечный пример преданности Отчизне»* (07.05.2018, <http://kremlin.ru/events/president/news/57416>).

Употребление словосочетаний «неустанный труд» и «непобедимое единство» ощущаются как некое единство, способное сформировать гиперединицы двух планов: субъектного и адъективного типа. Так, *труд* и *единство* воспринимаются как гиперлексема **сотрудничество**, а адъективы *неустанный и непобедимый* могут сформировать мегаэпитет с общей идеей *надежный* (приблизительно). Таким образом, при понимании адресат способен выделить только три концептуальных центра в данном фрагменте ПД.

Приведем отрывок речи, с которой выступил В.В. Путин во время торжественной церемонии открытия чемпионата мира FIFA 14 июня 2018 года: *«Мы ответственно готовились провести у себя это грандиозное мероприятие и сделали всё для того, чтобы болельщики, спортсмены, специалисты могли полностью погрузиться в атмосферу великолепного праздника футбола и, конечно, получили удовольствие от пребывания в России – открытой, гостеприимной, радушной – обрели здесь новых друзей, новых единомышленников»* (<http://kremlin.ru/events/president/news/57787>).

В данном отрывке особенно важны такие прилагательные, как «грандиозный», «великолепный», «открытый», «гостеприимный», «радушный». Во-первых, появление прилагательного «грандиозный» четко характеризует масштаб данного мероприятия, другие слова – такие как

«большой» – не могут выразить особую важность этого мероприятия. Во-вторых, слово «великолепный» отражает, что чемпионат мира по футболу является не только соревнованием, но и важным и прекрасным праздником для всех болельщиков из разных стран. Однако особое значение для нас имеют последние три адъектива: «открытый», «гостеприимный», «радушный», которые отражают характер русского народа. В России можно прочувствовать менталитет русской нации как нигде в мире. На наш взгляд, эти три финальных адъектива способны образовать единый мегаэпитет с общей содержательной основой, которую осознает адресат как единую тему-характеристику в виде гиперсемантики, приблизительно соответствующей выражению «хороший народ / хорошая страна».

Перейдем к анализу ПД американского президента, имеющего совершенно другой менталитет, который неминуемо будет отражаться в характере ПД.

В политических выступлениях Д. Трампа также часто употребляются прилагательные с актуализированной семантикой политической позиции, приведем фрагмент выступления:

«Конструктивный диалог между Соединенными Штатами и Россией дает возможность открыть новые пути к миру и стабильности в нашем мире» (Д. Трамп, «Хельсинкская пресс-конференция», 16.07.2018, <http://kremlin.ru/events/president/news/58017>).

В этом случае прилагательное «конструктивный» дает позитивное подтверждение стремления государства, а не является признаком дипломатического этикета, так как отличается от обычного употребления Д. Трампом этого слова в предыдущих его политических выступлениях. По сравнению с прилагательными, используемыми для похвалы или для поддержания отношений, данное слово помогает достичь консенсуса по обсуждаемым вопросам или основы для достижения консенсуса. Кроме того, появление прилагательного «конструктивный» подтверждает, что обе

стороны намерены нормализовать американо-российские отношения. Следовательно, данное прилагательное не только имеет положительное значение в отношении, но также создает постоянное внимание к реальным действиям после диалога. В результате мы можем охарактеризовать этот адъектив как маркер, детерминированный идеей сходства, т.е. снимающий особенности национального менталитета и устанавливающий ориентацию на схожие наднациональные ценности и принципы понимания проблем мира. Данные прилагательные с маркером политической оценки очень важны для понимания общего настроения ПД в целом.

Проанализируем фрагмент речи В.В. Путина в «Послании» от 03.12.2015: *«Сегодня мы вновь лицом к лицу столкнулись с **разрушительной, варварской** идеологией и не имеем права допустить, чтобы новоявленные мракобесы добились своих целей»* («Послание», 03.12.2015. <http://kremlin.ru/events/president/news/50864>).

Данное высказывание речевого акта в ПД В.В. Путина критикует террористическое нападение на Россию, – крушение российского пассажирского самолета 31 октября 2015 года. В этом фрагменте употреблены прилагательные *«разрушительный»* и *«варварский»* для выражения возмущения по отношению к терроризму. Хотя в данном случае президент подчеркивает важность безопасности для государства и заявляет о твёрдом отношении к поддержанию национальной безопасности, но появление вместе этих двух прилагательных усиливает отрицательный смысл возникающего мегаэпитета с гиперсемантикой «плохой», характерной для идеологии терроризма. Смыслов прилагательных *«разрушительный»* и *«варварский»* однозначен, и также трудно представить, что выражение с данными словами не имеет отрицательного смысла.

В предвыборном выступлении 2004 года В.В. Путин выразил следующее мнение: *«Политические спекуляции на естественном стремлении людей к демократии, серьезные просчеты при проведении экономических и*

социальных реформ привели тогда к очень тяжелым последствиям». (В.В. Путин, «Выступление кандидата в президенты России», 12.02.2004, <https://regnum.ru/news/217331.html>)

В этой речи использование слова «тяжёлый» – это краткое изложение исторических уроков и предотвращение таких ошибок в будущем. Его можно представить как реализованную мегаметафору, которая может «рассыпаться» на ряд прилагательных с семантикой политической оценки: *разрушительные, катастрофические, деструктивные* и т.д. *последствия*. Таким образом, в ПД может реализоваться стратегия использования как деконструированных, так и сконструированных мегаметафор.

Приведем отрывок предвыборной речи В.В. Путина 2004 года: *«Больше того, страна впала в унижительную зависимость от международных финансовых организаций и разного рода международных финансовых спекулянтов».* (12.02.2004, <https://regnum.ru/news/217331.html>)

В данном ПД употреблен редко встречаемый тип прилагательных, например, «унижительный». Использование этого прилагательного делает всю тему выступления чрезвычайно окрашенной в эмоциональном плане. Данная сема эмоциональной оценки характерна как редкое вкрапление в ПД Путина (последнее такое вкрапление – «подхрюкивают» в послании Государственному собранию 20.02.2019 г.)

Нечто подобное можно встретить в речи Д. Трампа: *«Недавно я сказал, что НАТО устарелой, потому что нельзя смириться с терроризмом. А также сказал, что многие из стран-членов не платят свою справедливую долю»* (Д. Трамп, «Речь на Республиканском национальном съезде», 21.07.2016, <https://www.politforums.net/usa/1484070793.html>).

В этом высказывании Д. Трамп использовал прилагательное «устарелая» для оценки нынешнего НАТО, употребление этого слова является радикальным и содержит эмоциональную сему с резко отрицательным значением. Хотя это слово не является полным отрицанием

возможности НАТО, но прямо указывает на то, что контроль НАТО над мировым порядком не так хорош, как был раньше; особенно отражается в этом слове недовольство Д. Трампа тем, что НАТО играет все меньшую и меньшую роль в поддержании мирового военного порядка.

Итак, по итогам анализа мы обнаружили 79 прилагательных с маркером политической позиции из 53 отрывков ПД (см. примеры в приложении 1).

В 11 политических выступлениях В.В. Путина количество прилагательных (положительные характеристики) составляет 63, что занимает долю в 80 процентов, количество прилагательных (отрицательные характеристики) составляет 16, что занимает долю в 20 процентов (см. таблицу 1).

Прилагательные с маркером политической позиции (положительные характеристики)	Прилагательные с маркером политической позиции (отрицательные характеристики)
зрелая, сплочённая нация монолитная русская нация централизованное Российское государство сильная Россия вежливая, грозная армия настоящий, подлинный, а не искажённый, фальшивый образ России. искренние друзья мощный источник развития здоровая семья эффективное, ускоренное достижение талантливые, умные, трудолюбивые люди	трагическое последствие человеконенавистническая идея чувствительный серьёзный вопрос опасная иллюзия время сложное, напряжённое острый вопрос недостижимые высоты трагические страницы

<p>добросовестный труд</p> <p>надёжная репутация</p> <p>бесценный потенциал</p> <p>неустанный труд, непобедимое единство</p> <p>вечный пример</p> <p>мирное и процветающее настоящее и будущее</p> <p>желанные, умные малыши</p> <p>огромная, необъятная Родина</p> <p>свободная, процветающая, богатая,</p> <p>цивилизованная страна</p> <p>светлые страницы.</p> <p>прозрачная конкуренция</p> <p>квалифицированные люди</p> <p>удобные, комфортные, современные условия</p> <p>прочная опора</p> <p>неплохая динамика</p> <p>положительная и позитивная динамика</p> <p>честные, порядочные люди</p> <p>перспективные рынки</p> <p>доброжелательный, равноправный диалог</p> <p>успешная Россия</p> <p>чистые помыслы</p> <p>миролюбивая страна</p> <p>великая держава</p> <p>ведущая держава</p> <p>качественные услуги</p> <p>активная жизнь</p> <p>деятельные, неравнодушные граждане</p> <p>Значимая задача</p>	<p>разрушительная,</p> <p>варварская идеология</p> <p>бесчеловечные теракты</p> <p>агрессивная реакция</p> <p>тяжелые последствия</p> <p>унизительная</p> <p>зависимость</p>
--	--

Благоприятная среда		
Выдающиеся достижения		
грандиозное мероприятие		
открытая, гостеприимная, радушная Россия		
великолепного праздника		
итоги	63	16

Таблица 1

Согласно статистическому анализу, прилагательные в политическом дискурсе В.В. Путина встречаются довольно часто, из чего можно сделать вывод, что президент склонен более выражать позитивную позицию в своих политических речах, и в этом показан оптимистический политический характер их обоих. Отметим, что использование политиками прилагательных может способствовать многогранному развитию рейтинга, политического имиджа, политической репутации политика. Но перед лицом принципиальных проблем политики придерживаются принципа прагматичного подхода к делу и дают ошибкам или неправомерным действиям прямую критическую оценку. Прилагательные, используемые В.В. Путиным для описания различных политических ситуаций, имеют широкий диапазон.

2.1.2 Наречия с коннотативной семантикой субъективности в политическом дискурсе

Наречия являются частью речи, которая функционально равна прилагательным, т.к. описывает качество или обстоятельства действия. Именно поэтому наречия похожи на прилагательные и в целом похожи на «глагольные эпитеты».

Наречия степени имеют характер интенсивности признака [Русская грамматика, 1980, с. 702], и в процессе оформления глагола наречия степени

могут описывать интенсивность и характер действия в одно и то же время. При оформлении прилагательных с использованием наречий степени последние могут также оформлять существительные (или местоимения). В то же время связь между прилагательным, существительным (или местоимением) и наречием степени можно рассматривать как прямое и косвенное соотношение синтаксического оформления.

Как отмечают ученые, наречия меры и степени как лексические и грамматические единицы, имеющие конкретный и дополнительный смысл в сочетании с полнозначным словом, обладают семой признака, реализуют функцию указания на степень величины или на оценку признака субъекта речи [Ховалкина, 1996, с. 80]. В этом смысле они способны в полной мере свидетельствовать и о политической позиции, подобно вышеописанным прилагательным, поэтому наречия степени представляют собой «сложнокомпонентные» (в смысле компонентного состава) слова, они выполняют роль в том числе и маркера политической позиции, увеличивая свою языковую функцию.

«Сложнокомпонентное» наречие степени одновременно обладает двойными характеристиками качества и степени влияния (продолжительности), т.к. составлено из «качественных», «частотных» или «интенсивных» компонентов. Соответственно, в нашем исследовании был проведен многомерный анализ данного типа наречия степени по качеству от отрицательной до положительной оценки, но и по степени влияния (продолжительности): от низкого (короткого) к высокому (длинному) при естественной метафоризации семантики данных компонентов в контексте политической речи. При этом мы не анализируем «сложнокомпонентные» наречия степени по формальной структуре, например, «абсолютно плохо» состоит из двух слов и т.д. В контексте нашего рассмотрения имеет значение семантика в ее детализации, применимой к политическому контексту речи. Здесь наречие субъективной оценки, подобным образом функционируют как

наречия с лингвистической точки зрения, но в семантике также имеют гибридные семы, которые могут характеризовать субъективное отношение политика политической ситуации, например, поворот налево или поворот направо у водителей автомобилей означает не то же самое, что и у политиков (правый поворот в политическом контексте означает смену политического курса).

При анализе сложнокомпонентных (с включением семы эмоционального или личностного отношения) наречий меры и степени мы составили координатную систему (см. рисунок 1). Ось *x* представляет собой линию «качество» как семантический компонент наречий, Ось *y* отражает количество («частотность» или «интенсивность») как семантику наречий.

Ось *x* представляет собой линию «качество» как семантический компонент наречий, т.е. оценивает предикат или обстоятельство действия, подобно прилагательному с характеристикой положительной или отрицательной семантики.

Ось *y* отражает «частотность» или «интенсивность» как семантику наречий, т.е. служит для маркировки слов действия или деятельности в политической речи, которые могут иметь разную интенсивность влияния «положительного» или «отрицательного» характера, которая измеряется глубиной и шириной.

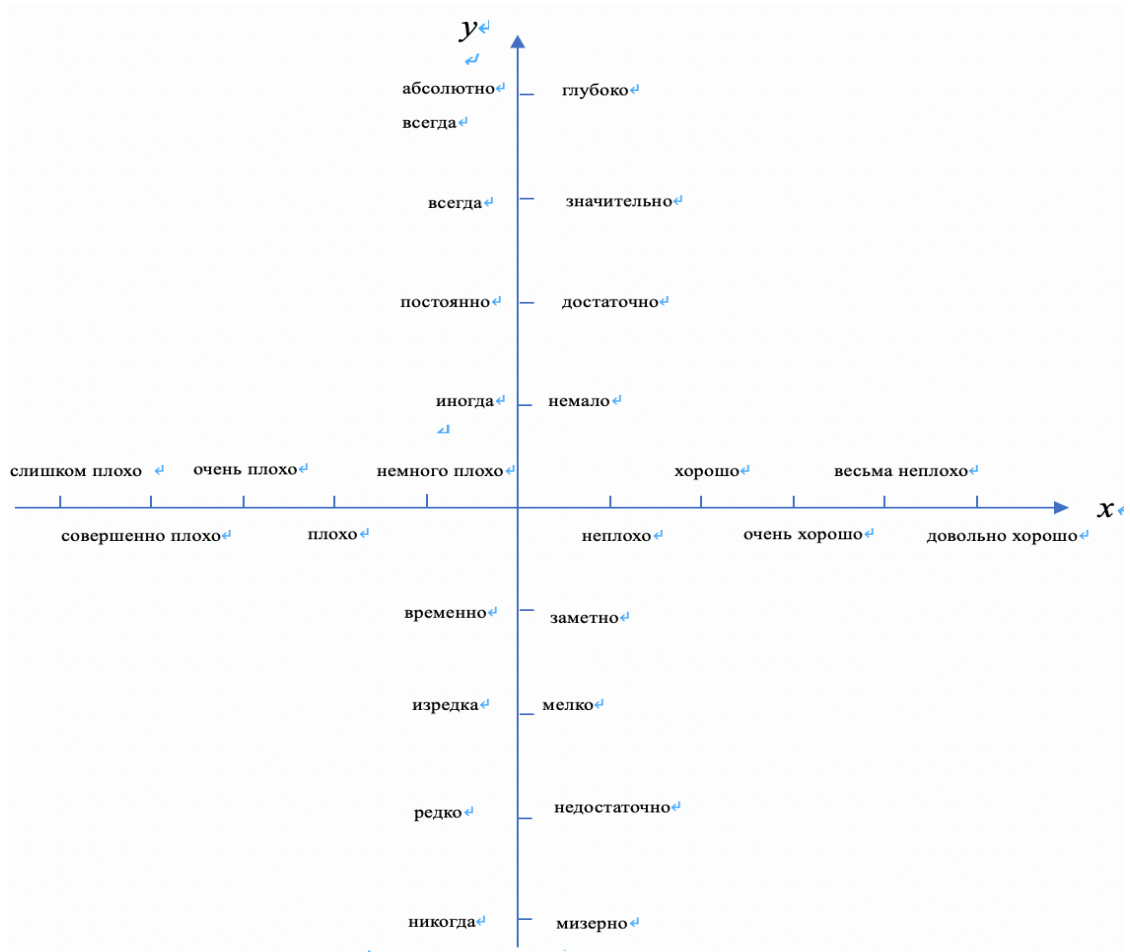

Рисунок 1

Данная координатная система позволяет соотнести семантику наречий в системе качества и интенсивности проявления признака действия (или другого признака). Рассмотрим фрагмент выступления Д.А. Медведева на «Расширенном заседании Государственного совета» 24 апреля 2012 года:

«Но абсолютно несправедливо, просто унизительно считать Россию нацией, не способной к свободной жизни, нацией, которая не заслуживает свободы». (24.04.2012, <http://special.kremlin.ru/events/state-council/15111>)

В данном отрезке ПД мы наблюдаем ярко выраженный характер семантики наречия *«несправедливо»*, которое усилено другим наречием меры и степени *«абсолютно»*. Данное словосочетание в совокупности значительно усиливает суггестивный эффект речевых актов в целом. В соответствии со значением самих слов и особенностью речевых актов, результат оценки в данном случае имеет очевидный отрицательный характер и оказывает

значительное влияние на слушателя. Слово «*несправедливо*» входит в систему координат «совершенно плохо» на нашей схеме. Кроме этого, далее в политических речевых актах используется слово «*унизительно*», которое выражает еще и личные эмоции говорящего.

На основании анализа компонентов значения слова «унизительно» (*низкий в чем либо, приписываемый к низкому*) и его влияния на аудиторию приходим к выводу, что данное слово относится к шкале с экстремальным отрицательным признаком в системе координат на нашей шкале. Соответственно, координата со значением «слишком плохо, огромно», которая оформлена при помощи фразы «*просто унизительно*», тоже усиливает влияние речевых актов в отрицательной коннотации. Таким образом, Д.А. Медведев выразил свое отношение к озвучиваемой теме в своем выступлении с привлечением эмоциональных компонентов семантики, что в политической речи означает экстраординарность коммуникативной ситуации в каком-либо смысле.

Говоря о национальном имидже и демократической системе российского государства, Д.А. Медведев выразил высокую степень гнева. В дополнение к произведенному суггестивному эффекту, данное выражение эмоций на более высоком уровне смысловой диалогичности является контратакой против цикла политических выступлений оппонентов, т.е. содержит в себе еще и имплицитную сему диалогизма. В то же время, обладая двойственной идентичностью (как президента РФ в то время, так и гражданина РФ), оратор при помощи сходной с гражданской позицией в рамках двойной эмоции легко связывает себя с аудиторией сограждан, а также одновременно отражает эмоции руководителя с помощью указанных слов в рамках ПД. Конечный прагматический результат этого процесса политических речевых актов позволяет получить поддержку слушателей путем построения общей модели понимания страны и менталитета нации, основанной на патриотизме и национальном духе.

Характерным примером, приведенным для сравнения, может служить речь Д. Буша, в которой высокочастотное употребление наречия степени стало одной из прагматических особенностей, т.е. маркеров стиля его политических выступлений. Еще до момента вступления в должность Д. Буша в начале 2001 года два правительства США последовательно занимались вопросами безопасности, а именно разрешением проблем, связанных с терроризмом. Таким образом, Д. Буш вынужденно продолжил такую линию и выступил со значительным количеством политических речей по вопросам национальной безопасности. Среди особенностей таких выступлений можно выделить добавление и использование большого количества наречий с целью описать напряженную ситуацию и ответить на вопросы безопасности (война с терроризмом) с точки зрения твердой позиции по этому вопросу.

Употребление наречий степени в политических комментариях и в особенности после инцидента 11 сентября резко увеличивается, при этом как семантика, так и их количество свидетельствуют о подчеркнутом отношении правительства к борьбе с терроризмом. Так, Буш упомянул в своей речи в Белом доме в ночь на 11 сентября: *«Тысячи жизней внезапно закончились злобными, подлыми актами террора»* (Д.У. Буш, Обращение к Нации, 11.09.2001, <https://inosmi.ru/untitled/20010913/139362.html>).

Наречие степени «внезапно» описывает последствия, вызванные террористическим нападением. В то же время использование этого слова заставляет адресатов сформировать собственное твердое отношение к проблеме ликвидации терроризма, так возникает единомыслие во время психологической обратной связи. Наречие «внезапно» имеет высокую степень модификации, и выражение с этим словом обычно оказывает сильное влияние на чувства и воображение аудитории. Кроме того, употребление данного наречия сопровождается субъективным преднамеренным акцентом на определенные детали в объективных

обстоятельствах. Поэтому, основываясь на координатах, описанных в Таблице 2, поясним, что данное слово относится к диапазону сильного суггестивного влияния, т.е. находится на полуосной части оси *y*. Для данного речевого акта это наречие степени подчеркивает степень и силу влияния, а не продолжительность влияния (как возможный компонент значения), хотя данное слово в определенном контексте используется для подчеркивания скорости производства действия (само действие происходит быстро и имеет короткую продолжительность). Само слово отдельно не содержит качественной оценки, но в сочетании с контекстом его можно рассматривать как содержащее сему с «негативной модификацией» (приблизительно равно слову «подло» в коннотации), т.е. это слово принадлежит к отрицательной полуоси части оси *x*.

Наречие степени *внезапно* в этом отрывке следует позиционировать во втором квадранте (ареал сем: *отрицательный и сильно влияющий*). На определенной отметке шкалы, в соответствии со смыслом высказывания, часть качества (ось *x*) следует оценивать как «слишком плохое». Инцидент 11 сентября знаменует собой терроризм в целом как самую серьезную проблему и удар по международной системе безопасности. Только по сравнению с полномасштабной войной масштаб и влияние на положение дел в мире террористических атак ограничены в определенной степени.

Подобное употребление наречия степени выражено также в следующем отрезке речи Буша: *«Я очень благодарю членов Конгресса, которые присоединились ко мне и решительно осудили эти нападения» (там же)*.

Влияние наречия степени *«решительно»* на общий контекст высказывания также является сильным как по компонентному составу значимого слова, так и по суггестии. Положение наречия степени *«решительно»* в нашем координате: оно находится во втором квадранте, а градуированный знак шкалы должен быть близок к слову *«внезапно»*. Наречие степени *«решительно»* описывает интенсивное состояние действия

при модификации слова «осудить», т.е. при таком употреблении отражается и эмоциональная сема, передающая возмущение Д. Буша в связи с инцидентом 11 сентября.

В то же время отношение самого говорящего и его коллег к терроризму в этом отрезке в большой степени соответствует ожиданию народа от антитеррористических действий правительства. Кроме того, в серии выступлений после инцидента 11 сентября, слово «немедленно» было неоднократно употреблено Д. Бушем для выражения настоятельной решимости проводить антитеррористические акции. Поскольку Буш уделял большое внимание в области распределения бюджета и пропаганды вопросам национальной безопасности, после инцидента 11 сентября практически исчезли угрозы терактов внутри США, т.е. угрозы американской внутренней безопасности были устранены (кроме граждан США, нападающих с оружием на соотечественников по бытовым причинам), что соответствовало интересам политики США после этого события.

Так перед нами открывается политический компонентный спектр некоторых типов ключевых слов и общий характер речей Д. Буша и Д.А. Медведева, вынужденных выступать в напряженной политической обстановке, и ряд общих черт в построении ПД обусловлен сходством.

Также мы проанализируем ряд «сложнокомпонентных» (с включением семы эмоции или субъективного отношения) наречий степени с различными характеристиками и определим их языковую функцию, а также определим их положение в системе координат разработанной нами таблицы.

1. Первый квадрант (положительный атрибут, семы «глубокая/длинная» в метафоре).

Обратимся к речи В.В. Путина при вступлении в должность: *«В эти минуты, вступая в должность Президента России, особенно остро осознаю свою колоссальную ответственность перед каждым из вас, перед всем нашим многонациональным народом, ответственность перед Россией –*

страной грандиозных побед и свершений, перед тысячелетней историей российской государственности и нашими предками» (07.05.2018, <http://kremlin.ru/events/president/news/57416>).

Сложнокомпонентное наречие степени «остро» модифицирует глагол «осознать», образуя конструктор «осознать в значительной степени, при этом с пониманием ответственности и некой опасности (от семы острый)». Наречие «особенно» дополнительно модифицирует наречие «остро», усиливая степень данного значения [см. подробнее в НКРЯ: 139]. Поскольку дополнением является слово «ответственность» в данном предложении, глагол «осознать», модифицированный словом «остро», показывает, что ответственность и обязанности Президента РФ выходят за рамки общего уровня обыденного понимания, причем подчеркивается и его субъективное понимание этой ответственности (фактически, напряженности судьбы в политической позиции высокой должности).

Рассмотрим отрывок выступления В.В. Путина на торжественном вечере, посвященном Дню защитников Отечества 20 февраля 2014 года: *«Армия и флот **незыблемо стояли** на страже ее национальных интересов, обеспечивали мирную, стабильную жизнь и, когда требовалось, **твердо держали удар и побеждали**»*. (<http://kremlin.ru/events/president/news/20293>)

Два сложнокомпонентных наречия степени, имеющие аналогичное значение, используемые В.В. Путиным в этом случае, указывают на основные функции российской армии, которая отвечает за защиту интересов государства. В ПД подчеркнута синонимичность этих наречий (*твердо и незыблемо*), что может служить иконическим символом рамочной связи, налаживающим опоясывающую связь между двумя частями предложения с политическим смыслом. Итак, семантические структуры этих наречий приблизительно одинаковы: «незыблемо» (довольно твердо, без подвижек); «твёрдо» (без физического изменения позиции). Это позволяет позиционировать эти наречия в одном квадранте таблицы, что

свидетельствует о их коммуникативном и семантико-функциональном сходстве при оформлении политических речевых актов.

Другим примером может служить следующее высказывание В.В. Путина во время вступления в должность президента в 2018 году: *«Россия должна быть современной и динамичной, должна быть готова смело принимать вызовы времени и так же энергично отвечать на них, чтобы последовательно наращивать свое лидерство в тех сферах, где мы традиционно сильны, и уверенно, кропотливо, собрав волю в кулак, работать там, где мы ещё должны будем добиться нужных для нас результатов, там, где сделано ещё явно недостаточно»* («Инаугурационная речь», 07.05.2018, <http://kremlin.ru/events/president/news/57416>).

В этом фрагменте ПД В.В. Путин выдвигает требования к будущему развитию страны, предлагает сохранять превосходство национальных проектов в развитии страны. Семантика наречия *«кропотливо»* (медленно и тщательно с учетом мелочей) обладает более важным значением для уточнения семантики слова *«работать»*, потому что работа по развитию страны требует последовательного и тщательного отношения, а не радикального духа (хотя в последнее время говорится и о скачке). Таким образом, шкалы анализируемых слов в Таблице должны быть следующими: *«смело»* (несмотря на опасность), *«энергично»* (очень усиленно), *«кропотливо»* (медленно и тщательно) находятся в квадранте положительных смыслов (с учетом контекстного значения слова *кропотливо*). Итак, позиционирование – Второй квадрант (положительный атрибут и семы *глубокая/ длинная* в метафорике).

Несколько иные семантические структуры имеют другие наречия в ПД В.В. Путина. Рассмотрим фрагмент ПД, произнесенный В.В. Путиным (в предвыборной речи в 2004 году): *«Трудно и медленно формируется у нас рынок услуг»* (В. В. Путин, «Выступление кандидата в президенты России», 12.02.2004, <https://regnum.ru/news/217331.html>).

В данном политическом речевом акте В.В. Путин охарактеризовал текущую экономическую ситуацию страны и отметил, что однообразная структура услуг по-прежнему остается проблемой. Употребление наречий степени «трудно и медленно» показывает, что нынешняя ситуация не устраивает граждан. В нижеследующем тексте президент указывает причины этой ситуации, такие как монополия на государственную власть на рынке услуг, что приводит к ухудшению качества обслуживания и коррупции. Очевидно, что рынок услуг имеет большое значение, но, чтобы ему можно было стать основой для развития РФ, действительно, еще предстоит решить множество проблем. Итак, слова «трудно» и «медленно» здесь имеют пассивный атрибутивный смысл. Для сравнения, наречие «медленно» имеет значение темпа развития. Соответственно, их шкалы сем таковы: «трудно» (с применением чрезвычайных усилий) и «медленно» (не быстро, в замедленном темпе) и др. [см. подробнее в НКРЯ: 139]. Позиционирование этих слов – квадрант отрицательного семантического поля. При смене темы, естественно, меняется и коллокативная фактура сем в коммуникативном смысле наречий.

Обратимся к фрагменту речи, которая представляет собой выступление В.В. Путина в Российском Литературном Собрании 21 ноября 2013 года (это почти ПД, или ПД с облегченной политической нагруженностью): *«Сегодня этим предметам отведено мало времени, несоразмерно»* (<http://kremlin.ru/events/president/news/19665>).

Дело в том, что литература несёт в себе кумуляцию цивилизации, культуры и др., и потому важно предавать культурные достижения из поколения в поколение. Поскольку доля литературных уроков в преподавании низка, на это необходимо обратить особое внимание. Эта критика представляет собой вопрос меньшей политической нагруженности, но президент предлагает обратить на неё серьёзное внимание. Характер сложнокомпонентного наречия степени «несоразмерно» должен быть

относительно отрицательным, и степень влияния должна быть заметной, поэтому шкалы координат будут следующие: (плохо, заметно мало). Позиционирование слова – Четвертый квадрант (активный атрибут, и мелкая / короткая сема в метафорике).

Продолжая рассмотрение подобного типа «слабополитических дискурсов», рассмотрим еще один отрывок. В выступлении на Российском Литературном Собрании 21 ноября в 2013 году В.В. Путин также выразил следующие мысли: *«Уверен, в такой профессиональной, равнодушной, безусловно, аудитории мы сможем дать объективную оценку нынешнему состоянию отечественной литературы, непредвзято и откровенно обсудить накопившиеся проблемы, обозначить задачи на перспективу»* (<http://kremlin.ru/events/president/news/19665>).

В приведённом высказывании В.В. Путин даёт положительную оценку способностям и усилиям литературных работников и подчёркивает, что в результаты литературной работы могут быть положительными. Приведенные здесь наречия «непредвзято и откровенно» использованы в контекстных смыслах для поощрения литературной работы. Однако при решении трудностей и проблем, стоящих перед ней, также требуется справедливое отношение к этому труду, и тем самым сохраняется самокритичное мышление в процессе литературного развития, чтобы своевременно исправлять ошибки в принципе. Поэтому отношение говорящего к произносимому не абсолютно оптимистическое. В данном случае, эти два сложнокомпонентных наречия по качеству имеют не очень высокую степень положительных черт, но в широком смысле определённым образом влияют восприятие речевых актов с точки зрения развития литературы. Семный концентр этих слов: «непредвзято» (объективно, без предварительного знания), «откровенно» – (открыто и прямо). Позиционирование на шкале оценок – в промежуточной зоне.

Итак, для анализа мы выбрали 55 наречий степени из 46 предложений

(См. примеры в приложении 2), которые появились в 13 политических выступлениях В.В. Путина. Результаты исследования ПД В.В. Путина показывают, что в первом квадранте содержится 34 наречий степени с положительными семами и семантикой *глубокой / длительной*, их доля 62% [см. для сравнения данные НКРЯ:139]; Во втором квадранте -13 наречий с отрицательными семами и конкретизирующей семантикой *глубокой / длительной*, их доля 24%; В третьем квадранте – 3 наречия с отрицательными семами и семами неглубокой / короткой, доля 5%; а в четвертом 5 наречия с положительными семами и семами неглубокой / короткой, и доля около 9%. См. таблицу 2.

квадрант	наречие степени	шкалы
первый	активно продвигать	(1 хорошо, немало)
	максимально снять ограничения	(1 весьма неплохо, постоянно)
	вплотную заняться	(1 хорошо, постоянно)
	профессионально работать	(1 хорошо, значительно)
	смело принимать вызовы	(1 очень хорошо, немало)
	энергично отвечать на вызовы	(1 очень хорошо, достаточно)
	кропотливо работать	(1 весьма неплохо, значительно)
	ответственно работать	(1 весьма неплохо, значительно)
	результативно работать	(1 довольно хорошо, значительно)
	честно работать	(1 очень хорошо, всегда)
	напряженно работать	(1 хорошо, всегда)
надежно защищены	(1 хорошо, абсолютно)	

	всегда)
открыто работать	(1 хорошо, достаточно)
стремительно нарастать	(1 неплохо, немало)
резко верх идет	(1 неплохо, достаточно)
уверенно идти	(1 очень хорошо, значительно)
чрезвычайно важный	(1 довольно хорошо, немало)
значительно снизиться	(1 очень хорошо, достаточно)
глобально конкурентное интеграционное объединение.	(1 очень хорошо, значительно)
гарантированно преодолевать	(1 хорошо, значительно)
устойчиво расти	(1 неплохо, немало)
высоко ценить	(1 очень хорошо, достаточно)
выйти на качественно новый уровень	(1 неплохо, немало)
убедительно доказать	(1 весьма неплохо, немало)
эффективно реализовать	(1 хорошо, достаточно)
сплочённо действовать	(1 неплохо, немало)
настойчиво действовать	(1 очень хорошо, достаточно)
верно служить	(1 весьма неплохо, значительно)
вдумчиво прорабатываться	(1 хорошо, значительно)
комплексно посмотреть на проблемы	(1 хорошо, значительно)
решительно противостоять	(1 очень хорошо,

		достаточно)
	незыблемо стоять	(1 довольно хорошо, глубоко)
	твёрдо держали удар	(1 довольно хорошо, глубоко)
	прогрессивно мыслить	(1 хорошо, немало)
второй	бездумно подчиняться	(2 очень плохо, значительно)
	слепо подчиняться	(2 очень плохо, огромно)
	цинично вести себя	(2 совершенно плохо, иногда)
	медленно происходят(изменения)	(2 очень плохо, немало)
	неизбежно вести к ослаблению	(2 совершенно плохо, достаточно)
	глубоко заблуждаются.	(2 совершенно плохо, значительно)
	просто неразрешимый	(2 очень плохо, достаточно)
	сознательно пойти на тяжкое преступление	(2 слишком плохо, глубоко)
	трудно формироваться	(2 очень плохо, достаточно)
	бесцеремонно разрушены	(2 слишком плохо, глубоко)
	немедленно стали заполняться экстремистами и террористами.	(2 совершенно плохо, значительно)
	исчерпаны мгновенно	(2 совершенно плохо, значительно)
	медленно формироваться	(2 плохо, немало)
третий	агрессивно вести себя	(3 слишком плохо, временно)

	кулуарно	(3 очень плохо, заметно)
	несоразмерно	(3 плохо, заметно)
четвертый	конструктивно проявлять (себя)	(4 очень хорошо, заметно)
	всемерно поддержать	(4 хорошо, заметно)
	тщательно изучены	(4 хорошо, недостаточно)
	непредвзято обсудить	(4 неплохо, заметно)
	откровенно обсудить	(4 неплохо, мелко)

Таблица 2

Что касается количества сложнокомпонентных наречий степени в политической речи, сложнокомпонентные наречия в основном являются у президента общеупотребительными наречиями. По распределению анализируемые сложнокомпонентные наречия в ПД В.В. Путина в основном сосредоточены в первом квадранте, т.е. большинство из всех анализируемых слов – с положительным значением.

2.2. Параллельные синтаксические конструкции в речи политических деятелей

Параллельную структуру можно назвать довольно распространенным видом внутри – и межфразовых конструкций в синтаксисе. С точки зрения значения элементы в параллельной структуре одинаково важны, а с точки зрения структуры параллелизм между ними не подчинен какому-либо центру, поэтому параллельная структура, обладая языковыми сжатыми и структурно компактными характеристиками, широко употребляется в ПД и имеет в них свою специфику. В то же время параллельная структура является выразительным стилистическим средством, которая придает ПД яркую окраску, даже выделяется в общем содержании высказывания. Таким образом, параллельные конструкции как типичные стилистические фигуры

часто используются и в политическом тексте, при этом употребление и коммуникативные функции данных языковых конструкций имеют свои особенности.

Несмотря на то, что синтаксический параллелизм рассматривается как языковая конструкция, но он функционирует и как стилистический прием, поэтому он широко употребляется и в политическом тексте. Как полагает Н.М. Разинкина, «параллельные конструкции представляют собой один из стилистических приемов композиции высказывания, в которой отдельные части предложения или ряд предложения в целом построены однотипно» [Разинкина 1976, с. 64]. В Грамматике-80 синтаксический параллелизм определен как конструкция «на основе взаимного действия синтаксических значений членов предложений и лексических значений слов» [Русская Грамматика, 1980, с. 124].

Параллельные структуры могут реализовать многообразные функции языка. Так, внешняя оформленность параллельной структуры в предложении помогает политическим речевым актам реализовать собственную специфику и быть убедительным, т.е. реализация языковой функции воздействия и эффекта языкового оформления, соответствующего неким реалиям жизни (повторение или одинаковое строение одного и того же – вплоть до принципа сурка) очень важна в политическом дискурсе, поэтому параллельные конструкции часто используются ораторами и имеют высокую частотность употребления. Стоит отметить, что воспринимающий (зритель или слушатель) в подобных случаях раскрывает и подтекст высказывания. Таким образом, в данной части будет акцентировано внимание на структуру и семантику параллельных конструкций, которые образуют, по сути, формулы коммуникативного параллелизма, имеющие свою типологию не только в языке, но и в реальной жизни.

Безусловно, синтаксический параллелизм тесно связан с параллелизмом лексическим, они взаимодействуют, чтобы достичь

прагматической цели высказывания. Однако речь может идти и о коммуникативном параллелизме как расширенном феномене, использующем парные лингвистические конструкции для решения коммуникативных задач. К тому же, в реальной политической деятельности параллельные конструкции в ПД играют важную роль для реализации суггестивных эффектов. Более того, синтаксический параллелизм, является стилистическим приемом с лингвистической точки зрения, однако метафора, которая лежит в основе этой фигуры речи, опирается на жизненные ситуации, которые связаны с близко соотносимыми траекториями развития судьбы человека или страны, фактически это представляет собой топос (в понимании Аристотеля, т.е. общее место, хорошо понятное и осознаваемое всеми людьми).

Параллельная структура в русском языке регулярно выравнивает два или более подобных построения, чтобы сформировать согласованную форму. Состав каждого компонента часто имеет симметричное и сбалансированное попарное соотношение, которое может придать ПД и гармоничную эстетику.

Перейдем к анализу. Рассмотрим конкретные политические речевые акты: в новогоднем выступлении 31-ого декабря 2010 года президент России Д.А. Медведев упомянул:

«Всё, что мы делаем, мы делаем для наших детей – для того, чтобы они были здоровы, чтобы у них в жизни всё получалось, чтобы они жили в безопасной, благополучной и счастливой стране».
(<http://kremlin.ru/events/president/news/9976/print>)

Лексический повтор представлен главной частью (*Всё...мы делаем для наших детей – для того...*) и придаточной местоимённо-соотносительной части (*что мы делаем*). В данном случае использована параллельная структура в виде одного сложного предложения, эта структура состоит из главного предложения, придаточного определительного и из трех придаточных цели с

союзом «чтобы» и общим для этих придаточных коррелятом «для того». Структурные особенности данного параллелизма очевидны.

Если учесть общий смысл предложения, то можно заключить, что в высказывании существует направленность политического мышления на будущее (оформлению которого помогает и структура из трех придаточных *цели*), т.е. в данном политическом речевом акте политиком озвучена проекция развития будущего страны, которая ориентирует нас сегодняшних на воспитание следующего поколения. Далее, параллельная структура, используемая в политических речевых актах, указывает на социальную среду для роста следующего поколения, и в то же время построение идеальной социальной среды является одним из планов развития государства в будущем, поэтому в конструкции также отражена ценность и важность развития.

Именно поэтому языковое оформление политических речевых актов указывает на то, что структура синтаксиса гармонирует со структурой плана построения будущего, которая была изложена в речи Д.А. Медведева, и что план будет реализован по четкому сценарию не линейного, а объемно-параллельного плана (все параллельно сразу, а не друг за другом). Очевидно, что в данном высказывании символически и иконически отражена политическая воля и планируемая политическая практика с помощью типичного параллельного синтаксического построения высказывания.

Подобное фразоконструирование используется в выступлении Д.А. Медведева и на расширенном заседании Государственного совета 24-ого апреля 2012 года:

*«Эти слова потом **повторялись** самыми разными людьми. И **произносились** они **то** с надеждой, **то** с укором, **то** как требование, **то** как напоминание об обещании»*(<https://www.vesti.ru/doc.html?id=778893>); а также и в выступлении на инаугурации 7-ого мая 2008 года: *«Я в полной мере осознаю, как много ещё предстоит **сделать** – **сделать, чтобы** государство было действительно справедливым и заботливым по отношению к*

гражданам, **чтобы** обеспечить самые высокие стандарты жизни, **чтобы** как можно больше людей могли причислить себя к среднему классу, могли получить хорошее образование и качественные услуги в области здравоохранения.» (<http://kremlin.ru/events/president/transcripts/1>)

В данных параллельных конструкциях иконически отражена примерно та же самая идея нелинейного одновременно-параллельного планирования действий, что и выше, и в целом прослеживается некий фирменный стиль Д. Медведева в логике и форме построения ПД.

Рассмотрим фрагмент из речи В.В. Путина: *«Я верю в силу наших общих целей и идеалов, в силу нашей решимости преобразить страну, в силу объединённых действий граждан, в наше общее стремление к свободе, к правде, к справедливости.»* (В.В. Путин «инаугурационная речь», 07.05.2012, <http://www.kremlin.ru/events/president/news/15224>)

В приведенном случае параллельные конструкции опираются на лексический повтор и состоит из трех сходных конструкций (в силу + словосочетание), которые имеют разные значения. Употребление такого типа параллелизма имеет иной, по сравнению с вышеописанным, характер, который в языковом плане не фокусируется на придаточных предложениях, а опирается на дополнения, т.е. носит объектный характер. Это не случайно, т.к. подобная синтаксическая конструкция опирается на классическую (еще от Аристотеля) формулу SpO, т.е. опирается на квинтэссенцию логики языка номинативного строя, когда абсолютно определенный субъект воздействует на конкретный объект (*я верю в силу*).

Еще отрывок из ПД В.В. Путина: *«Россия должна быть современной и динамичной, должна быть готова смело принимать вызовы времени и так же энергично отвечать на них, чтобы последовательно наращивать своё лидерство в тех сферах, где мы традиционно сильны, и уверенно, кропотливо, собрав волю в кулак, работать там, где мы ещё должны будем*

добиться нужных для нас результатов, там, где сделано ещё явно недостаточно.» (07.05.2018, <http://kremlin.ru/events/president/news/57416>)

В этом предложении существуют последовательные параллельные структуры, которыми управляет конструкция-предикат «должна быть», хотя объекты имеют разные грамматические формы, но грамматический их статус вполне одинаков. Объекты воздействия в этом высказывании, направленные параллельным предикатом «должна быть», не на семантическом уровне описывают цели России (*принимать вызовы, наращивать лидерство*). Президент демонстрирует свой стиль политического дискурсообразования, который иконически соответствует стилю управления и стремится повысить доверие общественности к его деятельности.

Приведем еще один фрагмент ПД В.В. Путина: *«Это не просто основа основ нашей страны – это и есть наша страна, это и есть Россия.»* (В.В. Путин «Речь при посещении Горьковского автомобильного завода», 06. 12. 2017, <http://kremlin.ru/events/president/news/56319>)

Как видим, в данном предложении лингвоконструирование касается использования синонимов в параллельных конструкциях, и фокус авторского внимания в данной конструкции изменяется по линии конкретизации – с элемента «*нашей страны*» до элемента «*России*», что приводит в данном выражении к явному увеличению эмоциональной семантики патриотической направленности. Далее в продолжении этой речи параллелизм в первой и второй части параллельных синтаксических конструкций связан с явлением замены ключевых слов, приводящих к смене сферы или смысла анафоры, которая становится шире или выше в стилистическом отношении за счет эффекта семантической абстракции: *«...И не только развивается – он (ГАЗ) стал неотъемлемой частью нашего автопрома, нашей экономики и является неотъемлемой частью, естественной частью и мирового автомобильного производства».* (там же)

В данном случае ключевые слова вступают в отношение градации по семантике, поэтому ГАЗ воспринимается не только как центр внутренней экономики России, но также как важный элемент мирового автомобильного производства.

Безусловно, в ПД нельзя исключать абсолютно-одинаковые параллельные синтаксические конструкции, цель которых заключается в том, чтобы уточнить конструкцию и обеспечить устранение двусмысленности возможного понимания (в большинстве случаев). При этом логическое ударение в первой части такой конструкции ставится на иной фрагмент, нежели чем во второй части параллельной конструкции, т. е. данный процесс переносит фокус внимания адресатов на важное место политических речевых актов, которое формально дублирует вышепроизнесенную часть. Например: *«Насколько мне известно, не всегда там такие уж благостные отношения между регулярной армией и этими националистическими батальонами, не всегда – между регулярной украинской армией и этими батальонами.»* (В. В. Путин, «Большая пресс-конференция», 14. 12. 2017, <http://kremlin.ru/events/president/news/56378>).

Данный тип параллелизма имеет, как вполне понятно, уточняющую функцию, которая является по сути дела служебной, вспомогательной.

Рассмотрим в порядке контраста высказывания из другой политической лингвориторики, обусловленной другим менталитетом.

В политических речах президентов Соединенных Штатов нередко имеется большое количество параллельных структур в одном предложении, но эти шаблоны представляют собой очевидный пропорциональный «дисбаланс». В качестве примера выбрано классическое предложение из выступления Б. Обамы в парке Гранте Чикаго в 2008 году: *«Если есть хоть кто-нибудь, кто все еще сомневается в том, что Америка – это место, где все возможно; кто все еще задается вопросом, а жива ли сейчас мечта наших основателей; кто все еще ставит под сомнение силу нашей*

демократии, то сегодняшний вечер – это ваш ответ.» (04.11.2008, <https://www.liveinternet.ru/users/tonysoprano/post89021980/>)

С позиции синтаксиса параллельные структуры соединены и оформлены союзом «кто» и представляют собой несколько определительных фраз, занимающих основной объем данного предложения, длина придаточного предложения значительно расширена, поэтому придаточное явно отличается от главных предложений. Общий фон параллелизма в таком ПД носит разорванный характер, сам рисунок параллельных конструкций замысловат и трудно понятен с первых слов. Однако использование такого типа параллельной структуры как относительно радикальное прагматическое явление нередко появлялось в политических речах президентов США, что было замечено и в еще одной речи Б. Обамы в парке Гранте Чикаго в 2008 году: *«Она (Наша кампания) набирала мощь благодаря молодым людям, которые отвергли миф об апатии своего поколения; которые покинули свои дома и свои семьи ради работы, которая предполагала мало денег и сна; благодаря уже-не-молодым людям, которые терпели жуткие морозы и палящий зной и ходили от двери к двери; благодаря миллионам американцев, которые работали волонтерами, организовывали и доказали, что даже через более чем двести лет, правительство людей, избранное людьми и работающее на благо людей не исчезло с лица Земли.»* (там же)

Параллельная структура, состоящая из обстоятельственных оборотов, оправленных предлогом «благодаря», занимает основную часть данного высказывания, а в главном предложении конструкция «набирать мощь» является лишь наиболее простым шаблоном предложения по структуре и по форме. Одновременно с этими параллельными обстоятельствами описаны три типа людей, т.е. в параллельных структурах обстоятельства включены как параллельные структуры в определительных фразах, оформляемых союзом «кто»; таким образом, в данном высказывании Б. Обама формирует вторичную параллельную структуру под главным уровнем основной

параллельной структуры. Следует отметить, что синтаксис приведенного высказывания представляет собой настоящее «нагромождение», которое понять сразу трудно и которое спасают только параллельные синтаксические структуры, вносящие хоть какую-то ясность в смысл данного высказывания, завершающегося неуместно высокопарно (с очень глобальным аргументом в виде «лица Земли»). В целом политическая дискурсология американских президентов откровенно призывает к чувству и вере, а не разуму американского народа (в эпоху Б.Н. Ельцина это было экспортировано в РФ в виде лозунга «Голосуй сердцем»). Этому способствует и фактическая замена логики Аристотеля на риторическую логику Перельмана (возникшую в американских судах и распространенную на ПД), которая основывается не на объективности фактов, а на риторическом успехе: кто более ярко говорит и убеждает, тот и прав (невзирая на истинное положение дел в реальности).

Структуры под главным уровнем основной параллельной структуры

Приведем еще один показательный пример – высказывание из речи Б.У. Клинтона 20 января 1993 года в Белом доме, где все вышесказанное проявляется в той же мере: *«Но когда большинство людей тяжело трудятся за мизерную плату, когда остальные вообще не имеют работы, когда стоимость медицинских услуг разрушает наши семьи и угрожает довести до банкротства многие наши предприятия – как крупные, так и небольшие, когда страх перед преступностью лишает законопослушных граждан свободы и когда миллионы несчастных детей не могут даже представить себе той жизни, к которой мы их призываем, – то это значит, что нам не удалось сделать перемены нашим другом.»* (<https://www.twirpx.com/file/768889/>)

Параллельные структуры временных придаточных предложений, оформленных союзным словом «когда», также сильно отличаются от главного предложения «нам не удалось сделать перемены нашим другом» структурами и размером.

Очевидно, для того, чтобы добиться эффектов суггестии, использование параллельных конструкций никак не может быть пропущено. Показательный пример в тексте Д. Трампа:

«Если мы желаем улучшения для наших граждан и стремимся к тому, чтобы остаться в истории, мы должны выполнить свои суверенные обязанности по отношению к людям, которых мы представляем. Мы должны защитить наши народы, их интересы и их будущее. Мы должны отвергать угрозы суверенитету, от Украины до Южно-Китайского моря. Мы должны поддерживать уважение к праву, уважение к границам, уважение к культуре и мирному взаимодействию» (Д. Трамп, «Речь на 72-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН», 19.09.2017, <https://ru.usembassy.gov/ru/remarks-president-trump-72nd-session-united-nations-general-assembly-ru/>).

Это высказывание состоит из двух последовательных параллельных структур, которые реализуются двумя условными придаточными предложениями с союзом «если». Д. Трамп использовал их комбинацию для того, чтобы подчеркнуть причинно-следственную связь между целью получения поддержки и признания от людей и истории и условиями о выполнении определенных обязательств.

Итак, в политической речи с параллельными структурами различие пропорциональной доли каждого компонента не вызывает дисбаланса в языковой функции или суггестивном эффекте речевых актов, а наоборот, с точки зрения говорящего, в данном употреблении отражено субъективное подчеркивание определенных смыслов в параллельных структурах. В вышеприведенных высказываниях основная часть предложения представляет собой простой шаблон, который по длине контрастирует с параллельными придаточными, которые занимают основной объем предложения. При этом суггестивный эффект, вызванный этим контрастом, дает возможность основной части привлечь внимание аудитории, а параллельная структура,

занимающая большой объем, приводит подробное описание объекта речи, а также заставляет говорящего логически обобщать как форму выражения ПД, так и его содержание. Более того, параллельные структуры помогают подчеркивать определенные мысли, способствовать риторическому украшению речи. Поэтому, чтобы оптимизировать суггестивный эффект речи в выступлении, говорящий стремится использовать этот тип структуры в ПД, чтобы подчеркнуть важность части (например, неосновной части ПД), а также подчеркнуть смысл основной части с другой стороны.

Таким образом, данное употребление параллельных структур можно рассматривать как выигрышный прием в достижении суггестивного эффекта ПД при реализации прагмаполитических целей.

2.3 Способы синтаксического соединения элементов в политической речи

По характеру связи между предложениями все тексты разделяются на три разновидности: 1) тексты с цепными связями, 2) тексты с параллельными связями и 3) тексты с присоединительными связями [Солганик, 2001, с. 152].

Этот параграф разделён на две части для анализа особенностей СФЕ в политической речи, включая параллельную структуру связи СФЕ-абзацев и последовательное соединение СФЕ.

Параллельные синтаксические структуры в речи политических деятелей

При анализе средств связности будут сравниваться основные формы связности, которые объединяют логику связи СФЕ и дискурсивные структуры в выступлениях политиков РФ и США. Мы считаем, что эти средства являются важными элементами составления ПД большого объема, или образования структуры политических выступлений с важным содержанием. В связи с этим для анализа СФЕ-параллелизма в данной части будут проанализированы эти два типа связующих средств СФЕ на основе

текстов политических выступлений президентов России и США.

Параллельная структура как способ соединения в СФЕ является обычным прагматическим явлением в политических выступлениях. Прежде всего, СФЕ- абзацный параллелизм выражается в двух формах: параллелизм *в одном СФЕ* и *междурядными СФЕ*. В первом случае рассмотрены параллельные структуры в одном СФЕ, которые обычно состоят из шаблона предложения с частично-одинаковой или сходной структурой.

2.3.1 Параллельные структуры в одном СФЕ

В качестве примера представляется уместным привести высказывание В.В. Путина от 18 марта 2018 года после выборов:

«Очень важно сохранить это единство, дорогие мои. Очень важно привлечь на свою сторону тех, кто мог голосовать за других кандидатов. Нам это единство нужно для того, чтобы двигаться вперёд. А для того, чтобы двигаться вперёд, нам нужно ощущать и чувствовать локоть каждого гражданина страны». (<http://kremlin.ru/events/president/news/57084>)

В данном случае параллельная структура связи между фразами в СФЕ состоит из компонентов «очень важно + инфинитив», по смыслу предложения одновременно подчеркнуты две формы солидарности избирателей, которые указаны В.В. Путиным: внутреннее единство, также означенное как «традиционное единство»; и внешнее единство, которое также можно рассматривать как вновь созданное единство, когда сторонниками становятся те, кто ими не был. Единство внешнее может эффективно расширить сферу поддержки в начале и дальнейшем процессе управления. Кроме того, в данном СФЕ также есть другие формы связности высказываний, которые вместе с параллельными конструкциями составляют типичный составной абзац-СФЕ. Так, употреблением повтора *«чтобы двигаться вперёд...»* образованы градационные формы выражения речевого акта, которые являются нетрадиционным использованием связной

конструкции в тексте. Однако, по сравнению с другими формами выражения речевых актов, параллельные конструкции отличаются от других своими регулярными структурными особенностями и в то же время производят на аудиторию сильное впечатление (суггестию), заставляя людей приобщиться к политическим идеям говорящего.

Рассмотрим фрагмент ПД В.В. Путина в инаугурационной речи в 2012 году: *«Мы добьёмся наших целей, если будем единым, сплочённым народом, если будем дорожить нашим Отечеством, укреплять российскую демократию, конституционные права и свободы, расширять участие граждан в управлении страной, в формировании национальной повестки дня, чтобы стремление каждого к лучшей жизни было воплощено в совместной работе для процветания всей страны. Мы обязательно добьёмся успеха, если будем опираться на прочный фундамент культурных и духовных традиций нашего многонационального народа, на нашу тысячелетнюю историю, на те ценности, которые всегда составляли нравственную основу нашей жизни, если каждый из нас будет жить по совести, с верой и любовью к Родине, к своим близким, заботиться о счастье своих детей и благополучии своих родителей.»* (07.05.2012, <http://www.kremlin.ru/events/president/news/15224>)

В приведённом фрагменте В.В. Путин использует параллельную структуру, основанную на множественном числе от первого лица, чтобы построить рамки данного сегмента. Для достижения целей выражения параллельная структура в данном сегменте включает в себя два уровня: на первом уровне она обладает явными патриотическими атрибутами, а другой уровень содержит в себе очевидные социальные атрибуты. Эти два уровня имеют одинаковую модель выражения, представляя собой сложноподчиненные предложения, направленные условными предложениями. В том числе, придаточные предложения занимают больший объем, чтобы изложить предварительные необходимые условия для реализации успеха, показывая трудность и ценность этого успеха, а в главных предложениях

только несколько слов, которые подчеркивают смыслы предложений. Таким образом, данная параллельная структура в сегменте приведенного высказывания является регулярной, и у них особенности более очевидны по структуре и семантике.

Использование параллельных структур в одном абзаце в выступлениях президентов США также распространено, и по функциям и особенностям употребления они очень схожи с теми, что есть в российском политическом дискурсе. Рассмотрим фрагмент речи Б. Обамы в Штате Миссури 30 июня 2008 года:

«Как нам обеспечить безопасность страны, не отказываясь от наших свобод? Как нам восстановить доверие к правительству, которое, похоже, все больше и больше отдаляется от народа и руководствуется лишь специальными интересами?»

«Как нам сделать, чтобы в условиях растущей экономической глобализации победители не забывали о тех, кому не повезло? И как нам решать наши разногласия в условиях увеличивающегося многообразия?» (<https://photos.state.gov/libraries/amgov/30145/publications-russian/obama-words-ru.pdf>-52 стр.).

В этом случае говорящий использует параллельную структуру в одном СФЕ, при этом параллельная структура, сформирована вопросительным предложением, что встречается редко.

Приведем отрывок параллельной коммуникативно-текстовой структуры в одном СФЕ в политическом речевом актом Д. Трампа:

*«Мы не **ожидаем**, что различные страны будут разделять одни и те же культурные ценности и традиции или иметь одинаковые политические системы. Но мы **ожидаем**, что все страны будут соблюдать два основных обязательства: уважать интересы своих народов и уважать права всех других суверенных народов. Это прекрасное видение роли нашей организации и основа сотрудничества и успеха»*)

[\(https://ru.usembassy.gov/ru/remarks-president-trump-72nd-session-united-nations-general-assembly-ru/\)](https://ru.usembassy.gov/ru/remarks-president-trump-72nd-session-united-nations-general-assembly-ru/).

Используемые в этом ПД параллелизмы имеют очевидные особенности параллельных структур, но их формы различаются, образуя антитезу. Хотя с текст-синтаксической точки зрения функции и статус этих двух предложений одинаковы, но с позиции семантики, в них подчеркивается, что «одно и то же» больше, чем «другое», т.е. в них указана необходимость следовать принципу поиска общего основания.

2.3.2 Параллельные конструкции между СФЕ

Основной формой параллелизма между СФЕ является то, что несколько СФЕ уподобляются друг другу по признакам параллельных конструкций, появляющихся в одном и том же положении (соответствуют друг другу даже по членам предложения). Такие параллельные предложения могут стать самостоятельными СФЕ или возникать в первом предложении (однако это возможно также в любом положении в СФЕ). Между СФЕ возникает параллельность по структуре и семантике, а степень важности тем становится равной для разных абзацев, но эти темы могут быть и независимыми подтемами определенной темы. В качестве примера приведем высказывания из речи В.В. Путина:

«Надо быстрее модернизировать отживающие свой век производства и создавать те, которые укрепляют конкурентоспособность страны.

Надо прекратить разбазаривание национальных природных ресурсов и навести порядок в их использовании...» (В.В. Путин, «Предвыборная речь от 12.02.2004», <https://regnum.ru/news/217331.html>)

В этом РА В.В. Путин использует параллельные конструкции, и обе темы связаны с идеей национального экономического роста и экономического развития. В употреблении модального слова «надо» отражен параллелизм конструкции, связывающий фрагменты средствами лингвистики

текста.

В качестве примера служит следующее высказывание В.В. Путина во время вступления в должность президента в 2004 году:

«Это мы сами добились высоких темпов развития нашей экономики...

Это мы сами остановили агрессию международного терроризма...

Это мы вместе сделали нашу Родину открытой страной...» (В.В.

Путин,

07.05.2004, <http://kremlin.ru/events/president/news/30888>)

В этом случае В.В. Путин использовал параллельные структуры, касаясь при этом трех важных тем, связанных с экономическим ростом, национальной безопасностью и с национальным развитием. Помимо краткого изложения событий прошлого и перспектив развития на будущее, параллельные структуры на семантическом уровне подчеркнули важность подтем в порядке изложения.

Содержание параллельных конструкций позволяет создать в ПД более полное представление о конкретных идеях политика, следовательно, параллельные конструкции усиливают эффект суггестии речевых актов.

С точки зрения выразительности языка, активность абзацного параллелизма в ПД помогает улучшить ритмику и повысить риторическую красоту политического дискурса.

В выступлениях политиков США также уделяется достаточно внимания использованию параллельной структуры между СФЕ, что аналогично прагматическому явлению и языковой функции, реализуемой параллельной структурой между абзацами в речи политиков РФ.

Подобным образом в политической речи Д. Трампа также немало параллельных структур между СФЕ-абзацами. Примером служит следующий:

«Сила наций и их суверенитет позволяют странам с различными ценностями, различными культурами и различными мечтами не только

сосуществовать, но и вместе, плечом к плечу работать на основе взаимоуважения.

Сила наций и их суверенитет позволяют им брать на себя ответственность за свое будущее и контролировать собственную судьбу...» («Выступление на 72-й Сессии Генеральной Ассамблеи ООН», 19.09.2018, <https://ru.usembassy.gov/ru/remarks-president-trump-72nd-session-united-nations-general-assembly-ru/>)

В этой речи использованы параллельные структуры между СФЕ-абзацами, которые состоят из субъектно-предикатных конструкций «*Сильные, суверенные нации позволяют...*». Среди них, в первом случае, подчеркивается инклюзивность к ценностям и культурам других стран, важное значение мирного сосуществования с другими странами и поиска общих точек в общей обстановке международного сообщества; а на личном уровне подчеркнута стремление к демократии. Эти два уровня тесно связаны между собой и образуют логическую последовательность ПД от макро до микроуровней и от внешнего к внутреннему плану смыслообразования. Употребление этих параллельных структур позволяет абзацным структурам быть регулярными, в то же время воплощает стилистическую функцию и суггестивный эффект дискурса.

Таким образом, использование параллельных структур для конструирования абзацев или СФЕ-структур в ПД можно рассматривать как стилистические фигуры в политической речи. Вставка таких структур в изложение дискурса делает абзацы с параллельными структурами выделяющимися в тексте, к тому же это производит впечатление на аудиторию. В употреблении этой стилистической фигуры у политиков РФ и США более сходств, чем различий: это детерминировано сходством, т.к. параллелизм в человеческой жизни, как и в политике, является универсальным структурным качеством, не имеющим границ. Таким образом, этот стилистический подход можно считать идеальным способом в

оформлении ПД для достижения политических целей говорящего.

Способы последовательного синтаксического соединения в речи политических деятелей

Кроме употребления СФЕ-абзацного параллелизма, в формы построения политических выступлений также включается использование логических последовательных цепей или порядковых числительных как способов организации структуры ПД. Также используются образованные от числительных наречия порядка следования для соединения речевых актов в ПД, т.е. формируются последовательные по следованию друг за другом речевые акты (логические СФЕ-абзацы). Логические дискурсорегулирующие слова включают в себя такие штампы, как *«прежде всего»*, *«в первую очередь»*, *«затем»*, *«далее»*, *«потом»*, *«в конце концов»*, *«в конечном счёте»*, *«в результате»* и др.; порядковые числительные (и производные от них наречия) – такие, как *«первое/во-первых»*, *«второе/во-вторых»*, *«третье/в-третьих»* и др. Структура речевых актов (назовем ее межсегментная) управляется и формируется логическими дискурсорегулирующими словами. По сравнению с логическими последовательными элементами, взаимоотношение между речевыми актами, регулируемое порядковыми числительными, в основном представляет собой семантически параллельное (нелинейное) сочетание нескольких аргументов, хотя они и следуют друг за другом в пространстве ПД.

В соответствии с местами появления порядковых слов выделяются два типа: последовательное синтаксическое соединение внутри сегмента и последовательное синтаксическое соединение между сегментами.

1) Последовательное синтаксическое соединение в одном СФЕ-абзаце

Приведем фрагмент ПД В.В. Путина, который высказался в «Выступлении в штабе в Гостином дворе» 19-ого марта 2018 года следующим образом: *«...я хочу поблагодарить, поблагодарить конечно всех избирателей, которые голосовали за меня и вот на площади сказал и хотел бы повторить*

сейчас – вижу в этом, во-первых, в известной степени хотя бы признание от того, что в непростых условиях удалось сделать за последние годы, т. е. оценка результатов нашей работы. Второе-это доверие, к тому, что мы будем делать вместе. И третье, надежду, надежду, что о чём мы говорим, будет сделано».

<https://rg.ru/2018/03/19/vladimir-putin-vystupil-na-mitinge-i-vstretilsia-so-svoim-shtabom.html>)

В этом высказывании использованы порядковые номера для направления логики высказываний, при этом последовательные цепи в этом сегменте основаны на временной шкале.

2) Последовательное синтаксическое соединение между СФЕ-абзацами

Приведем фрагмент из послания Д.А. Медведева 22-ого декабря 2011 года в качестве примера, т.к. в нем употреблены формы выражения последовательных речевых актов, направляемых в течение дискурса порядковыми числительными:

«Первое. Мы успешно преодолели наиболее сложный период экономических потрясений и вернулись к докризисным показателям развития...

Второе. Мы полностью обеспечили реализацию демографических программ, что стало одним из факторов стабилизации численности населения...

Третье. Ключевой темой моего предыдущего Послания была политика в области материнства и детства...

Четвёртое. На самом пике экономического кризиса я инициировал поворот в стратегии развития России – модернизацию нашей экономики...»

(<http://kremlin.ru/events/president/news/14088>)

В этом фрагменте ПД Д.А. Медведев последовательно указал серьезные проблемы, с которыми столкнулась или сталкивается Россия: экономические проблемы, проблемы народонаселения и демографии, проблемы материального благополучия населения и проблемы развития. Эти

четыре типа проблем являлись основными социальными проблемами в период президентства Д.А. Медведева.

Подобную организацию ПД встречаем и у В.В. Путина, приведем фрагмент в Послании в 2012 году заявил в своей речи:

«Первое. Ориентация работы всех звеньев госмеханизма и уровней власти на измеримый, прозрачный и понятный для общества результат работы...

Второе. Повсеместное внедрение новых форм и методов контроля...

Третье. Адекватная мотивация государственных муниципальных служащих: конкурентная оплата их труда, система моральных, материальных, карьерных поощрений, стимулирующих непрерывное улучшение работы госаппарата...

Четвертое. Конечно, при всём при этом мы должны исходить из того, когда мы всё время критикуем чиновничество, всё-таки я хочу отметить, что подавляющее большинство людей, которые работают в различных структурах, это люди порядочные и ответственные...

Пятое. Особого внимания требует система контроля надзорных органов...» (12.12.2012, <http://kremlin.ru/events/president/news/17118>)

В этом фрагменте ПД обсуждаются такие темы, которые связаны с принципами, которым необходимо следовать при создании и выполнении новой модели госуправления. В речи использовано пять порядковых чисел от «первого» до «пятого», чтобы показать конкретные планы в пяти областях деятельности. Поскольку такие темы содержат многие подтемы по содержанию, и детали в каждой подтеме являются более сложными, они также могут быть расширены в других политических темах или подтемах. Данный способ выражения логической последовательности в ПД является структурно лаконичным и может указывать, имеется ли зависимая связь или логическое соотношение между каждой подтемой. В ПД Путина каждая подтема независима по содержанию и логически связана с другими темами,

так что у аудитории может сформироваться чёткое и довольно глубокое понимание широты данной темы.

В политической речи В.В. Путина часто используются подобные прагматичные выражения. Темы, включающие этот тип прагматического выражения последовательности, в основном связаны с макроуровнем ПД или отражают сложнокомпонентные характеристики ПД.

Проанализируем фрагмент ПД Д. Трампа, который имеет черты последовательного соединения между абзацами: *«Своей стратегией мы продвигаем четыре жизненно важных национальных интереса. Во-первых, она обязана защищать американский народ, нашу страну и наш великий американский образ жизни...*

Второй основополагающий принцип нашей стратегии — подъем американского благосостояния...

Третьей основой этой стратегии является сохранение мира посредством силы...

И в-четвертых, наша стратегия нацелена на расширение американского влияния в мире, хотя начинать здесь нужно с укрепления нашего собственного благосостояния и силы внутри страны...» (Д. Трампа, «Речь о безопасности: Америка – прежде всего», 19.12.2017, <https://inosmi.ru/politic/20171219/241045134.html>)

В этом случае использованы дискурсивные порядковые числительные, причем в каждом тематическом блоке проявляются явные самостоятельные текстовые темы, которые распределены а ПД при помощи порядковых номеров: *«первый, второй, третий, четвертый»*. Семантика и функции этих четырех основных факторов параллельны, в то же время, ключевое слово «Америка» в каждом тематическом предложении скрепляет их в целое, что и повышает эффект суггестии.

Итак, в текстах политического дискурса политиков РФ часто употребляются общие и особенные стилистические фигуры для повышения

выразительности и эффекта суггестии политического выступления. При этом сходные моменты в оформлении политического дискурса возникают в сходных (общечеловеческих) контекстах тематического плана, а специфические черты отражены в особенностях языкового употребления, как отмечает В.И. Карасик, говоря, что языковая личность заключается в употреблении манеры выражения мысли, что проявлено в выборе слов, выражений и т.д. [Карасик, 2015, с. 171].

Выводы

Проведенный анализ показал, что политический дискурс оказывает вовлечение адресатов в совместную деятельность и оказывает воздействие на них, а также контролирует их сознание с помощью языковых средств, таких как мегаэпитеты-прилагательные, сложнокомпонентные наречия, параллельные конструкции и др., которые являются средством формирования ПД. Анализ проанализированных текстов политического дискурса показал, что прилагательные с маркером политической позиции позволяют политическим субъектам выразить основные характеристики и основные смыслы ПД в политических ситуациях в реальной политической деятельности, создать фон понимания политического высказывания в конкретной ситуации.

Функция наречий в политической речи сводится к субъективным коннотативным смыслам, которые отчетливо маркируют позицию говорящего по отношению к политическим акциям в ПД. В рассмотренных нами политических дискурсах российских политиков сложнокомпонентные наречия употребляются в основном с положительным значением.

К наиболее эффективным и выразительным стилистико-лингвистическим компонентам в политическом дискурсе относятся параллельные конструкции, которые дают возможность

говорящему структурировать высказывания в изоморфной с действительностью модальности.

Глава 3.

ДИСКУРС-АНАЛИЗ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕЧЕВЫХ АКТОВ

Как отмечает В.З. Демьянков, чтобы понять политический дискурс нужно обладать знанием языковых приемов, фона, ожиданий аудитории, скрытых смыслов и др. [Демьянков, 2008, с. 391]. В этой главе изучены экстралингвистические факторы, которые могут влиять на речевую ситуацию, в которой функционируют различные типы политического дискурса. Так, речевая ситуация в политической речи считается одним из наиболее важных и распространенных факторов, который может оказывать большое влияние на языковое оформление ПД.

Существуют тематические факторы (подготовленная и спонтанная тема), которые оказывают влияние на характер речевых актов в ПД. В рамках пресс-конференции затрагиваются спорадически-неожиданные темы, а в интервью в основном имеют место установленные заранее темы.

3.1 Политический дискурс в открытой и закрытой коммуникативной ситуации

Типология коммуникативной ситуации учитывает два фактора: сами субъекты коммуникации, т.е. участники диалога, – и сама ситуация коммуникации, т.е. условия, в которых протекает общение. Такие условия группируются в открытые и закрытые коммуникативные ситуации.

Можно привести типы и характеристики открытой коммуникативной ситуации: публичное выступление, значительное число адресатов, разное социальное положение адресанта и реципиентов, а противоположная по типу – это закрытая коммуникативная ситуация с противоположными указанным признаками.

В рамках анализа политического дискурса (ПД) важно также учитывать разделение дискурса на:

1. высказывания независимого **субъекта** в рамках политического дискурса: адресант полностью управляет ситуацией и воздействует посредством ПД на слушателей для достижения ожидаемого эффекта, контролирует реакцию (и даже высказывания).

2. высказывания зависимого субъекта в рамках политического дискурса: адресат ограничивает сферу свободы политического дискурса, уменьшает число адресатов, учитывает и зависит от мнения слушателей.

С данных позиций нами анализируются прагматические особенности политических высказываний В.В. Путина, в частности, взятых из материалов Большой пресс-конференции для журналистов в 2017 году и 14-й конференции Валдайского форума. Высказывания В.В. Путина отобраны по следующим темам: экономика, взаимоотношения России и США, проблемы международной безопасности и борьбы с международным терроризмом. Предварительно примем, что в открытой коммуникативной ситуации говорящий субъективно желает повысить эффективность речи и степень ее влияния на слушателей, и это диктует особую эмоциональность высказывания. По сравнению с пресс-конференцией для СМИ, конференция профессионалов высокого уровня ориентируется на ученых и экспертов-специалистов, которые имеют активную позицию при восприятии ПД, могут внедряться своими репликами в течение ПД.

Коммуникативная ситуация – это существенный фактор, который определяет эффективность высказываний и влияет на его языковое формирование в рамках дискурса. В процессе коммуникации мышление, модус, мотивы, модальность, интонация и другие факторы адресанта находятся под влиянием речевой ситуации общения, эти факторы изменяются вместе с атмосферой ситуации. Одновременно коммуникативная ситуация может меняться по намерению адресанта для того, чтобы повышать

прагматический эффект суггестивного воздействия речевых актов посредством обратной связи, т.е. коммуникативная ситуация находится под влиянием фактора субъективного воздействия автора ПД.

Коммуникативная ситуация – один из важных компонентов в реальном общении – рассматривается во многих анализирующих ситуацию общения работах современных лингвистов. По мнению Н.И. Формановской, коммуникативная ситуация – это «сложный комплекс внешних условий общения и внутренних состояний общающихся, представленных в речевом произведении – высказывании, дискурсе». Отмечает Н.И. Формановская, данный комплекс, «с одной стороны, порождает речь, а с другой – отражается в речи в своих существенных компонентах» [Формановская, 2002, с. 42]. Кроме того, коммуникативная ситуация в качестве предпосылки прагматического воздействия предлагает самое широкое пространство форм высказывания в рамках дискурса, чтобы избежать конфликта сходных или противоположных прагматических установок, и в результате этого нередко формируется эффект парадокса. Как подчеркивает А.П. Чудинов, всякий политический дискурс должен учитывать конкретные условия его создания и функционирования [Чудинов, 2007, с. 5]. Таким образом, в данной части исследуется каузальная связь между открытой и закрытой коммуникативной ситуацией и языковым оформлением высказываниями субъекта в рамках политического дискурса, и мы покажем, что открытая или закрытая коммуникативная ситуация в определенной степени влияет на политико-прагматический эффект ПД.

Коммуникативную ситуацию можно рассматривать в следующих аспектах: с точки зрения адресанта и с точки зрения ее свойств. Адресант определяет тип коммуникативной ситуации в соответствии со своей установкой на тип общения, но может менять тип коммуникативной ситуации по требованию обстоятельств, и в этом важна степень согласования между возможностью оформления речи адресанта и реальной сферой

коммуникативной ситуации. Как полагает А.П. Чудинов, организация дискурса в определенной степени зависит от его слушателей [Чудинов, 2012, с. 55] и при усилении влияния слушателей на коммуникативную ситуацию превращает ее в закрытую. С этой точки зрения, коммуникативная ситуация определяет специфику общения как ведущая сила. Важность ситуации общения в процессе речевой коммуникации подчеркивает и Г.В. Колшанский, который полагает, что речевая ситуация «содержит множество факторов, имеющих значение для содержания самой коммуникации» [Колшанский, 2005, с. 4]. Безусловно, ситуация общения важна для реальной речевой деятельности, и многие ученые считают, что конкретная ситуация общения непосредственно влияет на речевое поведение участников, в частности на выбор собеседниками языковых средств для выражения определенных речевых интенций [Туфанова, 2010, с. 146]. По мнению В.И. Карасика, в зависимости от разных ситуаций общения, можно выбрать неодинаковые способы для закрепления некоторых типов сообщений в реальной коммуникации [Карасик, 2012, с. 49]. Наше исследование доказывает, что перед общением говорящий выбирает и регулирует структуру коммуникативной ситуации в зависимости от ожидаемого эффекта [98].

Политический дискурс в открытой и закрытой коммуникативной ситуации

На основе координации между субъектами и адресатами коммуникации и самой ситуацией коммуникации можно разделить ПД в целом на *высказывания субъекта в рамках политического дискурса* (ВСПД) и *высказывания зависимого субъекта в рамках политического дискурса* (ВзСПД); по специфике взаимодействия адресанта (субъекта) и адресатов коммуникативной ситуации можно выделить *открытую коммуникативную ситуацию* (ОКС) и *закрытую коммуникативную ситуацию* (ЗКС).

В высказываниях субъекта в рамках ПД говорящий односторонне направлен и самовластно влияет на ситуацию, т.е. адресант полностью управляет ситуацией для достижения ожидаемого прагмополитического эффекта, в данном случае интегративная форма координации между субъектом и адресатами и самой коммуникативной ситуацией является самой простой – вертикальной (монологичной), соответствует доминированию тематической точки зрения говорящего. Зависимый субъект говорит, участвует в коммуникативной ситуации, но зависит от ситуативного восприятия и реакции слушателей (фактически он похож на эргативный субъект). В связи с этим, высказывания зависимого субъекта в рамках ПД отличаются тем, что адресант субъективно и вынужденно ограничивает свое мнение, а также сферу распространения своего высказывания в рамках политического дискурса или активно уменьшает число адресатов. Полностью согласна с В.И. Карасиком, что «особенность публичного политического дискурса состоит в адресатной специализации – дифференцированном воздействии субъекта речи на разные типы адресатов, при этом такое воздействие часто осуществляется синкретично в одном и том же высказывании» [Карасик, 2018, с. 32].

Открытая коммуникативная ситуация характеризуется учетом пространственного масштаба и свойств ПД, т.е. особенности места коммуникации мотивируют выбор открытой формы выступления и экспликации особо важной информации в ПД. Количество адресатов в такой ситуации может быть значительным, их социальное положение различается, но не влияет на коммуникативную свободу адресанта ПД.

Закрытая *коммуникативная ситуация* характеризуется противоположными особенностями.

Для обобщения данных о влиянии коммуникативной ситуации на прагматический эффект высказывания в рамках политического дискурса необходимо обратить внимание на варианты сочетания высказываний

субъекта в рамках ПД и высказываний зависимого субъекта в рамках ПД с открытой коммуникативной ситуацией и закрытой коммуникативной ситуацией. На данной основе можно создать модель (см. табл. 5), а на ее базе определить теоретически возможную степень прагматического воздействия ПД в той или иной коммуникативной ситуации, а также сделать предположения об прагмополитической эффективности высказывания в рамках политического дискурса.

В.И. Карасик разделяет дискурс на две большие группы: персональный и институциональный. По его мнению, институциональный дискурс отличают такие специфичные признаки, как цель и участники общения. Политический дискурс относится к институциональному типу, так как имеет своей целью завоевание и удержание власти [Карасик, 2000, с. 5]. О.Н. Паршина придерживается той же концепции, считая, что политический дискурс имеет целью борьбу за власть. По ее мнению, устный политический дискурс можно разделить на два типа текстов: устные диалогические жанры (теледебаты, общественно-политическое ток-шоу, «прямая линия») и устные монологические жанры (инаугурационная речь, программная речь) [Паршина, 2012, с. 34]. Несмотря на то, что политическое выступление относится к важнейшим жанрам политического дискурса, оно имеет более низкую степень интерактивности по сравнению с диалогическими жанрами. Движение от политического рассуждения к политической дискуссии можно считать переходом к более сложной разновидности коммуникации. Политическое рассуждение как основная форма политической коммуникации при анализе требует учета следующих особенностей: социального положения участников, объема речи, содержания, структуры, политических взглядов, логики, признаков критического мышления, философских идей.

По мере того, как типы коммуникации постепенно меняются и становятся сложнее, вышеизложенные факторы также претерпевают качественное изменение. Основная часть выступлений такого типа

характеризуется предельно широким составом участников, разнообразных по социальному положению. Концепция «публичной сферы» Ю. Хабермаса в определенной степени может служить теоретической базой для реализации основного типа высказываний в рамках политического дискурса, а также для выбора открытой или закрытой коммуникативной ситуации.

Высказывания субъекта в рамках ПД могут непосредственно передавать информацию в публичной сфере, однако высказывания субъекта в рамках ПД не только способствуют обмену информации между реципиентами, но и в случае усиления господства адресанта в коммуникативной ситуации содержат указания по способу обмена информацией внутри аудитории (*запомните! зарубите себе на носу, передайте потомкам!* и т.д.). В таком случае семантика и смысл ПД выражается четко, и аудитория может прийти к одинаковому пониманию основного смысла данного речевого акта в рамках политического дискурса.

Экономические и социальные условия современной жизни предоставляют людям равные возможности, чтобы стремиться к достижению статуса автономии и самостоятельности, т.е. строить социальные группы с различным статусом и формой взаимоотношений с властью. В таких условиях общественная жизнь стабилизируется и становится устойчивой [Habermas, 1991, p. 86]. Публичная сфера с присущей ей стабильностью и ее объективными условиями позволила «публичному» атрибуту демократической политики в современных странах сформировать потенциал для укрепления процессов управления и обратной связи в связи с необходимостью поддерживать баланс политической свободы между различными классами [98].

Для исследования политического дискурса установлены теоретические рамки: в данной части будет создана модель коммуникативной ситуации в политическом дискурсе (матрица 2×2), системно описана двумерная модель политического дискурса. Указанная матрица предполагает

четыре типа коммуникативной ситуации: высказывания зависимого субъекта в рамках ПД в закрытой коммуникативной ситуации, высказывания субъекта в рамках ПД в закрытой коммуникативной ситуации, высказывания зависимого субъекта в рамках ПД в открытой коммуникативной ситуации, высказывания субъекта в рамках ПД в открытой коммуникативной ситуации (см. табл. 3).

Тип ситуации	Высказывания по типу адресанта	
	1. Высказывания зависимого субъекта в рамках ПД	2. Высказывания (независимого) субъекта в рамках ПД
1. Закрытая коммуникативная ситуация	Высказывания зависимого субъекта в рамках ПД в открытой коммуникативной ситуации	Высказывания (независимого) субъекта в рамках ПД в закрытой коммуникативной ситуации
2. Открытая коммуникативная ситуация	Высказывания зависимого субъекта в рамках ПД в открытой коммуникативной ситуации	Высказывания (независимого) субъекта в рамках ПД в открытой коммуникативной ситуации

Таблица 3

Исследование материала основывалось на гипотезе о том, что открытая коммуникативная ситуация и высказывания субъекта в рамках ПД коррелируют друг с другом. Кроме того, одной из целей было проследить влияние определенной ситуации на характер высказывания в рамках политического дискурса. Н. Блэйки отмечает, что выбор дедуктивного метода исследования акцентирует внимание на обсуждении материала и на интерпретации текстовых данных и формировании классификации, а не на

процессе верификации гипотезы [Blaikie, 2000, p. 164]. В нашем исследовании гипотеза обосновывается с помощью текстовых данных, в частности распределении ключевых слов в высказываниях в рамках политического дискурса. В этой части также делается акцент на взаимозависимости типов коммуникативной ситуации и характеристик высказывания в рамках политического дискурса. Выше описана матрица типов коммуникации, позволившая выделить четыре типа коммуникативных ситуаций. На этой теоретической основе установлено влияние разных типов коммуникативной ситуации на прагматический эффект высказывания в рамках политического дискурса. Согласно нашей гипотезе, открытая коммуникативная ситуация способствует максимальной эффективности высказывания субъекта в рамках ПД. В таком случае возникает модель соотношения вышеупомянутых объектов:

1. В определенных коммуникативных условиях высказывания зависимого субъекта в рамках ПД в закрытой коммуникативной ситуации менее эффективны, чем высказывания субъекта в рамках ПД в открытой коммуникативной ситуации;

2. Высказывания субъекта в рамках ПД в закрытой коммуникативной ситуации менее эффективны, чем высказывания субъекта в рамках ПД в открытой коммуникативной ситуации;

3. Высказывания зависимого субъекта в рамках ПД в открытой коммуникативной ситуации менее эффективны, чем высказывания субъекта в рамках ПД в открытой коммуникативной ситуации.

Высказывания субъекта в рамках ПД в открытой и закрытой коммуникативной ситуации в ответах на вопросы журналистов В. В. Путина

В данной части работы показаны прагматические особенности политических высказываний В. В. Путина, взятых из материалов *Большой пресс-конференции* для журналистов в 2017 г., они сопоставлены с

коммуникативной ситуацией этой конференции, и таким образом охарактеризовано влияние коммуникативной ситуации на прагматическую эффективность политического дискурса.

Большая пресс-конференция для журналистов проводится в конце каждого года и привлекает внимание всего международного сообщества. Группа адресатов (аудитория) данной конференции состоит из представителей различных СМИ, обладающих разным социальным статусом (от региональных до центральных). По жанру, тематике, масштабам деятельности СМИ подходят на роль адресатов открытой коммуникативной ситуации. Итак, можно констатировать, что по характеристикам данная конференция в целом соответствует параметрам открытой коммуникативной ситуации.

Проявлению прагматического эффекта в рамках ПД и оценке его эффективности помогает острота, спорность темы, находящей отклик у аудитории. В соответствии с этим для анализа из основных тем конференции были выбраны: экономический рост, взаимоотношения России и США, международная безопасность, а также самые частотные на данной конференции темы, например, американские президентские выборы 2016 г. и исламский терроризм. Обсуждение указанных тем выявляло позицию президента РФ к данным вопросам [98].

Экономика и ее отражение в ПД

На конференции неоднократно затрагивались экономические вопросы, поскольку экономика является фундаментом социума, от прочности экономической базы зависит устойчивость надстраиваемых над данным фундаментом общественных структур. Частотность обращения к экономической проблематике демонстрирует важность экономики для российской внутренней политики и значительную степень внимания к

вопросам национального развития. На все вопросы по экономическим темам В.В. Путин дал подробные ответы. Было видно, что президент придает большое значение экономическому развитию России.

На вопрос о том, как оптимизировать налоговую систему и какие эффективные программы в сфере налогообложения должны быть разработаны для улучшения состояния экономики, В.В. Путин ответил так: *«Конечно, мы сейчас напряженно думаем на тему того, какие это источники, как и что можно было бы настроить в налоговой системе таким образом, чтобы это работало на генеральные, основные цели развития экономики страны; какие нужно сделать маневры в налоговой системе, с тем чтобы облегчить нагрузку на те отрасли, которые мы предполагаем развивать усиленными, быстрыми темпами»* (14.12.2017, <http://kremlin.ru/events/president/news/56378>).

В.В. Путин при оформлении ПД использовал синтаксический параллелизм, при этом цель синтаксических параллельных конструкций в данном случае заключалась в том, чтобы синтаксическим сопоставлением (*какие-какие...*) символизировать положение вещей до и после определенных мероприятий. В цитируемом тексте два раза употреблялось придаточное предложение цели, введенное союзом «чтобы»: в первом случае прямо провозглашена цель создания налоговой системы, являющейся важным фактором национального экономического развития, во втором детализируется политическая стратегия, т.е. аудитории дают понять, что в данный момент государство занимается конкретной работой по решению проблем налогообложения и держит эту сферу под контролем.

В открытой коммуникативной ситуации на данной пресс-конференции говорящий чувствует себя свободно, управляет ситуацией, желает повысить эффективность речи и степень влияния высказываний на слушателей, усилить соответствующие прагматические характеристики открытой

коммуникативной ситуации и объем группы адресатов максимизируются через трансляционные возможности прессы.

Что касается **экономической тематики**, то к ней относилось значительное количество вопросов, кроме того, высказывания по экономическим вопросам всегда вызывают интерес у слушателей, можно сказать, что в таком случае существует большая потенциальная аудитория адресатов, и в этом случае политические идеи президента вызывают значительный социальный отклик. В связи с этим на основе анализа дискурса В.В. Путина можно предположить существование у него субъективного желания добиться максимально широкого распространения своих идей по поводу ускорения экономического развития РФ.

Противоположный по характеру ситуации случай ПД в закрытой коммуникативной ситуации.

Следует отметить, что закрытая коммуникативная ситуация предполагает объективные ограничения в коммуникации, например, вместительность зала для слушателей, социальные характеристики аудитории, способы и каналы распространения информации и др. Все это ограничивает достижение ожидаемых прагматических эффектов независимо от пожелания оратора. По сравнению с пресс-конференцией для СМИ, конференция более высокого профессионального уровня для узких специалистов ориентируется на ученых и экспертов. В таком случае эмоции высказывающегося по определенным темам тоже важны (например, оратор может подчеркнуть свое нейтральное или отрицательное отношение к каким-либо явлениям), однако контроль над субъективными проявлениями эмоций, ограничение яркости их проявлений более типичны в таком случае, и это снижает суггестивный эффект высказывания в ПД. Можно сказать, что регистр восприятия и понимания информации в таком случае меняется с эмоционально-рационального на сугубо рациональный.

Приведем фрагмент из политического дискурса на 14-й конференции Валдайского форума (слушатели представляли экспертное сообщество), где В. В. Путин так излагал причину снижения темпов роста экономики:

«Сейчас, надеюсь, мы прошли уже тот путь в нашей собственной, российской экономике, когда на нас действовало и падение цен на энергоносители, и в известной степени (ограниченно, но всё-таки, надо признать) это санкционное влияние, всё-таки оно было негативным» (19.10.2017, <http://kremlin.ru/events/president/news/55882>).

В данном контексте политического дискурса, хотя В.В. Путин использовал эвфемистическое выражение для того, чтобы завуалированно выразить неудовольствие от негативного влияния экономических санкций на российскую экономику, видно, что в момент произнесения высказывания имплицитное раздражение присутствует. Характерно, что здесь глагол «надеюсь» употребляется не как позитивный синоним к слову «ожидать», и соответственно автор не вкладывает в высказывание полностью позитивный смысл, т.к. в этом глаголе проскальзывают нотки неудовольствия (в семной структуре присутствует коннотативная сема негативной эмоции). Таким образом, данный фрагмент ПД Путина скорее следует отнести к высказываниям зависимого субъекта в рамках ПД. Из этого следует, что чаще в рамках открытой коммуникативной ситуации можно встретить свободные высказывания субъекта в рамках ПД, которые позволяют оказывать прагматические эффекты в свободной форме. Таким образом, можно составить закономерную формулу: прагматическая эффективность высказываний зависимого субъекта в рамках ПД в закрытой коммуникативной ситуации меньше, чем у высказываний субъекта в рамках ПД в открытой коммуникативной ситуации [98].

Взаимоотношения России и США и их отражение в ПД

Взаимоотношения России и США являются важной частью международной политики, соответственно высказывания по данной теме могут отражать позицию политика в вопросе взаимодействия великих держав. Россия и США в последнее время соревнуются во всех сферах: в экономике, военном деле, геополитике. Это противостояние особенно обострилось в 2016 г., когда как «новость номер один» в сфере взаимоотношения двух стран рассматривалась тема американских президентских выборов и победа Д. Трампа. В ответ на соответствующий вопрос В.В. Путин сказал следующее: *«Не мне оценивать работу президента Трампа. Это должен сделать его избиратель, американский народ. Мы объективно видим некоторые достаточно серьезные достижения даже за тот небольшой период времени, который он работает. Посмотрите на рынки, как они выросли. Это говорит о доверии инвесторов к американской экономике. Это говорит о том, что они доверяют тому, что делает президент Трамп в этой сфере. Знаете, при всем уважении к оппозиции президента Трампа внутри Соединенных Штатов, – это объективные факторы»* («Большая пресс-конференция», 14.12.2017, <http://kremlin.ru/events/president/news/56378>).

Ответ: «Не мне оценивать работу», – хотя нейтрален по буквальному смыслу, на самом деле вступил в явное противоречие с вопросом, а также подчеркнул, что у В.В. Путина и Д. Трампа есть четкие представления о границах в политических областях, затрагивающих внутренние дела стран друг друга. Высказывание разбивает предположения о том, что Россия вмешалась в американские президентские выборы. Это усиливает убедительность того, что победа американского кандидата на президентский пост зависит только от выбора американского народа.

Два раза автор воспользовался параллельной конструкцией «это говорит о...» и повторением ключевого слова «доверие» для того, чтобы

подчеркнуть причинно-следственные отношения между рейтингом Трампа и доверием народа. Кроме того, положительная оценка со стороны В.В. Путина деятельности Д. Трампа может эксплицировать ожидания улучшения в будущем российско-американских отношений. Здесь же, во второй половине параллельной структуры в рамках ответа повышается референтный объем и интенсивность прагматики по сравнению с первой половиной, в речи усиливается уверенность в доверии американского народа к правительству Д. Трампа, причем подчеркивается, что доверие увеличивается вместе с ростом экономики США.

В данной открытой коммуникативной ситуации высказывания в рамках политического дискурса способствуют повышению эффективности воздействия речи адресанта на СМИ, и в выражениях автора часто используются слова, имеющие семантику субъективного намерения убедить слушателей.

Наоборот, в закрытой коммуникативной ситуации в зависимости от конкретного закрытого локуса и канала распространения (или от малого количества членов аудитории, если уменьшается корпус адресатов или часть адресатов перенесена в группу потенциальной аудитории), ПД менее способствует привлечению внимания потенциальной аудитории. Таким образом, т. е. сравнение моделей коммуникативных ситуаций можно представить в следующем виде: эффективность высказываний зависимого субъекта в рамках ПД в закрытой коммуникативной ситуации меньше, чем у высказываний субъекта в рамках ПД в открытой коммуникативной ситуации, у высказываний субъекта в рамках ПД в закрытой коммуникативной ситуации меньше, чем у высказываний субъекта в рамках ПД в открытой коммуникативной ситуации.

В то же время тематика конференции влияет на количество аудитории и обуславливает, могут ли высказывания в рамках политического дискурса передавать необходимую информацию с соблюдением требований к

максимальному объему текста. Это зависит от различий в трактовке со стороны адресатов и статуса адресанта (высокого или низкого), который в ряде ситуаций не может рассчитывать на внимание аудитории из-за низкого статуса.

Пристальность внимания слушателей на пресс-конференции для журналистов в конце каждого года и на конференции Валдайского форума совершенно различна. На 14-й конференции Валдайского форума В. В. Путин в своей речи о взаимоотношениях между США и Россией сказал: *«Во-первых, что касается критического отношения друг к другу (отношение между Россией и США). Хочу обратить Ваше внимание, что в Соединенных Штатах, Вы это не можете не знать, развернута просто беспрецедентная антироссийская кампания, начиная с уходящей администрации господина Обамы, и сейчас она не закончилась»* (В.В. Путин, 19.10.2017, <http://kremlin.ru/events/president/news/55882>).

В этом ответе В. В. Путин более склонен излагать факты, рассуждать перед экспертами, апеллировать к их мнению (*вы этого не можете не знать*), опровергать озвучиваемые журналистами взгляды или сомнения на основе конкретных данных политики США (нескольких лидеров правительства США вели антироссийскую политику) и т.д.

В данной речи эмоции выражены ограниченно, что демонстрирует хороший контроль оратора за формами выражения своих мыслей. По сути, в процитированном ответе излагаются факты, относящиеся к объективным вещам, т.е. адресант субъективно не хочет интерпретировать факты. В свете вышеописанного следует признать, что данный дискурс имеет характеристики высказываний зависимого субъекта в рамках ПД, т.е. степень независимости субъекта ПД в данной ситуации ограничена, степень потенциального распространения ПД в массовой информации также снижена [98].

Безопасность в международном сообществе и ее отражение в ПД

Россия как одна из сил поддержания безопасности в международном сообществе занимается антитеррористической деятельностью и проводит кампании против терроризма. В ответах на вопросы о борьбе с террористическими атаками В.В. Путин на пресс-конференции выразил следующую точку зрения: *«Мы видим угрозу, нарастающую в Афганистане со стороны международных террористов, мы видим, что радикальные вооруженные формирования занимают всё больше и больше участков границы Афганистана на севере, с бывшими республиками Советского Союза...»* («Большая пресс-конференция», 14.12.2017, <http://kremlin.ru/events/president/news/56378>).

В.В. Путин здесь также воспользовался синтаксическим параллелизмом в сочетании с анафорой «мы видим...», чтобы изложить объективные факты. В то же время параллельные синтаксические конструкции демонстрируют последовательное развитие семантики: в первой половине в качестве объекта проводимой политики четко указана террористическая деятельность в Афганистане, а во второй – деятельность террористов на территории названной страны детализуется в связи с границами РФ.

Анализируя структуру данного фрагмента политического дискурса, отметим, что степень объективности подачи фактов обусловлена способом ВСПД, который, особенно в открытой коммуникативной ситуации, может поддерживать намерение оратора сбалансировать пропорцию субъективного намерения говорящего и объективных фактов в понимании адресанта. Тем более затем В.В. Путин снова использовал лексико-синтаксический параллелизм: *Мы внимательно следим за этими процессами. Мы видим, что центральное правительство в Кабуле нуждается в поддержке международного сообщества, и мы готовы эту поддержку оказывать, так*

же как и в предыдущие годы.

В данном выражении использованы однотипные синтаксические конструкции: «мы следим», «мы видим» и «мы готовы оказывать...». Здесь употреблены глаголы-сказуемые с сохранением структурной схемы, что обеспечивает движение семантики от глагола «следить» к «оказывать». Тем самым подчеркивается эволюция субъективного отношения от внимания к проблеме до поддержки правительства другой страны.

Высказывания субъекта в рамках ПД в данной части политического дискурса в открытой коммуникативной ситуации может способствовать увеличению имплицитных компонентов субъективного отношения в речи В. В. Путина. Благодаря более вместительному месту проведения, более широкому распространению выступления, а также демократизму при отборе тем, открытая коммуникативная ситуация позволяет субъективно выделить часть ключевой информации.

Приведем высказывания-оценки Путина происхождения терроризма на 14-й конференции Валдайского форума: *«Потому что, во-первых, терроризм как явление имеет глубокие корни, корни его в несправедливости сегодняшнего мира, в ущемленности многих народов и этнических и религиозных групп и в отсутствии системного образования в целых государствах мира. Отсутствие нормального, хорошего, базового образования – это одна из питательных сред самого терроризма»* (В.В. Путин, 19.10.2017, <http://kremlin.ru/events/president/news/55882>).

В.В. Путин решил просто указать причины, не добавляя маркеров субъективного отношения. Схематически характер коммуникации можно изобразить в виде следующих моделей: эффективность высказываний зависимого субъекта в рамках ПД в закрытой коммуникативной ситуации меньше, чем у высказываний субъекта в рамках ПД в открытой коммуникативной ситуации, у высказываний субъекта в рамках ПД в закрытой коммуникативной ситуации меньше, чем у высказываний субъекта

в рамках ПД в открытой коммуникативной ситуации. Таким образом, прагматические эффекты высказываний субъекта в рамках ПД в открытой коммуникативной ситуации легче достижимы и чаще проявляются, чем у трех других типов, описанных выше.

Таким образом, сочетание определенных типов ситуации и высказывания в рамках политического дискурса при наличии открытой коммуникативной ситуации способно усиливать прагматические эффекты политического дискурса. В свою очередь, высказывания в рамках политического дискурса, представленные в открытой коммуникативной ситуации, могут производить дополнительное воздействие, требуемое для особых политических целей. Это проявляется в причинно-следственных связях между политической кампанией и формирующимся общественным восприятием и прагматическим влиянием ПД в ней. Мы считаем, что в плане эффективности, по сравнению с другими моделями, эталонным можно признать сочетание открытой коммуникативной ситуации с высказываниями субъекта в рамках ПД – эта модель может стать основой для формирования эффективного ПД.

В то же время адресант более строго, чем в обычном тексте, употребляет ключевые слова или словосочетания в высказываниях в рамках ПД, для того чтобы обеспечить прагматическую и логическую строгость характеристик отдельного высказывания в рамках политического дискурса. Кроме того, открытая коммуникативная ситуация характеризуется возможностью расширения пространства, которая недоступна в закрытой коммуникативной ситуации и открытой коммуникативной ситуации оптимально совместима с мобильностью высказываний субъекта в рамках ПД, в связи с тем, что адресант может регулировать коммуникативную ситуацию по своему усмотрению.

В результате В.В. Путин максимально использовал условия и преимущества коммуникативной ситуации на пресс-конференции: в

открытой коммуникативной ситуации он расширил семантический объем высказываний, сконцентрировал фокус внимания аудитории на реальном смысле политических текстов. В связи с этим, безусловно, в реальной политической речи коммуникативная ситуация (включая адресанта, адресата, контекст) оказывает заметное влияние на высказывания в рамках ПД, и без учета ситуации общения говорящему трудно достичь поставленной политической цели и эффекта суггестии ПД [98].

3.2 Тематические факторы в медийном политическом дискурсе

Медийный политический дискурс является важнейшим типом институционального общения в наше время, которое обладает смешанными чертами двух типов общения – медийного и политического, его цель также заключается в борьбе за власть и воздействии через сообщения и развлечение. [Карасик, 2017, с. 219-228].

Следует отметить, что политический дискурс и медиадискурс оба относятся к типам институциональным. Медийный дискурс имеет жанровую специфику при реализации политического дискурса: жанр интервью, пресс-конференции, беседа с журналистами, но политический дискурс может реализоваться и не в медийных жанрах: в предвыборной речи, в инаугурационной речи, в выступлениях на митинге и собрании.

Более того, что современное публичное общение характеризуется слиянием разных типов дискурса - политического, медийного и рекламного. Борьба за власть сочетается с развлечением аудитории и продвижением своего имиджа. В разных жанрах политического дискурса такое соотношение вариативно. В дебатах политиков велика доля медийного и рекламного дискурса, в инаугурационной речи медийная составляющая занимает подчиненное место. В письменных текстах политического дискурса, например, в партийной программе медийный и рекламный компоненты

занимают незначительное место. Таким образом, соотношения между политическим дискурсом и медиадискурсом разные: политический дискурс часть медиадискурса; политический дискурс срастается с медиадискурсом в речи политиков; медиадискурс проникает в политический дискурс.

По мнению Е.И. Шейгал, в политической коммуникации фактор СМИ является одним из системообразующих признаков ПД [Шейгал, 2004, с. 58]. Не будем оспаривать тот факт, что места, где происходят события, связанные с политической деятельностью, обычно сопровождаются более частым посещением медиа, а взаимодействие и обмен между политиком и СМИ позволяют самим медиа в политических ситуациях выделить наиболее важные факторы, которые могут влиять на высказывания в рамках ПД. По сравнению с тоталитарно-традиционными СМИ, которые, кроме информирования, выполняют функцию политического надзора, критики и другие функции, современные СМИ обладают некоторыми отличиями. Они частично наследуют эти функции, но и в своей основной форме взаимодействия с политикой более склонны к сотрудничеству, а развитие отношений сотрудничества делает их профессиональными СМИ. Также постепенно политические СМИ стали особой категорией среди многих ответвлений СМИ. Когда политизированные или политически специализированные СМИ развились в определенной степени, их право приоритетного выбора тем активно или пассивно оказало влияние на оратора и его речь [Чудинов, 2008, с. 36-37].

Другими словами, СМИ, а также тематические факторы в деятельности СМИ потенциально влияют на характер и функцию политического дискурса. Участвуя конкретно в политической деятельности, политические СМИ обладают приоритетом в порядке инициирования ПД и политического диалога, имеют преимущество при выборе темы, но и это преимущество находится под разными ограничениями в различных видах деятельности.

Основные направления деятельности политических СМИ делятся на два типа: ответы на вопросы журналистов и интервью. Тема как содержание образцов действий имеет важное значение в политической коммуникации [Holly,1990, с. 101]. Выбор медиа тем более свободен, имеет низкую предсказуемость. Кроме того, предсказуемая область тем основывается на сфере текущей политической деятельности, поэтому темы в этом случае обладают стохастичностью. В свою очередь интервью имеют специальную установленную, сформулированную модель, в которой присутствует перечень тем, поэтому выбор темы в интервью обладает устойчивостью.

Другими словами, оба этих типа деятельности СМИ характеризуются тематическими факторами, влияющими на форму и функцию политического дискурса, но типы тематик обладают относительностью. Среди них типична спорадически-неожиданная тема на пресс-конференции, в то время как в интервью раскрывается заранее установленная тема.

Инициатива политических СМИ в дискурсе в различных видах политической деятельности отражает такую ситуацию, когда речевые акты в ПД оратора находятся под влиянием темы. Другими словами, во всех видах политической деятельности, говорящий и СМИ выступают как две противоположные стороны в раскрытии вопросов и ответов, инициативу развития темы между ними можно рассматривать как процесс конкуренции. В то же время образуется логическая линия: «изменение инициативы говорения – психологическое изменение – изменение поведения – изменение языковой функции – изменение прагматических эффектов». В этой логической линии психологический фактор играет роль трансмиссии. Эта роль не просто указывает последующими компонентам направление, но и отражает то, что решение о «предпочтении» после получения сигнала «изменение инициативы говорения» влияет на реакцию адресата и адресанта и функции ПД.

3.2.1 Спорадически-неожиданные тематические факторы в медийном политическом дискурсе

Поскольку в процессе взаимодействия может появляться большое количество проблем и тем, можно считать, что пресс-конференция как тип общения в определенной степени обладает фактором случайности темы.

Спорадически-неожиданный тематический фактор возникает в процессе Большой пресс-конференции, его специфическими характеристиками являются количество вопросов и широкий диапазон тем. Количество тем имеет высокую положительную корреляцию с количеством вопросов. В данной части собраны все тексты ежегодной большой пресс-конференции с 2012 года по 2018 год, всего их семь. Данный ряд БПК показывает высокую степень открытости и интернационализации, типы спрашивающих участников богаты, включают отечественные и зарубежные СМИ, а темы освещают текущие политические события.

Согласно статистическим данным, на Большой пресс-конференции распределение тем имеет очень высокую степень дисперсии, включает политику, экономику, международные отношения, безопасность и т.д., охватывая 63 подтемы по 8 основным категориям, и в каждом году появляется определенное количество эксклюзивных новых тем.

Статистика тем:

категория	темы	Количество вопросов, включающие в каждой теме							
		2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	
политика	политики		2	1	1	2	1	2	
	демократия		1	4		1	1	1	
	право личности		1					1	

	правительство	3	3					1
	Выборы и личность президента	7	3	3	1	3	6	2
	проблемы в областях	3	2		1	4	2	1
	административно е деление	2		1				
	нации	1						
	коррупция	1		1	1			1
	привлечение специалистов	1						
международн ые отношения	международные дела		3		1		1	
	США	1	1		1	5	3	4
	Китай	1	1	1		1	1	1
	Украина	1	4	5	1	1	1	6
	Грузия	1	1		2	1		
	Турция			1	2	1		1
	Сирия	1			2		1	
	меж. организация (ВТО G20 ЕС)	2				1		
	Германия					1		
	Франция	1						1
	Великобритания							1
	Польша	1				1		
	Япония							1
Ближний Восток		3	1			1	2	

	Северная Корея						1	
	санкция и угроза		1	1				2
экономика	финансы	1	1	1	1			3
	казна			1	3		4	
	состояние экономики		1	3	1	2		
	ценность валют			2	2			
	внешние инвестиции и сотрудничество			1			2	
	энергетический сектор		1	1	2	3		
	сельское хозяйство		1	1		2		2
	промышленность							1
	кризис госкомпаний				1			
	импорт и экспорт			1		1		
	реформа налогов					3		
общество	медицина						1	2
	образование		1			2		
	пенсия				5	1	1	1
	строительство духовной цивилизации	1						
	невзрослые	5				2	3	
	неблагополучная группа населения	1						
	жилье	1						

	инфраструктура	2	1		2	1	2	
	благополучие народа		3			1		1
	экология					1	1	3
	социальное обеспечение		1	1	2	4		1
	качество населения		1	1				
безопасность	антитерроризм		1	1	2	4	1	
	личная безопасность	1			1			
	энергетическая безопасность			2				
	кибер-безопаснос ть							
	война							1
культура	идеология		1					1
	язык				1			
	религия	1	1					1
	СМИ			2		1		2
	охрана памятников		1		1			
	спорт		1		2	1		
	питание			1				
закон		7	3			2	1	2
техника			1		1		1	
итоги		47	46	38	40	52	35	46

Таблица 4

Для того, чтобы точно и полно показать случайный выбор темы в БПК, в этом исследовании нами были отобраны российские (отечественные) и зарубежные темы. Нами подсчитывается их количество, приводится формула для статистики:

$$CЗ_0 (\text{средняя заполняемость важных вопросов по каждой теме.}) = \frac{\text{количество важных вопросов } (B_0)}{\text{количество тем } (T_0)}$$

Полученное значение определяет, являются ли темы на Большой пресс-конференции спорадически-неожиданными. Количество важных вопросов (B_0), деленное на количество тем (T_0), равняется $CЗ_0$ (средняя заполняемость, average occupancy) важных вопросов по каждой теме.

Для статистического анализа вопросов и тем на БКП в каждом году мы не только рассчитали количество вопросов по горячим темам (B_1), (включая вопросы ≥ 3) и количество горячих тем (T_1), но и вычислили среднюю занятость негорячих тем ($CЗ_1$).

С учетом изменения международной ситуации, на ежегодной Большой пресс-конференции неизбежно появляются горячие темы, поэтому этот вид темы можно рассматривать как максимум, при расчете он должен находиться в изоляции, чтобы влияние максимума на результат было исключено. Например, на БПК 2012 года журналисты всего задали 81 вопрос, касавшийся 47 важных подтем, распределенных в 24 темах. Средняя заполняемость важных вопросов по каждой теме составляет 1,96. Среди них горячие темы, касавшиеся президентских выборов и личности президента, затрагивавшие вопросы касательно права, религиозные проблемы, - всего 25 вопросов. Количество остальных тем только в интервале [1,2], соответственно, $CЗ_1$ (вне горячих тем) $= \frac{B_0 - B_1}{T_0 - T_1}$, и так в средней заполняемости только 1,21 вопрос / тема.

год	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018
-----	------	------	------	------	------	------	------

тем							
СЗ ₁	1.21	1.22	1.15	1.39	1.46	1.12	1.2

Таблица 5

Статистика данных характеристик, касающихся случайности тем на Большой пресс-конференции в период с 2012 по 2018 гг. показана в следующей формуле. В этом анализе использована формула стандартного отклонения для проверки среднего распределения в темах и дискретном состоянии. Итак, для обеспечения точности результатов теста здесь используется формула стандартного отклонения без отклонений:

$$s = \sqrt{\frac{\sum_{i=1}^N (x_i - \bar{x})^2}{N-1}}$$

год	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018
СЗ ₀	1.96	1.59	1.58	1.6	1.89	1.71	1.69
стандартное отклонение	1.83	0.95	1.10	0.91	1.20	1.31	1.14

Таблице 6

Согласно приведенной выше таблице 6, полученные данные показывают, что средняя заполняемость СЗ₀ в каждом году схожа, максимальное значение разности – 0,38, колебания не очевидны, а результаты расчета СЗ₁ аналогичны, максимальное значение разности 0,34, а распределение вопросов в темах разбросано. Результаты проверки стандартного отклонения средней заполняемости СЗ₀ показывают, что степень дисперсии в 2013, 2015 и 2016 годах выше, чем в другие годы, и это доказывает, что действительно было много важных политических событий, которые вызвали появление множества горячих тем на БПК в эти годы. В то же самое время, такое явление неизбежно, поскольку по данным Большой пресс-конференции за 2012, 2014, 2017, 2018 года также содержится много аналогичных вопросов и тем, но все еще сохраняется небольшая степень рассеивания, давая соответствующий результат проверки. Итак, есть

основания полагать, что темы на БПК имеет спорадически-неожиданные характеристики.

Вместе с тем в качестве примеров нами были выбраны ответы на самый частотный вопрос «отношения США и России» из сферы международных отношений, чтобы дополнительно доказать случайность выбора темы и то, что языковая функция и эффекты прагмополитической суггестии находятся под влиянием тематической случайности. Статистика показана на рисунке-2:

Рисунок 2

На Большой пресс-конференции с 2012 года по 2018 год, за исключением 2014 года, специально не касались российско-американских отношений, за другие годы появилась тема касательно обоих видов отношений (вопрос о региональной конкуренции с участием российско-американской политики приобщает нас к региональным делам, равно как и украинский кризис и гражданская война в Сирии.) По данным, полученным в результате собранных нами ключевых слов по каждому году, тематика ответов В.В. Путина на вопросы относительно обоих типов отношений весьма разнообразна, но их объем в общем увеличивается. В связи с этим, с другой стороны, очевидно, что обмены политическими акциями между Россией и США становятся все более частыми, а

конфронтационные области постепенно расширяются. Во всех ответах по поводу отношений между США и Россией В.В. Путину приходится думать о содержании заданных вопросов, об увеличении количества вопросов, о намерении произвольного переключения журналистов между прямым и косвенным вопросом, об образных средствах в одном вопросе. Поэтому все это указывает на то, что любой конкретный вопрос на микроуровне все еще случаен. Таким образом, на БПК всегда существуют спорадически-неожиданные тематические факторы в ответах на вопросы журналистов.

Относительно ответов на вопросы журналистов, контроль выступающего над содержанием темы, эффектом суггестии и функцией языка аналогичен контролю ситуации в политических выступлениях. В ходе ответов на вопросы журналистов случайность выбора вопросов является неконтролируемым фактором. Хотя тема в определенной степени ограничена, но она неизбежно связана с политическими текущими событиями, политическим прогнозированием или другими областями. В связи с этим сила этих неконтролируемых факторов влияет на речь говорящего и модель мышления в речи.

Таким образом, можно применить теорию «парадокс Алле» в лингвистике. Такие способы, как «гипотеза рационального человека», «ожидаемая доходность» и «ожидаемая полезность» в традиционной экономике, используемые для изучения инвестиционного поведения, ставятся под сомнение и нарушаются от предпосылок «рационального» поведения, заставляя инвесторов выбирать иррациональное поведение, противоречащее себе. Похожая ситуация возникает при ответах на вопросы журналистов, когда говорящий регулирует самопротиворечивую речь, чтобы достичь цели восстановления контроля над темой, дискурсом и ситуацией. В процессе практического применения экономической теории «парадокс Алле» обладает дальновидностью при анализе и суждении в инвестиционной или

другой экономической деятельности людей. В выводе этой теории показано, как реальное поведение людей приводит к формальному противоречию в теории полезности [Баринов, Баринаова, 2014, с. 96]. «Парадокс Алле» фокусируется на том, что индивид как субъект поведения ведет себя рационально, предпочитая не получить максимальную ожидаемую полезность, а достигнуть абсолютной надежности [Рыжкова, 2012, с. 70]. Данная теория указывает на односторонность фиксированного мышления в традиционной экономической теории и обеспечивает полноценное направление мышления для развития теории в экономике и других смежных дисциплинах.

Д. Канеман и А. Тверски предложили альтернативную теорию перспектив, созданную на основе сочетания психологии и экономики. В этой теории полностью проведено объяснение и описание «парадокса Алле». Теория перспектив – это теория принятия решений при условиях неопределенности [цит. по: Довбенко, Осик, 2011]. Согласно результатам «теории перспектив», «люди готовы взять на себя больший риск для избегания потерь, чем получить дополнительную прибыль в условиях риска» [Баринов, Баринаова, 2014 с. 97]. Другими словами, в хорошей экономической среде или в случае выигрыша, инвесторы, как правило, придерживаются позиции «избегания риска», и напротив, в случае проигрыша или в плохих условиях экономической среды, они обычно выглядят как «предпочтения риска». В двух противоположных случаях, два решения и действия, которые совершает «человек», являются противоположными. Объяснения причин этого явления с помощью «парадокса Алле» и «теории перспектив» указывают, что это зависит от предпосылок производства относительного поведения, то есть психологического фактора. Благодаря междисциплинарной аналогии, эти теории могут использоваться в теории лингвистики, предлагая теоретическую основу для изучения факторов, влияющих на языковое поведение и выражение. Теоретически, «теория

перспектив» не только в большей степени способствует появлению и развитию поведенческих финансов как новой отрасли экономики, но также может применяться в других дисциплинах. Например, считаем, что новая теория, сформированная комбинацией лингвистики и «теорией перспектив», может сыграть роль в дальнейших исследованиях.

При разборе было выяснено, что если в ходе ответа на вопросы журналистов выступающий хорошо контролировал ситуацию или уже освоил инициативу беседы, то на спорадически-неожиданные вопросы или случайно сгенерированные темы ответ выступающего в большинстве случаев является консервативным. Это происходит для того, чтобы сохранить инициативу дискурса в ситуации, когда говорящий не готов к риску потери контроля над состоянием контекста или к потере инициативы в дискурсе.

Таким образом, в двух типах поведения выступающего в рамках этих двух видов предпосылок, между ними образуется парадокс. Модель сводится к следующему:

№	детерминистическая модель	модель риска	выбор
1	$P=100\%$, статус ситуации или инициатива дискурса увеличивается на a единицы	$P = 50\%$, статус ситуации или инициатива дискурса увеличивает на b единицы; $P = 50\%$, статус ситуации или инициатива дискурса уменьшается на b единицы	Перед моделью доходов появляется «избеганием риска», выбрана детерминистическая модель.
2	$P=100\%$, статус ситуации или инициатива дискурса уменьшается на a единицы.	$P=50\%$, статус ситуации или инициатива дискурса уменьшает на b единицы; $P=50\%$, статус ситуации или инициатива дискурса	Перед моделью риска появляется «предпочтение риска», выбрана «модель риск».

		увеличивается на b единицы.	
--	--	-------------------------------	--

* $a < b$, P-вероятность.

Таблица 7

В это время выступающий придерживается тактики «избегания риска». Если говорящий находится в неблагоприятной ситуации или в пассивном положении по ходу выступления, он в основном использует радикальный ответ, чтобы попытаться изменить текущую ситуацию право говорить инициативно. Ввиду этого, на данном этапе выступающий придерживается позиции «предпочтения риска».

Рассмотрим фрагмент в ПД, с которым выступил В.В. Путин на Большой пресс-конференции в 2016 году.

«Вопрос: Когда Вы рассчитываете встретиться с Дональдом Трампом? Какие стратегические вопросы у вас будут на повестке в первую встречу и в последующие? Как Вы ожидаете?»

В. Путин: Мне сейчас трудно сказать. Нужно сначала, чтобы у избранного Президента Соединённых Штатов была возможность спокойно сформировать всю свою команду. Без этого, наверное, просто так, неподготовленные встречи нецелесообразны. А что за вопросы будут? Вопросы нормализации наших отношений. Ведь господин Трамп в ходе избирательной кампании говорил о том, что он считает правильным нормализовать российско-американские связи, и сказал, что хуже уже точно не будет, потому что хуже некуда. Я с ним согласен. Вот вместе подумаем, как сделать так, чтобы было лучше» («Большая пресс-конференция», 23.12.2016, <http://kremlin.ru/events/president/news/53573>).

Поскольку российско-американские отношения являются очень важными для обеих стран на данный момент, комментарии или мнения по этому вопросу должны быть осторожными. В то же время «психологическое изменение» В.В. Путина как оратора при ответе на данный вопрос

основывается на результатах суждения о статусе текущей ситуации и инициативе дискурса. Хотя радикальный ответ с определенной вероятностью может сместить инициативу дискурса, но также существует и определенная вероятность того, что СМИ зададут больше дополнительных вопросов, и таким образом выступающий потеряет контроль над ситуацией. Использование консервативного ответа поможет оратору умеренно дать информацию в ответе на данную тему и поддержать текущее состояние стабильности, поэтому выступающий придерживается позиции «избегания риска».

Затем прием «избегание риска» как результат выбора «психологического изменения» состояния оратора будет определять выбор языкового поведения, что приведет к генерации дискурсивного правила «изменения речевого поведения».

В ответе на первый вопрос использование словосочетания «трудно сказать» указывает, что В.В. Путину было слишком неудобно высказать определенную позицию по данной теме, но затем он рассудил, что по-прежнему будет сохранять текущее состояние инициативы в дискурсе, который находится под его контролем, и дал понятный ответ.

Выступающий может уйти от прямого ответа и показать, что результаты соответствуют ожиданиям. Такой случай появляется в следующем отрывке:

«Вопрос: Владимир Владимирович, какую свою допущенную ошибку Вы считаете самой большой в этом году и какую ошибку Вы считаете самой большой за свои президентские сроки? Спасибо.

В.В. Путин: Вы знаете, мне уже многократно вопросы подобного рода и прямо такой вопрос задавали Ваши коллеги.

У каждого человека есть ошибки. Без ошибок ни один человек не живёт и не работает. Я воздержусь сейчас, чтобы воспроизводить то, о чём я уже говорил неоднократно, но постараюсь сделать выводы из всех

своих ошибок, недоработок, с тем чтобы их было меньше на будущее, с тем чтобы мы работали все вместе, и я в том числе, эффективно» («Большая пресс-конференция», 14.12.2017, <http://kremlin.ru/events/president/news/56378>).

Тактика «избегание риска», вызванная «психологическим изменением» коммуникативной ситуации, может также возникать, когда журналисты непрерывно спрашивают или неоднократно задают дополнительные вопросы выступающему. В такой ситуации эффективность и эффекты суггестивного типа речи не могут быть гарантированы, и существует высокая вероятность потери инициативы, поэтому тактика «неприятия риска» в таком контексте предпочтительнее, чем обычно, и в этом случае выручает шутка. Примером служит ответ на Большой пресс-конференции 2013 года:

«Вопрос: Но Ваш всё-таки пул начал эту тему. Я всё-таки хотел у Вас уточнить в продолжение по скидке на газ. Как так получилось: вы три года душили Украину ценами на газ и тут неожиданно цену снизили – значит ли это, что до этого цена была «братская» – несправедливая и завышенная для Украины? Вы говорили, что даже это – временные договорённости, и надо идти дальше. О чём, собственно, речь?»

И, если можно, уточните, эти 15 миллиардов – это отказ Украины от ассоциации с Европейским союзом? Сколько вы готовы ещё заплатить, чтобы...

В. Путин: Ну вот, уже разговор пошёл серьёзный. А сколько вам надо?...» (19.12.2013, <http://kremlin.ru/events/president/news/19859>).

Данный случай не является обычной речью на пресс-конференции. Под градом непрерывных вопросов этого журналиста В.В. Путин сказал, что на вопросы об Украине он будет отвечать позже, поэтому здесь он прервал журналиста, и, задав встречный вопрос, сказал, что слышит слишком много вопросов от него. Таким образом, этот случай с вопросами украинского журналиста является прямым способом выражения провокации.

Когда говорящий находится в состоянии «предпочтения риска», он разочарован текущим статусом ПД, поэтому выбрана такая модель риска, чтобы изменить ситуацию в модели дополнительного риска, и такой случай также встречается в прагматике ПД. Примером служит ответ В.В. Путина на Большой пресс-конференции в 2017 году:

«Вопросы: Когда будет принято решение, и как Вы считаете, на сколько нужно повышать пенсионный возраст для мужчин и женщин?»

В.В. Путин: Вы знаете, Вы затронули очень чувствительный и очень важный вопрос. Я Вам сейчас не скажу об окончательных решениях, потому что, действительно, они пока не готовы. Вы так сформулировали вопрос, будто решение уже принято.

...

Но повторяю ещё раз и хочу это подчеркнуть: никакого окончательного решения не принято. И ещё одно, чрезвычайно важное обстоятельство. Такие решения не могут приниматься кулуарно, даже на уровне Правительства. Это должно происходить открыто, с привлечением общественности и, конечно, в ходе открытой дискуссии в представительных органах власти, в том числе в парламенте» (14.12.2017, <http://kremlin.ru/events/president/news/56378>).

Когда речь идет о пенсионной системе, вначале В.В. Путин не дал определенного ответа, поскольку, общественное доверие зависит от такого ответа.

Если будет выбрана *детерминистическая* модель, ответ будет консервативным, типичным и обычным, что приведет к дополнительным вопросам и критике за неопределенность, неясность ответов, как следствие говорящий потеряет контроль над ситуацией или правом лидера дискурса, соответственно, будут неизбежные прагматические потери. Напротив, если будет употреблена модель риска и ответ открытым образом прояснит ситуацию, будет создан образ честного политика-оратора. Когда в модели

риска существует более высокая вероятность прагматических «доходов» от коммуникации, говорящий стремится выиграть в модели риска, поэтому, после заявления, что официально еще не объявили о решении, В.В. Путин сказал об отсрочке пенсионного возраста, улучшении пенсионной системы, решении проблем занятости и др., но в конце ответа снова подчеркнул, что этот ответ не является окончательным решением. Таким образом, «функциональное изменение» в данном случае заключается в том, что В.В. Путин, с одной стороны, неоднократно указывал, что этот его ответ является неофициальным решением, но с другой стороны он дал тщательный анализ с различными вероятностями, что показывает, что решение по вопросу в конечном итоге будет удовлетворительным.

3.2.2 Установленные заранее темы в медийном политическом дискурсе

По сравнению с Большой пресс-конференцией, роль СМИ в интервью ближе к первоначальному значению этого термина, потому что основная функция СМИ в деятельности этого типа – распространение информации, т.е. ответные слова респондента передают аудитории. Как полагает О.Ф. Автохутдинова, ПД в СМИ является главным проводником политического воздействия на адресатов, особенно в период политических выборов [Автохутдинова, 2007, с.113]. В интервью адресант и адресат, которые действительно находятся на двух полюсах дискурса, а СМИ играет роль передатчика их речи массам, т.е. роль посредническую. Выходной версией работы репортажа является в основном синтез ПД-семантики, краткое изложение точки зрения выступающего, его основных тезисов, но теоретически лучше использовать исходный оригинальный текст диалога в репортаже. Однако роль и идентичность СМИ трансформируется в заданные вопросы которые также отражают внимание общественности к политическим темам.

В регулярных интервью глав государств заданные представителями СМИ вопросы (и ответы говорящего на них) обычно сосредоточены на текущем политическом событии или тех конкретных событиях, которые произошли недавно. По сравнению со спорадически-неожиданными темами на Большой пресс-конференции, влияние элементов установленной темы на выражение языка меньше отражается в оценке «риска», но фокусируется на организации, структуре, логике и прагматике ответа и др., и ответ определен формой выступления. Приведем вопросы и ответы, которые появились в интервью американского телеканала NBC в 2018 году.

«Вопрос: Как Президент, человек на посту Президента, что Вы считаете своим самым большим достижением? И что Вы считаете своим самым большим промахом, ошибкой?»

В.В. Путин: Вы знаете, и то и другое будет очень близко.

Самое большое достижение – это то, что у нас кардинальным образом изменилась экономика. Она выросла почти в два раза по объёму. У нас в два раза сократилось количество людей, живущих за чертой бедности.

И в то же время из того, что не сделано до конца, – это то, что за чертой бедности у нас ещё живёт слишком много людей. Нам нужно убирать эти «ножницы» между теми, кто зарабатывает очень много, и теми, кто зарабатывает слишком мало. А в связи с этим есть много и плюсов, и нерешённых пока вопросов.

У нас в начале 2000-х годов население страны сокращалось каждый год почти на миллион. Представляете, какая катастрофа? 900 тысяч почти. Мы эту ситуацию переломили. Вышли даже на естественный прирост. Младенческая смертность у нас минимальная, материнская – почти сведена к нулю. Мы подготовили и осуществляем большую программу поддержки материнства и детства. У нас сейчас самый большой темп роста продолжительности жизни.

Многое изменилось в экономике. Но нам не удалось решить главную задачу в экономике, мы не поменяли так, как нам нужно ещё, структуру самой экономики. Мы не добились необходимых нам темпов роста производительности труда, но мы знаем, как это сделать. И я уверен, мы это сделаем. Дело в том, что у нас и не было возможности пока решить эту задачу, потому что до сегодняшнего момента у нас не были созданы ещё макроэкономические условия для конкретных действий по этим направлениям.

У нас в начале пути инфляция была под 30 процентов, сейчас она 2,2. Растут золотовалютные резервы, у нас стабильная макроэкономика. Это как раз даёт нам шанс сделать следующий шаг и в направлении повышения производительности труда, и в привлечении инвестиций, в том числе частных, и в изменении структуры экономики.

Это я Вам говорю крупными блоками. Есть ещё конкретные направления, включая современные технологии и искусственный интеллект, цифровизацию, биологию с медициной, геномные исследования и так далее» («Интервью американскому телеканалу NBC», часть1(в Кремле), 01.03.2018, <http://kremlin.ru/events/president/news/57027>).

Безусловно, перед интервью журналист обозначил темы разговора, поэтому В.В. Путин был к ним готов и подробно рассказал о своих достижениях в управлении страной и упомянул об областях, в которых были достигнуты успехи и были недостатки, например, в области экономики, социального развития, техники. Таким образом, ответ получился цельным и полным, без перебивок мысли. В ответе о «достижениях» и «недостатках» его дискурс имеет очевидную центростремительную силу по раскрытию темы вопроса на всех уровнях, отвечающий внимательно следит за центром темы, не избегая текущей проблемы, что приводит к более высокой эффективности ПД и более четким эффектам суггестии дискурса. Следовательно, ответ в этом случае довольно типичен, и его можно

рассматривать как пример с установленным тематическим фактором в интервью.

3.3 Тенденция оформления речевого акта в политическом дискурсе

Данный параграф посвящен анализу тенденции развития политической лингвистики как важной отрасли лингвистики.

Так, междисциплинарность в развитии политической лингвистики основном проявляется в использовании теорий смежных гуманитарных наук, например, экономической теории для объяснения достигнутых эффектов суггестии ПРА в ПД. Суггестивность применена для воздействия в психотерапевтических целях, в текстах, сформированных в ходе профессиональной коммуникации.

В.Н. Степанов понимает «суггестию, как способ речевого воздействия» [Степанов, 2013, с. 207], которое Е.В. Сидоренко уточняет как «сознательное неаргументированное воздействие на человека или группу людей, имеющее своей целью изменение их состояния, отношения к чему-либо и создания предрасположенности к определённым действиям» [Сидоренко, 2002, с. 30].

Исследователи говорят о суггестивных текстах как текстах, созданных специально по канонам той или иной мифологии (их называют еще мифологическими текстами) и используемых для воздействия на целостную установку личности и/или установки общества в целом [цит. по: Черняковская, 2006, с. 27]. В.Н. Степанов отмечает, что «суггестивное побуждение к реакции опирается на когнитивные установки и общеизвестные знания, которые могут, тем не менее, не осознаваться носителями языка, относиться к сфере их бессознательного» [Степанов, 2008, с. 190].

По мнению акад. В.Г. Костомарова, экспрессия и стандарт являются

основными чертами газетного языка [Костомаров, 1971, с. 3]. Экспрессивность языка позволяет сделать ПД привлекательным и эстетическим; а стандартность языка может реализовать успешность понимания ПД. Соответственно, мы считаем, что эти особенности (специализация и популяризация) высказываний в рамках политического дискурса будут важными тенденциями в развитии ПД.

Суггестивность увеличивается прямо пропорционально экспрессии, и в речевых актах в ПД часто употребляются такие стилистические приемы, как метафора, антитеза, инверсия и др.

Так называемая специализация политического высказывания относится к политической речи и противостоит популяризации политического высказывания. Они разделяются по статусу идентичности, а не по языковой способности, поэтому субъектами специализации политического высказывания являются в основном политики, прежде всего лидеры государств. В ряде анализов политического дискурса лидера замечено, что ПД стремится к популяризации. Иначе говоря, чем выше класс идентичности выступающего, тем более простые формы он использует в структуре, выражении речевых актов в ПД и общей логике его речи, соответственно, поэтому в политической речи появляются простые слова, несложный синтаксис и под. элементы упрощения формы ПД.

Однако возникновение этого явления зависит от активного участия политика в коммуникации в СМИ в рамках политической деятельности. Как было сказано выше, политические высказывания в выступлениях, интервью, ответах на вопросы журналистов относятся к публицистическому стилю, поэтому к нему также принадлежат политические дискурсы на высшем уровне в этой части, отличающиеся от высших политических выражений в дипломатическом стиле.

Ясно, что ПД на высоком уровне дипломатического общения не имеют типичных черт простой речи, но в демократической системе ПД для

получения большей поддержки выступающий нередко пропагандирует важные политические решения или события с помощью популярной (простой) речи, чтобы сбалансировать понимание общественности. Употребление таких политических высказываний способствует пониманию слушателей, что в определенной степени снижает трудность пересказа ответов в СМИ, ввиду чего, соответственно, можно избежать недоразумений, которые могут возникнуть в процессе вторичной передачи смысла ПД средствами медиа, также реализовать воздействие на адресатов. Как отмечает В.И. Карасик, привычка изъясняться речью официального политического стиля является способом жесткого контроля над сознанием слушателей [Карасик, 2011, с. 38]. Приведем отрывки такой простой и понятной политической речи:

- 1) *«Хорошо известно, что уровень отношений России и Китая очень высокий.»* (В.В. Путин «Большая пресс-конференция», 23. 12.2016, <http://kremlin.ru/events/president/news/53573>)
- 2) *Правительство поддерживает все регионы.* (тем же)
- 3) *Смотрите, рост экономики – один процент в год за определённый период времени.* (В.В. Путин, «Большая пресс-конференция», 20.12.2018, <http://kremlin.ru/events/president/news/59455>)
- 4) *Второе, так считать, механически, нельзя.* (тем же)
- 5) *Да, действительно, это хороший показатель работы экономического блока Правительства.* (тем же)

Таким образом, упрощение политических высказываний ПД позволяет усилить эффект обратной связи и придерживается «принципа близости», придает речи образность и живость.

Кроме того, существует т.н. «эффект фрейминга», открытый Д. Канеманом и А. Тверски в 1981 году в сфере экономики (Kahneman & Tversky, 1981), далее теория фрейминга была применена в психологии (Kahneman&Tversky, 1984), см. [Scheufele D.A., Tewksbury D., 2007, с. 11].

Использование теории фрейминга в политической коммуникации может привлечь внимание к области значения. Как отмечает М.Л. Макаров, фрейм – это когнитивная структура в феноменологическом поле человека, организованная вокруг какого-либо концепта, которая образуется на основе вероятностного знания о типических ситуациях и связанных с этим знанием ожиданиях по поводу свойств и отношений реальных или гипотетических объектов [Макаров, 2003, с. 153]. Фреймы как абстрактное понятие употребляются для организации или структурирования социальных значений и оказывают влияние на восприятие информации аудиторией [Кожамкулова, 2008, с. 82]. На наш взгляд, можно считать, что в ходе вопросов и ответов (например, на Большой пресс-конференции, в интервью, комментариях к одному и тому же событию) различные речевые акты в ПД говорящего в разных фреймах в значительной степени способствуют «психологическому изменению» аудитории, к лучшему, т.к. позволяют слушающим опираться на типовые и общеизвестные фреймы.

Например, в политической деятельности проблема занятости находится в центре внимания. Говоря об уровне занятости или проблеме занятости в ответах, выступающий обычно употребляет и слово «безработица» (плюс процент данных в уточнении) для ответа на вопрос. Далее используется фрейм, который в основном выражает модель «уровень занятости в этом году выше на $x\%$, чем в прошлом году» или «уровень безработицы за год снизился на $x\%$ по сравнению с тем же периодом прошлого года». Оба они описывают один и тот же объективный факт с разных точек зрения, но в виде фрейма.

Говоря о выборе употребления между «занятостью» и «безработицей»: если ответ будет произведен с позиции «уровня занятости», то говорящему будет задавать дополнительные вопросы. Причина этого состоит в том, что функция общественного контроля делает аудиторию более склонной к тому, чтобы узнать о том, «сколько людей всё ещё безработные», т.е. исходить из фрейма опасности ситуации как наиболее важного. Если говорящий ответит

в ракурсе «снижения уровня безработицы», то слово «безработица» будет направлено на центральный фокус внимания аудитории, хотя преобразование «увеличение уровня занятости = снижение уровня безработицы» в логическом соотносительны. В соответствии с текстами на Большой пресс-конференции с 2012 по 2018 год о ситуации занятости всего появилось четыре ответа В.В. Путина, при этом отметим, что он предпочитает отвечать на вопросы СМИ с точки зрения фрейма «снижения безработицы», что показано в следующих высказываниях:

- 1) *Сокращается безработица, что отрадно. Если в прошлом году она побила исторический минимум – была 5,2 процента, в этом году она будет ещё ниже – 4,8 процента. (В.В. Путин, «Большая пресс-конференция», 20.12.2018, <http://kremlin.ru/events/president/news/59455>).*
- 2) *И уровень безработицы (в Крыму) меньше, чем в целом по России. Он в целом у нас держится на хорошем уровне. Если, кстати говоря, вернуться к первому вопросу, это один из показателей (не Вы, по-моему, задавали), у нас было 5,6–5,7, в этом году она даже фиксируется 5,5, в Крыму зарегистрированная ещё ниже. (В.В. Путин, «Большая пресс-конференция», 23.12.2016, <http://kremlin.ru/events/president/news/53573>).*
- 3) *На низких значениях находится и уровень безработицы. Он у нас опускался даже ниже пяти процентов, сейчас где то в районе пяти, может быть, 5,1 процента. (В.В. Путин, «Большая пресс-конференция», 18.12.2014, <http://kremlin.ru/events/president/news/47250>).*
- 4) *Уровень безработицы по методологии МОТ у нас в прошлом году был 6,6. Собственно говоря, мы и этот год начали с этих показателей – 6,6 процента, а на ноябрь текущего года это уже 5,3–5,4 процента (В.В. Путин, «Большая пресс-конференция», 20.12.2012, <http://kremlin.ru/events/president/news/59455>).*

Одним словом, хотя факты, изложенные в этих выражениях, одинаковы с точки зрения смысла, они не идентичны с точки зрения эмоционально

психологического восприятия информации. Поэтому важной тенденцией развития ПД будет служить именно этот фактор.

Выводы

В изучении политического дискурса нужно комбинировать фактическое использование языковой среды и учитывать множество факторов, таких как фон знаний говорящего и слушателей, внеязыковые элементы проведения ПД (время, место, цель и т.д.).

Как следует из анализа, суггестивные смыслы многих слов и предложений могут быть точно описаны и истолкованы только в сочетании с употреблением конкретной ситуации. Говорящий может регулировать свою речь для подчеркивания какой-то информации или для вовлечения или воздействия на слушателей. С учетом экстралингвистических факторов, говорящий настраивает регистры и способы высказывания, чтобы дать понять что-либо слушателям или передать им важную информацию, а также чтобы успешно получить образную связь с слушателями, достигнуть эффекта воздействия речевых актов в ПД. Соответственно, адресант хочет контролировать поле дискурса, в связи с этим в интервью или в ответах на вопросы журналистов «тема» занимает важное место. Спорадически-неожиданные или установленные заранее темы влияют на речевое поведение говорящего, таким образом, тема как значимый элемент должна учитываться в реальной политической коммуникации. Таким образом, можно сделать следующие выводы:

1. В реальном общении политическая коммуникативная ситуация (включая адресанта, адресата и контекст) оказывает имплицитное влияние на высказывания в рамках политического дискурса. Соответственно, с учетом коммуникативной ситуации говорящий может регулировать свою речь для

достижения поставленной цели. На основе рассмотренных материалов доказано, что сочетание определенных типов ситуации и высказывания в рамках политического дискурса способно максимизировать прагматические эффекты политических апелляций в дискурсивной форме.

2. По результатам проведенного анализа можно сделать вывод что, тематические факторы в политическом медиадискурсе потенциально влияют на характер и функцию политического дискурса. Анализируя спорадически-неожиданные и установленные заранее темы, мы пришли к выводу, что они в какой-определенной степени вызывают изменение психологии, и это приводит к изменению параметров речевых актов в рамках политического дискурса. Установленные заранее темы обладают малым количеством изменяющих элементов и включают в себя подготовленные высказывания, при спорадических темах существует множество неконтролируемых факторов в политической речевой деятельности.

3. Рассмотренные материалы показывают, что высказывания ведущих политиков в рамках ПД имеют два основных направления развития: профессионализация и популяризация.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Политический дискурс является одним из важных понятий политической лингвистики, обладает собственной спецификой и функцией.

Политическое высказывание в рамках ПД (публичная речь политика) функционирует как центральная форма политической коммуникации; разные жанры политического дискурса активно используются в политической речевой деятельности, они обладают информативной, воздействующей и другой функцией в общении.

Политическое выступление политика как один из важнейших типов политического дискурса представляет большой интерес для исследований. Выбор лексических, синтаксических и текстовых единиц при формировании ПД тесно связан с определенной коммуникативной ситуацией.

Эффективными языковыми средствами в ПД (в речах ведущих политиков) является употребление прилагательных с маркером политической позиции, наречий степени и параллельных синтаксических конструкций.

В результате проведенного анализа наречий в ПД установлено, что эти языковые единицы в рамках ПД отражают и субъективные эмоции ораторов. С помощью таких языковых средств адресант может оказывать влияние на адресантов, вовлекая их в совместное коммуникативное взаимодействие, воздействуя на их сознание, а также осуществлять контроль над ними и в результате этого достичь поставленной политической цели.

Проведенный анализ языковых средств в реальных ПД ведущих политиков РФ дает основания выявить сходные и специфические черты речевых актов в политическом дискурсе, которые возникают как из разницы языковых особенностей, так и из общих закономерностей развития публичной речи, зависящих от менталитета политика.

Мегаэпитеты функционируют в политических речевых актах и

осознаются как особые единицы в смысловой структуре политического дискурса.

«Сложнокомпонентные» наречия (с включением семы эмоции или субъективного отношения) с целью определения их функции частотно появляются в политическом дискурсе, чтобы выразить отношение к явлению. Проведенный анализ показал, что сложнокомпонентные наречия в основном употребляются с положительным значением.

В политической коммуникации с помощью синтаксической фигуры параллелизма говорящий привлекает внимание аудитории, побуждает к согласию с идеями своего высказывания через идею совместимости и повторяемости, которая хорошо понятна и обнаруживается как жизненная универсалия.

Политический дискурс может исследоваться не только с позиции языковых факторов, но и в рамках экстралингвистических условий. Дискурс-анализ как особый способ исследования политического дискурса, сочетая языковые формы с внелингвистическими факторами, играет важную роль в изучении фактического содержания высказывания в рамках политического дискурса. В реальной коммуникации значение слов и предложений сопровождается дополнительным коннотативным смыслом в зависимости от влияния экстралингвистических факторов, особенно в политической действительности. Таким образом, чтобы реализовать речевое воздействие в реальном общении, оратору приходится неизбежно обращать внимание на сопутствующие факторы: коммуникативную ситуацию, идеологию, настроение целевой аудитории, тематические факторы (спорадическую неожиданность темы) и др., которые действительно оказывают влияние на языковые особенности построения политического дискурса. С учетом влияния этих факторов говорящий субъективно выбирает слова, словосочетания, и регулирует речевые структуры.

Дальнейшие перспективы исследования связаны с изучением других

выразительных языковых средств в политическом дискурсе, а также с изучением влияния сопутствующих факторов (географических, культурных и др.) на лингвистическое оформление политического дискурса.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Автохутдинова, О. Ф. Дискурс политической толерантности в региональных СМИ в период выборов [Текст] // Известия Уральского университета. – Серия 1. Проблемы образования, науки и культуры. – 2007. – № 52. – С. 113-123.
2. Алексеева, А. К. Политический портрет В. В. Путина и Д. А. Медведева (на материале прессы и ассоциативного эксперимента) [Текст] // Политическая лингвистика. – 2012 – № 41. – С. 64-80.
3. Алышева, Ю. С. Речевой портрет В. В. Путина [Текст] // Вестник Волгоградского государственного университета. – 2012. – № 2 (16). – С. 171-174.
4. Арутюнова, Н. Д. Дискурс [Текст] // Лингвистический энциклопедический словарь. – М. : «Советская энциклопедия», 1990. – С. 136-137.
5. Атьман, О. В. Жанровая специфика президентского дискурса США [Текст] // Альманах современной науки и образования. – Тамбов : Грамота, 2009. – № 2 (21). – С.14-16.
6. Базылев, В. Н. Политический дискурс // Эффективная коммуникация: история, теория, практика: Словарь-справочник [Текст] / отв. ред. М.И. Панов. – М., 2005. – 289 с.
7. Баранов, А. Н. Введение в прикладную лингвистику [Текст]. – М. : Эдиториал, 2001. – 347 с.
8. Баранов, А. Н., Казакевич Е. Г. Парламентские дебаты: традиции и новации [Текст] // Советский политический язык (от ритуала к метафоре) / А.Н. Баранов, Е. Г. Казакевич. – М. : Знание, 1991. – 63 с.
9. Баранов, Н. А. Политическая культура России: традиции и современность [Текст] // Труды СПбГУКИ. –2015. – №. 203. – С. 203-213.

10. Бахтин, М. М. Эстетика словесного творчества [Текст]. – М., 1979. – 424 с.
11. Бердяев, Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма [Текст] : [Репринтное воспроизведение издания УМСА-РВЕ55, 1895 г.]. – М. : Наука, 1990. – 224 с.
12. Будаев, Э. В. Медиа-образ современной России: инновации в метафорической картине мира [Текст] // Восточнославянская филология. – Вып. 14: Литературоведение. – Горловка. – 2009. – С. 53-58.
13. Будаев, Э. В. Методология политической лингвистики [Текст] // Политическая лингвистика. – 2010. – № 1. – С. 9-23.
14. Будаев, Э. В. Зарубежная политическая лингвистика [Текст] / Э. В. Будаев, А. П. Чудинов. – М. : Флинта ; Наука, 2008. – 352 с.
15. Буряковская, В. А. Коммуникативные характеристики массовой культуры в медийном дискурсе (на материале русского и английского языков) [Текст] : монография / В.А. Буряковская. – Волгоград : Перемена, 2014. – 228 с.
16. Валгина, Н. С. Теория текста [Текст] : учебное пособие. – М. : Логос. – 2003. – 173 с.
17. Ван Дейк, Т. Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации. Пер. с англ. – М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. – 344 с.
18. Ван Дейк, Т. А. К определению дискурса [Текст]. – Л. : Сэйдж пабликэйшнс, 1998. – 384 с.
19. Водак, Р. Специальный язык и жаргон: о типе текста «партийная программа» [Текст] / Р. Водак // Язык. Дискурс. Политика : сборник научных трудов. – Волгоград, 1998. – 565 с.
20. Водак, Р. Язык. Дискурс. Политика [Текст] / пер. с английского и немецкого. – Волгоград: ВГПУ Перемена, 1997. – 139 с.
21. Воробъёв, Л. Б. Национальная специфика языковой образности [Текст]. –

Псков, 2003. – 56 с.

22. Воробьева, О. А. Современное состояние политического дискурса [Текст] // Теоретическая и прикладная семантика, парадигматика и синтагматика языковых единиц : сборник научных трудов. – Краснодар, 2000. – С. 125-128.
23. Воробьева, О. И. Политический язык: семантика, таксономия, функции [Текст] : дисс. ... д-ра филол. наук. – М., 2000. – 382 с.
24. Ворошилова, М. Б. Креолизованный текст в политическом дискурсе [Текст] // Политическая лингвистика. – 2007. – № 3 (23). – С. 73-78.
25. Гаврилова, М. В. Когнитивные и риторические основы президентской речи (на материале выступлений В. В. Путина и Б. Н. Ельцина) [Текст] / М.В. Гаврилова. – СПб. : Филологический факультет Санкт-Петербургского государственного университета, 2004. – 294 с.
26. Гаврилова, М. В. Лингвистический анализ выступлений главы государства: Тематика, направления и методы исследования [Текст] // Политическая наука. – 2017. – № 2. – С. 54-72.
27. Гальперин, И. Р. Информативность единиц языка [Текст] / И.Р. Гальперин. – М. : Наука, 1974. – 279 с.
28. Герасименко, Н.А. Информация и фасцинация в политическом дискурсе [Текст] // Политический дискурс в России. – М. : Диалог-МГУ, 1998. – С. 20-23.
29. Грачёв, М. Н. Политическая коммуникация: теоретико-методологический анализ [Текст] : автореф. дисс. ... д-ра полит. наук. – М., 2005. – 52 с.
30. Григорьева, В. С. Дискурс как элемент коммуникативного процесса: прагмалингвистический и когнитивный аспекты [Текст] : монография / В.С. Григорьева. – Тамбов : Изд-во Тамбовского государственного технического университета, 2007. – 288 с.
31. Григорьева, О. Н. Публицистический стиль в системе функциональных разновидностей языка [Текст] // Язык средств массовой информации : учебное пособие для вузов / под ред. М. Н. Володиной. – М., 2008. – С.

355-365.

32. Грушевская, Т. М. Политический дискурс в аспекте газетного текста. – СПб. : Изд-во Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, 2002 (РТП РГПУ). – 116 с.

33. Гэлбрейт, Д. Новое индустриальное общество. Избранное [Текст] / Джон Гэлбрейт. – М. : Эксмо, 2008. – 1200 с.

34. Дементьева, М. К. Языковая личность политика [Текст] // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Русская филология». – 2011. – № 2. – С. 72-78.

35. Демьянков, В. З. Интерпретация политического дискурса в СМИ // Язык средств массовой информации [Текст] : учеб. пособие для вузов / под ред. М.Н. Володиной. – М., 2008. – С. 374-393.

36. Демьянков, В.З. Доминирующие лингвистические теории в конце XX века [Текст] // Язык и наука конца XX века. – М. : Институт языкознания РАН, 1995. – С. 239-320.

37. Демьянков, В. З. Интерпретация политического дискурса в СМИ [Текст] // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования : учебное пособие / отв. ред. М.Н. Володина. – М. : Изд-во Московского государственного университета, 2003. – С. 116-133.

38. Демьянков, В. З. Политический дискурс как предмет политологической филологии [Текст] // Политическая наука. Политический дискурс: История и современные исследования. – М. : ИНИОН РАН, 2002. – № 3. – С. 32-43.

39. Довбенко, М. В., Осик, Ю. И. Современные экономические теории в трудах нобелиантов [Текст]. – М. : Академия естествознания, 2011. – 305 с.

40. Желтухина, М. Р. Воздействие медиадискурса на адресата [Текст] : учебное пособие. – Волгоград : Перемена, 2014. – 91 с.

41. Золотова, Г. А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса [Текст]. – М. : Наука, 1982. – 368 с.

42. Иванцова, Е.В. Феномен диалектной языковой личности [Текст] /

- Е.В. Иванцова. – Томск : Изд-во Томского государственного университета, 2002. – 312 с.
43. Ильин, М.В. Политический дискурс: слова и смыслы (Государство) [Текст] // Полис,. – 1994. – №1. – С. 127-140.
44. Канеман, Д., Тверски, А. Рациональный выбор, ценности и фреймы [Текст] // Психологический журнал. – 2003. – Т. 24. – № 4. – С. 31-42.
45. Карасик, В. И. Адресная специализация в публичном политическом дискурсе [Текст] // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. – 2018. – Том 9. – № 1. – С. 32-49.
46. Карасик, В. И. Концептуализация социального действия: «Мероприятие» [Текст] // Политическая лингвистика. – 2011 – № 3. – С. 32- 38.
47. Карасик, В. И. Лингвосемиотическое моделирование ценностей [Текст] // Политическая лингвистика. – 2012. – № 1. – С. 43-50.
48. Карасик, В. И. О типах дискурса [Текст] // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс : сборник научных трудов – Волгоград, 2000. – С. 5-20.
49. Карасик, В. И. Религиозный дискурс [Текст] // Языковая личность: проблемы лингвокультурологии и функциональной семантики : сборник научных трудов – Волгоград : Перемена, 1999. – С. 5-19.
50. Карасик, В. И. Языковая пластика общения [Текст]: монография. – Волгоград : Парадигма, 2017. – 462 с.
51. Карасик, В. И. Языковая спираль: ценности, знаки, мотивы [Текст]. – Волгоград : Парадигма, 2015. – 432 с.
52. Карасик, В. И. Языковой круг: личность, концепты, Дискурс [Текст]. – М. : Гнозис, 2004. – 389 с.
53. Кибрик, А. А. Анализ дискурса в когнитивной перспективе [Текст] : дис. ... д-ра филол. наук. – М., 2003. – 90 с.
54. Киров, Е. Ф. Начала концептуально-дискурсивной лингвистики [Текст] //

- Система языка и языковое мышление / отв. ред. Е.Ф. Киров; ред.-сост. Г.М. Богомазов. – М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – С. 66 – 97.
55. Киров, Е. Ф. Стилистическая парадигма русского языка [Текст] // Русский язык за рубежом. – 2016. – № 5. – С. 93-99.
56. Кобозева, И. М. Лингвопрагматический аспект анализа языка СМИ [Текст] // Язык средств массовой информации : учебное пособие для вузов / под ред. М. Н. Володиной. – М., 2008. – С. 221-235.
57. Кожамкулова, Ш. Фрейминговые эффекты в новостях и их воздействие на казахстанского телезрителя [Текст] // Вестник Томского государственного университета. Серия «Филология». – 2008. – № 2 (3). – С. 82-85.
58. Константинова, А. А. Современный американский политический дискурс: паремии в риторике Барака Обамы [Текст] // Вестник Томского государственного университета. Серия «Филология». – Томск, 2010. – № 331. – С. 7-13.
59. Костомаров, В. Г. Русский язык на газетной полосе: некоторые особенности языка современной газетной публицистики [Текст] / В.Г. Костомаров. – М. : Изд-во Московского государственного университета, 1971. – 267 с.
60. Кохтев, Н. Н. Культура ораторской речи [Текст] // С.И. Виноградов Культура русской речи : учебник для вузов – М. : НОРМА-ИНФРА-М, 2000. – 560 с.
61. Кубрякова, Е. С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века (опыт парадигмального анализа) [Текст] // Язык и наука конца XX века. – М. : Российский государственный гуманитарный университет, 1995. – С. 144-238.
62. Культура русской речи [Текст] : учебник для вузов / под ред. проф. Л.К. Граудиной, Е.Н. Ширяева. – М. : НОРМА-ИНФРА-М, 1998. – 544 с.
63. Ленин, В. И. Полное собрание сочинений [Текст]. – 5-е изд. – М. : Госполитиздат, 1970. – Т. 39. – 624 с.

64. Макаров, М. Л. Основы теории дискурса [Текст]. – М. : Гнозис, 2003. – 303 с.
65. Малышева, Я. Власть и общество: проблемы русского политического дискурса [Текст] // Периодическая печать России: типологические и профильные особенности. – М. : Издательство Московского государственного университета. – 2000. – С. 11-13.
66. Маслова, В. А. Политический дискурс: языковые игры или игры в слова? [Текст] // Политическая лингвистика. – 2008. – № 1 (24). – С. 43-48.
67. Миронина, А. Ю. Политические эвфемизмы как средство реализации стратегии уклонения от истины в современном политическом дискурсе: на материале публичных выступлений Б. Обамы [Текст] : дисс. ... канд. филол. наук. – Киров, 2012. – 177 с.
68. Миронова, Н. Н. Дискурс-анализ оценочной семантики [Текст] / Н.Н. Миронова. – М. : Тезаурус, 1997. – 158 с.
69. Михайлова, О. А., Купина, Н. А. Основы стилистики и культуры речи [Текст] / О.А Михайлова, Н.А. Купина. – М. : Флинта, 2004. – 296 с.
70. Михалёва, О. Л. Политический дискурс. Специфика манипулятивного воздействия [Текст]. – М. : Либроком, 2009. – 252 с.
71. Мухарямов, Н. М., Мухарямова, Л. М., Януш, О. Б., Ширкина, Е. В. Политическая лингвистика [Текст] / Н.М. Мухарямов, Л.М. Мухарямова, О.Б. Януш, Е.В. Ширкина. – Казань : Казанский государственный энергетический университет, 2009. – 143 с.
72. Негров, Е. О. Официальный политический дискурс в современной России: стратегии развития [Текст] // Политическая экспертиза. – СПб. : ПОЛИТЭКС 2009. – Т. 5. – № 4. – С.105-114.
73. Никишина, Т. И. Функции политического дискурса как основные пути манипуляции политическим сознанием [Текст] // Язык. Культура. Общество. – Вып. 3. – Саранск, 2011. – С. 119-121.
74. Огурцов, А. П. Дивергенция концепций дискурса [Текст] // Методология

- науки и дискурс-анализ / Рос. акад. наук, Ин-т философии / отв. ред. А.П. Огурцов. – М. : ИФ РАН, 2014. – 285 с.
75. Олешков, М. Ю. Основы функциональной лингвистики [Текст] : учебное пособие для студентов фак. рус. яз. и лит. – Нижний Тагил : Нижнетагильская государственная социально-педагогическая академия, 2006. – 146 с.
76. Паршин, П. Б. Лингвистические методы в концептуальной реконструкции [Текст] // Системные исследования. Ежегодник 1986. –М. : Наука. 1987. – С. 398-425.
77. Паршина, О. Н. Российская политическая речь: теория и практика [Текст]. – Изд. 3-е. – М. : URSS, 2012. – 232 с.
78. Паршина, О. Н. Дискурсивы как средство вербализации речемышлительных процессов в устном политическом тексте [Текст] // Вестник Московского государственного гуманитарного университета им. М.А. Шолохова, 2012. – № 3. – С. 83-89.
79. Попова, Е. А. Культурно-языковые характеристики политического дискурса [Текст] : дис. ... канд. филол. наук. – Волгоград, 1995. – 188 с.
80. Разинкина, Н. М. Об одном из способов синтаксической организации научной прозы (стилистической прием параллелизма) [Текст] // Лингвистика и методика преподавания иностранных языков. – М. – 1976. – С. 59-90.
81. Розенталь, Д. Э. Практическая стилистика русского языка [Текст] : учебник для вузов. – Изд. 4-е, испр. – М. : Высшая школа, 2011. – 316 с.
82. Русакова, О. Ф. Дискурс, политический дискурс, политическая дискурсология [Текст] // Многообразие политического дискурса. – Екатеринбург, 2004. – С. 7-32.
83. Рыжкова, М. В. Иррациональное потребительское поведение как предмет экономической науки [Текст] // Вестник Томского государственного университета. – Экономика. – 2012. – № 4 (20). – С. 64-72.
84. Рябухина, Е. А. Моделирование дифференцированного обучения речевой

деятельности в старших классах на основе компетентностного подхода [Текст] : дис. ... д-ра пед. наук. – М. : 2013. – 537 с.

85. Самигуллина, А. С. Метафора в инаугурационной речи Б. Обамы [Текст] // Вестник Башкирского университета. Серия «Филология и искусствоведение». – Уфа, 2012. – Т. 17. – Вып. 1. – С. 196-198.

86. Светоносова, Т. А. Сопоставительное исследование ценностей в российском и американском политическом дискурсе [Текст] : дис. ... канд. филол. наук (10.02.20). – Екатеринбург, 2006. – 174 с.

87. Седых, А. П. К вопросу об идиополитическом стиле В. В. Путина [Текст] // Политическая лингвистика. – 2016. – № 55. – С. 35-41.

88. Серио, П. Как читают тексты во Франции [Текст] // Квадратура смысла. Французская школа анализа дискурса / пер. с франц. и португ. – М. : Прогресс, 1999. – С. 14-53.

89. Серль, Дж. Р. Классификация иллокутивных актов. Новое в зарубежной лингвистике [Текст]. – Вып. 17. Теория речевых актов. – М. : Прогресс, 1986. – 424 с.

90. Сидоренко, Е. В. Тренинг влияния и противостояния влиянию [Текст] / Е.В. Сидоренко. – СПб. : Речь. 2002. – 256 с.

91. Синельникова, Л. Н. Дискурсивная «матрица» как показатель состояния общественного сознания [Текст] // Вісник Луганського державного університету імені Тараса Шевченка 2010. – № 2 (189). – С. 10-31.

92. Сметанина, С. И. Медиа-текст в системе культуры (динамические процессы в языке и стиле журналистики конца XX века) [Текст] / С.И. Сметанина. – СПб. : Изд-во Михайлова В. А., 2002. – 383 с.

93. Современная политическая коммуникация (Чудинов А.П.) [Текст] // Материалы международной научной конференции. – Екатеринбург : Уральский государственный педагогический университет, 2009. – 234 с.

94. Современные теории дискурса: мультидисциплинарный анализ [Текст]. – Серия «Дискурсология». – Екатеринбург : Издательство «Дискурс-Пи», 2006.

– 177 с.

95. Солганик, Г. Я. Стилистика текста [Текст] : учеб. пособие. – 3-е изд. – М. : Флинта ; Наука, 2001. – 256 с.

96. Сорокин, П. А. Человек. Цивилизация. Общество [Текст] / общ. ред., сост. и предисл. А.Ю. Союмонов ; пер. с англ. С.А. Сидоренко. – М. : Политиздат, 1992. – 543 с.

97. Спиридовский, О. В. Лингвокультурные характеристики американской президентской риторики как вида политического дискурса [Текст] : автореф. дисс. ... канд. филол. наук / О.В. Спиридовский. – Воронеж, 2006. – 24 с.

98. Степанов, Ю. С. Альтернативный мир, Дискурс, Факт и принцип Причинности [Текст] // Язык и наука конца XX века : Сборник статей / под ред. Ю.С. Степанова. – М. : Российский государственный гуманитарный университет, 1995. – С. 35-73.

99. Степанов, В. Н. Провоцирование в социальной и массовой коммуникации [Текст] / В. Н. Степанов. – СПб. : Роза мира, 2008. – 268 с.

100. Степанов, В. И., Чибисова, Е. А. Суггестия и механизмы ее реализации в рекламном тексте: ритм и синестезия [Текст] // Вестник Тверского государственного университета. Серия «Филология». – 2013. – № 1. – С. 206-215.

101. Стилистика русского языка [Текст] : учеб. пособие для студентов пед. ин-тов по спец. рус. яз. и лит. / М. Н. Кожина. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Просвещение, 1983. – 223 с.

102. Туфанова, Ю. В. Речевая ситуация извинения / Ю. В. Туфанова // Вестник ИГЛУ. Серия «Филология». – Иркутск, 2010. – Вып. 9. – С. 145-152.

103. У, Анна. Воздействие идеологии на развитие речевого акта и проявления коммуникативного поведения под влиянием географических факторов [Текст] // Лингвокультурные ценности в языковом сознании и коммуникативной практике : сборник международной научной конференции. [Тяньцзинь, 6 ноября 2018 г.]. – Тяньцзинь : Изд-во Тяньзиньского

университета иностранных языков, 2018. – С. 218-225.

104. У, Анна. Генезис языков в новой политической реальности [Текст] // Политическая лингвистика. – 2018. – № 1 (67). – С. 144-151.

105. У, Анна. Неудачи коммуникации на русском и китайском языках под влиянием гетерогенной культуры [Текст] // Международный аспирантский вестник. Русский язык за рубежом. – 2017. – № 4 – С. 49-51.

106. У, Анна. Общая характеристика понятия «дискурс» [Текст] // Славянская культура: истоки, традиции, взаимодействие. XIX Кирилло-Мефодиевские чтения : сборник Международной научно-практической конференции [23-25 мая 2018 г.]. – М., 2018. – С. 260-263.

107. У, Анна. Прагматический эффект высказывания субъекта в рамках политического дискурса в открытой коммуникативной ситуации [Текст] // Политическая лингвистика. – 2018. – № 5 (71). – С. 144-151.

108. У, Анна, Киров, Е. Ф. Функция двойного параллелизма в политическом дискурсе [Текст] // Гуманитарные технологии в современном мире : сборник VI международной научно-практической конференции [17-19 мая 2018 г.]. – Калининград, 2018. – С. 93-94.

109. У, Анна. Характерные синтаксические особенности оформления высказывания в рамках англоязычного и русскоязычного политического дискурса (на примере современных политических выступлений) [Текст] // Политическая лингвистика. – 2018. – № 6 (72) – С. 146-151.

110. У, Анна, Киров, Е. Ф. Конвергенция в политических дискурсах. [Текст] // Казанская наука. – Казань: Изд-во Казанский Издательский Дом, – 2019. – № 2. – С. 61–63.

111. Филинский, А. А. Критический анализ политического дискурса предвыборных кампаний 1999–2000 гг. [Текст]. : дис. ... канд. филол. Наук : 10.02.19. – Тверь, 2002. – 163 с.

112. Филипс, Л. Дж., Йоргенсен, М. В. Дискурс-анализ. Теория и метод

[Текст] / пер. с англ. – 2-е изд., испр. – Х. : Изд-во «Гуманитарный центр», 2008. – 352с.

113. Формановская, Н. И. Речевое общение: коммуникативно-прагматический подход [Текст]. – М. : Русский язык, 2002. – 216 с.

114. Ховалкина, А. А. Лексическое выражение степени величины признака в современном русском языке [Текст]. – Симферополь : Таврия, 1996. – 132 с.

115. Чернявская, В. Е. Дискурс власти и власть дискурса [Текст]. – М. : Флинта, 2006. – 136 с.

116. Чернявская, В. Е. Лингвистика текста. Лингвистика дискурса [Текст]. – М. : URSS, 2016. – 200 с.

117. Чикилева, Л. С. Когнитивно-прагматические и композиционно-стилистические особенности публичной речи [Текст] : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – М., 2005. – 42 с.

118. Чудинов, А. П. Дискурсивные характеристики политической коммуникации [Текст] // Политическая лингвистика. – 2012. – № 2. – С. 53-59.

119. Чудинов, А. П. Политическая лингвистика и политическая коммуникация [Текст] // Современная политическая коммуникация / под ред. А.П. Чудинова. – Екатеринбург : Уральский государственный педагогический университет. – 2009. – С. 6-41.

120. Чудинов, А. П. Политическая лингвистика [Текст] : учебное пособие / А.П. Чудинов. – 3-е изд., испр. – М. : «Флинта» ; «Наука», 2008. – 254 с.

121. Чудинов, А. П., Нахимова, Е. А., Никифорова, М. В. Российская лингвополитическая персонология: исследование дискурса политических лидеров [Текст] // Вестник РУДН. – Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. – 2018. – Том 9. – № 1. – С. 14-31.

122. Шакова, Б. М. Различные подходы к исследованию политического

дискурса [Текст] // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2013. – Часть.1. – № 9 (27). – С. 195-197.

123. Шевченко, А. Ю. Дискурсивный анализ материалов массовой коммуникации [Текст] / А. Ю. Шевченко // Теория коммуникации & прикладная коммуникация : сборник научных трудов. Вестник Российской коммуникативной ассоциации. – Выпуск 1 / под общей редакцией И.Н. Розиной. – Ростов н/Д. : ИУБиП, 2002. – 200 с. – С. 185-192.

124. Шейгал, Е. И. Семиотика политического дискурса [Текст] / Е.И. Шейгал. – М. : Волгоград, 2000. – 324 с.

125. Шмелева, Т.В. Жанровая система политического общения [Текст] // Политическое поведение и политические коммуникации: психологические, социологические и филологические аспекты. – Красноярск. – 1994. – С. 55-57.

126. Bell, V. Negotiation in the workplace: The view from a political linguist [Text] / V. Bell // A. Firth (ed.). The discourse of negotiation: Studies of language in the workplace. – Oxford: Pergamon, 1995. – P. 41-58.

127. Blaikie N. Designing Social Research. – Cambridge: Polity Pr., 2000. – 311 p.

128. Creswell J. W. Research Design: Qualitative, Quantitative and Mixed Method Approaches. – London: SAGE Publ., 2014. – 342 p.

129. Dieckman W. Sprache in der Politik. Einführung in die Pragmatik und Semantik der politischen Sprache. -Heidelberg, 1975, – 284 p.

130. Dijk T. A. van. Discourse as Social Interaction. Vol. 2. – London: SAGE Publ, 1997. – 324 с.

131. Dijk T. A. van. What is Political Discourse Analysis? // Political Linguistics / eds. J. Blommaert, C. Bulcaen. Amsterdam: John Benjamins, 1998. – pp.11-52.

132. Fairclough N. Language and Power. L.: Longman, 1989. – 259 p.

133. Graber D.A. Political languages // Handbook of political communication.

Beverly Hills, London: Sage Publications, 1981. – pp. 195-224.

134. Habermas J. The Structural Transformation of the Public Sphere. – Cambridge: The MIT Pr., 1991. – 301 p.

135. Holly W., Kuhn P., Puschel U. Politische Fernsehdiskussionen. -Tubingen: Max Niemeyer Verlag, 1990. – 217 p.

136. Lazaraton A. Quantitative and qualitative approaches to discourse analysis // Annual Review of Applied Linguistics. – 2002. – № 22. – pp. 32-51.

137. Lubbe H. Sein und Heissen. Bedeutungsgeschichte als politisches Sprachhandlungsfeld. -Bergsdorf, 1979. – pp. 71-84.

138. McMullin E. The Social Dimensions of Science in Balashov, Y. and Rosenberg, A. (eds) Philosophy of Science: Contemporary Readings, 2002. – pp. 489-500.

139. Rosenberg, A. Philosophy of Science: A Contemporary Introduction, London: Routledge, 2012. – 308 p.

140. Rosenberg, A. Philosophy of Social Science, Boulder: Westview Press, 2012. – 320 p.

141. Schiffrin D., Tannen D., Hamilton H.E. (eds.). The handbook of discourse analysis (Blackwell Handbooks in Linguistics). Oxford: Blackwell Publishers, 2001. – 851 p.

142. Sperber D., Wilson D. Relevance: Communication and Cognition, Beijing: Foreign Language Teaching and Research Press, 2001. – 335 p.

143. Teun A. van Dijk. Discourse and Power. Contributions to Critical Discourse Studies. Houndsmills: Palgrave MacMillan, 2008. – 308 p.

Словари и справочники:

144. Большая советская энциклопедия (электронная версия): [в 30 т.] [Текст]. – 3-е изд. – М. : Эксмо, 2008.

145. Большой энциклопедический словарь: в 2 т. [Текст] / гл. ред. А.М. Прохоров. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. ; СПб. : Большая Российская Энциклопедия: Норинт, 1997. – 1456 с.

146. Русская грамматика. – Том. II. Синтаксис [Текст]. – М. : Наука, 1980.
147. Русский язык: Энциклопедия [Текст] / под ред. Ф.П. Филина. – 3-е изд, испр. и доп. – М. : Советская энциклопедия, 1979. – 432 с.

Электронные ресурсы:

148. Аннушкин, В. И. Ораторское искусство / В.И. Аннушкин. [Электронный ресурс]: Режим доступа: <http://www.centr-zlatoust.ru/index.php?name=biblioteka&id=6>. – Дата обращения: 23.02.19.
149. Гонгало, Е. Ф. Теория речевых актов Дж. Остина и Дж. Серля [Электронный ресурс] : Режим доступа: https://catalog.ggau.by/downloads/%D0%9A%D0%9D%D0%9E%D0%A1%D0%9C_2011/7.pdf. – Дата обращения: 20.12.18.
150. Гронская, Н. Э. Языковые механизмы манипулирования массовым политическим сознанием [Электронный ресурс] : – Режим доступа: http://www.unn.ru/pages/vestniki_journals/9999-0200_West_MO_2003_1/22.pdf. – Дата обращения: 23.02.19.
151. Кожина, М. Н. Стилистический энциклопедический словарь русского языка [Электронный ресурс] / под ред. М. Н. Кожиной. – 2-е изд., стереотип. – М. : Флинта; Наука, 2011. – 696 с. – Режим доступа: <https://studfiles.net/preview/6006736/>. – Дата обращения: 20.12.2018.
152. Михальская, А. К. О речевом поведении политиков [Электронный ресурс] / А. К. Михальская // Независимая газета. – 1999. – 2 дек. – Режим доступа: http://www.ng.ru/ideas/1999-12-03/8_politics.html. – Дата обращения: 23.01.19.
153. Зайцев, А. В. Лингвополитология vs политическая лингвистика: возможен ли диалог? [Электронный ресурс] : Режим доступа: http://e-notabene.ru/fil/article_150.html. – Дата обращения: 23.11.18.
154. Национальный корпус русского языка (НКРЯ) [Электронный ресурс] : – Режим доступа: <http://www.ruscorpora.ru/>. – Дата обращения: 15.02.19.

Источники

155. Большая пресс-конференция 20 декабря 2012 г. [Электронный ресурс] : Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/news/59455>. – Дата обращения: 12.02.2018.
156. Большая пресс-конференция 19 декабря 2013 г. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/news/19859>. – Дата обращения: 12.02.2018.
157. Большая пресс-конференция 18 декабря 2014 г. [Электронный ресурс] : Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/news/47250>. – Дата обращения: 12.02.2018.
158. Большая пресс-конференция 23 декабря 2016 г. [Электронный ресурс] : Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/news/53573>. – Дата обращения: 10.05.2018.
159. Большая пресс-конференция 14 декабря 2017 г. [Электронный ресурс] : Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/news/56378>. – Дата обращения: 12.05.2018.
160. Большая пресс-конференция 20 декабря 2018 г. [Электронный ресурс] : Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/news/59455>. – Дата обращения: 12.02.2018.
161. Выступление Б. Обамы в парке Гранте Чикаго 04 ноября 2008 года. [Электронный ресурс] : Режим доступа: <https://www.liveinternet.ru/users/tonysoprano/post89021980/>. – Дата обращения: 24.02.2019.
162. Выступление Б.Н. Ельцина на прощании 31 декабря 1999 г. [Электронный ресурс] : Режим доступа: <https://www.bbc.com/russian/address.htm>. – Дата обращения: 12.01.2018.
163. Выступление В.В. Путина на 70-ой сессии Генеральной Ассамблеи ООН 25 сентября 2015 г. [Электронный ресурс] : Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/news/50385>. – Дата обращения: 12.02.2017.
164. Выступление В.В. Путина в Российском Литературном Собрании 21

- ноября 2013 г. [Электронный ресурс] : Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/news/19665>. – Дата обращения: 12.02.2018.
165. Выступление В. В. Путина в сессии «Молодёжь-2030. Образ будущего» 21 октября 2017 г. [Электронный ресурс] : Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/news/55890>. – Дата обращения: 12.02.2018.
166. Выступление В. В. Путина в торжественной церемонии открытия чемпионата мира FIFA на стадионе 14 июня 2018 г. [Электронный ресурс] : Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/news/57787>. – Дата обращения: 16.06.2018.
167. Выступление В. В. Путина в штабе в Гостином дворе 19 марта 2018 г. [Электронный ресурс] : Режим доступа: <https://rg.ru/2018/03/19/vladimir-putin-vystupil-na-mitinge-i-vstretilsia-so-svoim-shtabom.html>. – Дата обращения: 20.03.2018.
168. Выступление В. В. Путина на 14-й конференции Валдайского форума 19 октября 2017 г. [Электронный ресурс] : Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/news/55882>. – Дата обращения: 17.11.2017.
169. Выступление В. В. Путина на митинге в поддержку кандидата в Президенты 04 марта 2012 г. [Электронный ресурс] : Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/news/14684>. – Дата обращения: 12.02.2018.
170. Выступление В.В. Путина на митинге на Манежной площади в Москве 18 марта 2018 г. [Электронный ресурс] : Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/news/57084>. – Дата обращения: 20.03.2018.
171. Выступление В. В. Путина на Торжественном вечере, посвящённый Дню защитника Отечества, 20 февраля 2014 г. [Электронный ресурс] : Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/news/20293>. – Дата обращения: 12.02.2017.
172. Выступление Д. Трампа на Хельсинкской пресс-конференции 16 июля 2018 года. [Электронный ресурс] : Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/news/58017>. – Дата обращения: 24.02.2019.

173. Выступление Д. А. Медведева в новогоднюю ночь 31-ого декабря 2010 г. [Электронный ресурс] : Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/news/9976/print>. – Дата обращения: 12.02.2018.
174. Выступление Д. А. Медведева на «расширении заседания Государственного совета» 24 апреля 2012 г. [Электронный ресурс] : Режим доступа: <http://special.kremlin.ru/events/state-council/15111>. – Дата обращения: 12.02.2018.
175. Выступление кандидата в президенты России В. В. Путина 12 февраля 2004 г. [Электронный ресурс] : Режим доступа: <https://regnum.ru/news/217331.html>. – Дата обращения: 12.02.2018.
176. Инаугурационная речь Б. У. Клинтона 20 января 1993 года. [Электронный ресурс] : Режим доступа: <https://www.twirpx.com/file/767640/>. – Дата обращения: 24.02.2019.
177. Инаугурационная речь В. В. Путина 07 мая 2000 г. [Электронный ресурс] : Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/news/38089>. – Дата обращения: 12.02.2018.
178. Инаугурационная речь В. В. Путина 07 мая 2012 г. [Электронный ресурс] : Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/15224> 05.07.2012. – Дата обращения: 12.02.2018.
179. Инаугурационная речь В.В. Путина 07 мая 2018 г. [Электронный ресурс] : Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/news/57416>. – Дата обращения: 08.05.2018.
180. Инаугурационная речь В. В. Путина 07 мая 2004. [Электронный ресурс] : Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/news/30888>. – Дата обращения: 10.01.2018.
181. Интервью американскому телеканалу NBC 01 марта 2018 г. (часть 1, в Кремле) [Электронный ресурс] : Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/news/57027>. – Дата обращения: 12.02.2018.

182. Обращение к гражданам России 29 августа 2018 г. [Электронный ресурс] : Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/news/58405>. – Дата обращения: 12.12.2018.
183. Обращение к Нации Д. У. Буша 11 сентября 2001 года. [Электронный ресурс] : Режим доступа: <https://inosmi.ru/untitled/20010913/139362.html>. – Дата обращения: 24.02.2019.
184. Послание Д. А. Медведева 22 декабря 2011 г. [Электронный ресурс] : Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/news/14088>. – Дата обращения: 12.02.2018.
185. Послание Президента РФ Федеральному собранию 01 Декабря 2016. [Электронный ресурс] : Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/news/53379>. – Дата обращения: 12.02.2017.
186. Послание Президента РФ Федеральному собранию 01 марта 2018 г. [Электронный ресурс] : Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/news/56957>. – Дата обращения: 24.03.2018.
187. Послание Президента РФ Федеральному собранию 03 декабря 2015 г. [Электронный ресурс] : Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/news/50864>. – Дата обращения: 12.02.2019.
188. Послание Президента РФ Федеральному собранию 04 декабря 2014 г. [Электронный ресурс] : Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/news/47173>. – Дата обращения: 01.02.2018.
189. Предвыборная речь В. В. Путина, 12.02.2004. [Электронный ресурс] : Режим доступа: <https://regnum.ru/news/217331.html>. – Дата обращения: 16.08.2018.
190. Пресс-конференция по итогам переговоров президентов России и США 16 июля 2018 г. [Электронный ресурс] : Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/news/58017>. – Дата обращения: 18.07.2018.
191. Пресс-конференция по итогам саммита БРИКС, 27 июля 2018 г. [Электронный ресурс] : Режим доступа:

- <http://kremlin.ru/events/president/news/58119>. – Дата обращения: 29.07.2018.
192. Речь В. В. Путина при посещении Горьковского автомобильного завода 06 декабря 2017 г. [Электронный ресурс] : Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/news/56319>. – Дата обращения: 12.12.2017.
193. Речь Д. Трампа на 72-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН 19 сентября 2017 года. [Электронный ресурс] : Режим доступа: <https://ru.usembassy.gov/ru/remarks-president-trump-72nd-session-united-nations-general-assembly-ru/>. – Дата обращения: 24.01.2019.
194. Речь Д. Трампа на Республиканском национальном съезде 21 июля 2016 года. [Электронный ресурс] : Режим доступа: <https://www.politforums.net/usa/1484070793.html>. – Дата обращения: 24.03.2018.
195. Речь Д. Трампа о безопасности «Америка – прежде всего» 19.12.2017. [Электронный ресурс] : Режим доступа: <https://inosmi.ru/politic/20171219/241045134.html>. – Дата обращения: 24.02.2019.

Приложение 1

Прилагательные с коннотативной политической семантикой, употребленные в политических дискурсах В.В. Путина

1. В этом году мы вместе прошли через испытания, которые по плечу только зрелой, сплочённой нации, по-настоящему суверенному и сильному государству. (В.В. Путин, «Послание», 04.12.2014)
2. Потому, что в Крыму живут наши люди, и сама территория стратегически важна, потому что именно здесь находится духовный исток формирования многоликой, но монолитной русской нации и централизованного Российского государства. (там же)
3. Если предприятие приобрело надёжную репутацию, в течение трёх лет не имело существенных нареканий, то следующие три года плановых проверок в рамках государственного и муниципального контроля вообще не проводить. (там же)
4. Словом, всякий раз, когда кто-то считает, что Россия стала слишком сильной, самостоятельной, эти инструменты включаются немедленно. (там же)
5. Со всеми трагическими вытекающими отсюда последствиями для народов России. (там же)
6. Так же как не вышло у Гитлера, который со своими человеконенавистническими идеями собирался уничтожить Россию и отбросить нас за Урал. (там же)
7. Но в данном случае хочу сказать о наиболее чувствительном и серьёзном вопросе – сфере международной безопасности. (там же)
8. Думаю, что это вредно и для самих США, поскольку создаёт опасную иллюзию неуязвимости, усиливает стремление к односторонним, часто, как мы видим, непродуманным решениям и к дополнительным рискам. (там же)
9. Как сейчас говорят, вежливая, но грозная. (там же)
10. Будем доносить до людей за рубежом правду. Чтобы все видели настоящий,

подлинный, а не искажённый, фальшивый образ России. (там же)

11. Среди них немало наших искренних друзей и стратегических партнёров. (там же)
12. Убеждён, что тесная кооперация станет мощным источником развития для всех участников Евразийского союза. (там же)
13. И в завершение этой части послания ещё раз скажу: здоровая семья и здоровая нация. (там же)
14. Впереди время сложное, напряжённое, и многое зависит от каждого из нас на своём рабочем месте. Так называемые санкции и внешние ограничения – это стимул для более эффективного, ускоренного достижения поставленных целей. (там же)
15. И ещё один острый вопрос, о котором я уже говорил в Послании прошлого года, – это переполненность школ и классов. (там же)
16. Есть талантливые, умные, трудолюбивые люди, способные быстро учиться новому. (там же)
17. Воля, поступки и великодушие этих людей формируют бесценный социальный гражданский потенциал страны. (там же)
18. Добросовестный труд, частная собственность, свобода предпринимательства – это такие же базовые консервативные, подчеркну, ценности, как патриотизм, уважение к истории, традициям, культуре своей страны. (там же)
19. Их мужество, неустанный труд, непобедимое единство, священное отношение к родной земле – вечный пример преданности Отчизне. (В.В. «Инаугурационная речь», 07.05.2018)
20. Считаю своим долгом и смыслом всей своей жизни сделать всё для России, для её настоящего и будущего – мирного и процветающего, для сбережения и продолжения нашего великого народа, для благополучия в каждой российской семье. (там же)
21. Именно в гармоничном единстве свободного гражданина, ответственного гражданского общества и сильного, дееспособного, демократического

- государства вижу прочную основу для развития России. (там же)
- 22.Россия – сильный, активный, влиятельный участник международной жизни, безопасность и обороноспособность страны надёжно обеспечены. (там же)
- 23.Особое внимание уделим поддержке традиционных семейных ценностей, материнства и детства, чтобы в России рождалось как можно больше желанных, здоровых, умных, талантливых малышей. (там же)
- 24.Но все мы хорошо помним, что за более чем тысячелетнюю историю Россия не раз сталкивалась с эпохами смут и испытаний и всегда возрождалась, как птица феникс, достигала таких высот, которые другим были не под силу, считались недостижимыми, а для нашей страны, напротив, становились новым трамплином, новым историческим рубежом для дальнейшего мощного рывка вперёд. (там же)
- 25.Особая благодарность, конечно, тем, кто собрался сегодня здесь, в Москве, всем, кто поддерживает нас в каждом уголке нашей огромной, необъятной Родины. (В.В. Путин «Выступление на митинге в поддержку кандидата в Президенты», 04.03.2012)
- 26.У нас общие цели – мы хотим, чтобы наша Россия была свободной, процветающей, богатой, сильной, цивилизованной страной, страной, которой гордятся ее граждане и которую уважают в мире. (В.В. Путин, «Инаугурационная речь», 07.05.2000)
- 27.Путь к свободному обществу не был простым и легким, в нашей истории были и трагические, и светлые страницы. (В.В. Путин, «Инаугурационная речь», 07.05.2000)
- 28.Сегодня мы вновь лицом к лицу столкнулись с разрушительной, варварской идеологией и не имеем права допустить, чтобы новоявленные мракобесы добились своих целей. (В.В. Путин, «Послание», 03.12.2015)
- 29.Именно на эти деньги бандиты вербуют наёмников, закупают оружие, организуют бесчеловечные теракты, направленные против наших граждан, против граждан Франции, Ливана, Мали, других государств. (В.В. Путин,

«Послание», 03.12.2015)

- 30.Предвыборная конкуренция должна быть честной и прозрачной, проходить в рамках закона, с уважением к избирателям. (В.В. Путин, «Послание», 03.12.2015)
- 31.При этом, конечно, считаю неприемлемой и встречную агрессивную реакцию, тем более если она выливается в вандализм и в нарушение закона. (В.В. Путин, «Послание», 01.12.2016)
- 32.Социальные отрасли должны привлекать квалифицированных людей, талантливую молодёжь, поэтому мы повышаем и зарплаты специалистов, улучшаем условия их труда. (В.В. Путин, «Послание», 01.12.2016)
- 33.Везде на всей территории нашей большой страны дети должны учиться в удобных, комфортных, современных условиях, поэтому мы продолжим программу реконструкции и обновления школ. (В.В. Путин, «Послание», 01.12.2016)
- 34.Вижу в молодом поколении надёжную, прочную опору России в бурном, сложном XXI веке. (В.В. Путин, «Послание», 01.12.2016)
- 35.Очень неплохую динамику демонстрирует рост производства машин и оборудования для сельского хозяйства – 26,8 процента. (В.В. Путин, «Послание», 01.12.2016)
- 36.Динамика, очевидно, положительная и существенно позитивная. (В.В. Путин, «Послание», 01.12.2016)
- 37.При этом, подчеркну, абсолютное большинство государственных служащих – честные, порядочные люди, работающие на благо страны. (В.В. Путин, «Послание», 01.12.2016)
- 38.Национальную технологическую инициативу, она призвана обеспечить лидерские позиции российских компаний и продукции на наиболее перспективных рынках будущего. (В.В. Путин, «Послание», 01.12.2016)
- 39.При этом настроены на доброжелательный, равноправный диалог, на утверждение принципов справедливости и взаимного уважения в

- международных делах. (В.В. Путин, «Послание», 01.12.2016)
40. Мы хотим и будем жить в успешной России, которую уважают в мире как надёжного, открытого, честного и предсказуемого партнёра. (В.В. Путин, «Инаугурационная речь», 07.05.2012)
41. И мы будем работать с верой в душе, с искренними и чистыми помыслами. (В.В. Путин, «Инаугурационная речь», 07.05.2012)
42. И, конечно, могли гордиться авторитетом сильной, но миролюбивой страны. (В.В. Путин, «Инаугурационная речь», 07.05.2004)
43. Мы с вами – наследники тысячелетней России. Родины выдающихся сынов и дочерей: тружеников, воинов, творцов. Они оставили нам с вами в наследство огромную, великую державу. (В.В. Путин, «Инаугурационная речь», 07.05.2004)
44. Политические спекуляции на естественном стремлении людей к демократии, серьезные просчеты при проведении экономических и социальных реформ привели тогда к очень тяжелым последствиям. (В.В. Путин, «Выступление кандидата в президенты России», 12.02.2004)
45. Больше того, страна впала в унизительную зависимость от международных финансовых организаций и разного рода международных финансовых спекулянтов. (В.В. Путин, «Выступление кандидата в президенты России», 12.02.2004)
46. Россия сегодня – одна из ведущих держав с мощным внешнеэкономическим и оборонным потенциалом. (В.В. Путин, «Послание», 01.03.2018)
47. Обновление городской среды должно базироваться на широком внедрении передовых технологий и материалов в строительстве, современных архитектурных решениях, на использовании цифровых технологий в работе социальных объектов, общественного транспорта, коммунального хозяйства, что в том числе позволит обеспечить прозрачность и эффективность системы ЖКХ, чтобы граждане получали качественные услуги и не переплачивали за них. (В.В. Путин, «Послание», 01.03.2018)

48. Важно, чтобы развитие городов стало движущей силой для всей страны. Активная, динамичная жизнь России, с её огромной территорией, не может сосредоточиться в нескольких мегаполисах. Крупные города должны распространять свою энергию, служить опорой для сбалансированного, гармоничного пространственного развития всей России. (В.В. Путин, «Послание», 01.03.2018)
49. Сегодня деятельные, неравнодушные граждане, социально ориентированные НКО активно участвуют в решении важнейших задач. (В.В. Путин, «Послание», 01.03.2018)
50. Значимой задачей считаю развитие движения наставничества. (В.В. Путин, «Послание», 01.03.2018)
51. Мы обязаны поддержать высокотехнологичные компании, выстроить благоприятную среду для стартапов, для быстрого внедрения новых разработок в производство. (В.В. Путин, «Послание», 01.03.2018)
52. В основе всех перспективных военных разработок, как я уже сказал, лежат выдающиеся достижения, которые могут, должны и будут в своё время использоваться в высокотехнологичных гражданских отраслях производства. (В.В. Путин, «Послание», 01.03.2018)
53. (...болельщики, спортсмены, специалисты) получили удовольствие от пребывания в России – открытой, гостеприимной, радушной – обрели здесь новых друзей, новых единомышленников. (В.В. Путин, «выступление в торжественной церемонии открытия чемпионата мира FIFA на стадионе», 14.07.2018)

Приложение 2

Наречия с коннотативной семой субъективности в политических высказываниях В.В. Путина

1. Однако нас сейчас всеми силами пытаются убедить в том, что это и есть грамотная, взвешенная политика, которой мы должны бездумно и слепо подчиняться. (В.В. Путин, «Послание», 04.12.2014)
2. Уже тогда стало ясно, что чем больше мы отступаем и оправдываемся, тем больше наши оппоненты наглеют и ведут себя всё более цинично и агрессивно. (В.В. Путин, «Послание», 04.12.2014)
3. Активно продвигать деловые и гуманитарные контакты, научные, образовательные, культурные связи. (В.В. Путин, «Послание», 04.12.2014)
4. Мы не в первый раз говорим о необходимости новых подходов в работе надзорных, контрольных, правоохранительных органов. Но изменения происходят очень медленно. (В.В. Путин, «Послание», 04.12.2014)
5. Надо максимально снять ограничения с бизнеса, избавить его от навязчивого надзора и контроля. (В.В. Путин, «Послание», 04.12.2014)
6. Федерации должны вплотную заняться приведением в порядок региональных и местных дорог – для этого вводятся дополнительные источники для региональных дорожных фондов. (В.В. Путин, «Послание», 04.12.2014)
7. Его право – обратиться к тем, кто будет работать профессионально, с душой, с полной отдачей. (В.В. Путин, «Послание», 04.12.2014)
8. Главное – надёжно обеспечить безопасность Отечества и нашего народа. (В.В. Путин, «Послание», 01.03.2018)
9. Сейчас мы видим, насколько активно и конструктивно проявляют себя граждане. (В.В. Путин, «Послание», 01.03.2018)
10. Вместе с нашими партнёрами будем активно продвигать интеграционные проекты, наращивать деловые, гуманитарные, культурные, научные связи. (В.В. Путин, «Инаугурационная речь», 07.05.2018)

11. Надежду наших людей на то, что мы будем работать так же напряженно, так же ответственно и ещё более результативно. (В.В. Путин, Выступление на митинге в поддержку кандидата в Президенты Владимира Путина, 18.03.2018)
12. Возможно, не удастся избежать ошибок, но что я могу обещать и обещаю – это то, что буду работать открыто и честно. (В.В. Путин, «Инаугурационная речь», 07.05.2000)
13. Дело в том, что скорость технологических изменений нарастает стремительно, идёт резко вверх. (В.В. Путин, «Послание», 01.03.2018)
14. Отставание неизбежно ведёт к ослаблению, размыванию человеческого потенциала. (В.В. Путин, «Послание», 01.03.2018)
15. Нам нужно обеспечить такую созидательную мощь, такую динамику развития, чтобы никакие преграды не помешали нам уверенно, самостоятельно идти вперёд. (В.В. Путин, «Послание», 01.03.2018)
16. Наш нравственный долг – всемерно поддержать старшее поколение, которое внесло огромный вклад в развитие страны. (В.В. Путин, «Послание», 01.03.2018)
17. Чрезвычайно важным является также и другое обстоятельство, и опять пример фестиваля очень хорош. (В.В. Путин, выступление в сессии «Молодёжь-2030. Образ будущего», 21.10.2017)
18. За последние годы мы укрепили устойчивость национальной экономики. Значительно снизилась зависимость экономики и бюджета от колебаний цен на энергоносители. (В.В. Путин, «Послание», 01.03.2018)
19. И кулуарно можно кого угодно и как угодно успокаивать, но мы читаем то, что написано. (В.В. Путин, «Послание», 01.03.2018)
20. Вместе с партнёрами по Евразийскому экономическому союзу намерены сделать его глобально конкурентным интеграционным объединением. (В.В. Путин, «Послание», 01.03.2018)
21. При этом ракета, летящая с гиперзвуковой скоростью, превышающей

- скорость звука в десять раз, ещё и осуществляет маневрирование на всех участках траектории полёта, что позволяет ей также гарантированно преодолевать все существующие... (В.В. Путин, «Послание», 01.03.2018)
22. Закон должен быть суров к тем, кто сознательно пошёл на тяжкое преступление, нанёс ущерб жизни людей, интересам общества и государства. (В.В. Путин, «Послание», 03.12.2015)
23. Россия способна стать крупнейшим мировым поставщиком здоровых, экологически чистых, качественных продуктов питания, которые давно уже пропали у некоторых западных производителей, тем более что спрос на глобальном рынке на такую продукцию устойчиво растёт. (В.В. Путин, «Послание», 03.12.2015)
24. Высоко ценим их благожелательное отношение к нашей стране, к тем преимуществам, которые они видят здесь для развития своего дела. (В.В. Путин, «Послание», 03.12.2015)
25. Мы уже вышли на качественно новый уровень взаимодействия в рамках Евразийского экономического союза... (В.В. Путин, «Послание», 03.12.2015)
26. И народ России вновь убедительно доказал, что способен отвечать на непростые вызовы. (В.В. Путин, «Послание», 01.12.2016)
27. Эта мера позволила им эффективно реализовать свой интеллектуальный новаторский потенциал. (В.В. Путин, «Послание», 01.12.2016)
28. Когда народ чувствует свою правоту, действует сплочённо, он уверенно идёт по избранному пути. (В.В. Путин, «Послание», 01.12.2016)
29. В последние годы нам было непросто, но эти испытания сделали нас ещё сильнее, действительно сильнее, помогли лучше, чётче определить те направления, по которым надо действовать ещё более настойчиво и энергично. (В.В. Путин, «Послание», 01.12.2016)
30. Тогда, в 2000 году, очень многие проблемы казались просто неразрешимыми. (В.В. Путин, «Инаугурационная речь», 07.05.2004)
31. Сейчас я еще раз хочу вернуться к главному ее смыслу и сказать:

- обязанности Президента хранить государство и верно служить народу и впредь будут для меня святы, и впредь будут для меня превыше всего. (В.В. Путин, «Инаугурационная речь», 07.05.2004)
32. Хотел бы подчеркнуть: этот вопрос крайне серьезный и будет нами тщательно, вдумчиво прорабатываться. (В. В. Путин, «Выступление кандидата в президенты», 12.02.2004)
33. Агрессивное внешнее вмешательство привело к тому, что вместо реформ государственные институты да и сам уклад жизни были просто бесцеремонно разрушены. (В.В. Путин, «Выступление в 70-ой сессии Генеральной Ассамблеи ООН», 25.09.2015)
34. Как и антигитлеровская коалиция, она могла бы сплотить в своих рядах самые разные силы, готовые решительно противостоять тем, кто, как и нацисты, сеет зло и человеконенавистничество. (В.В. Путин, «Выступление в 70-ой сессии Генеральной Ассамблеи ООН», 25.09.2015)
35. Предлагаем создать под эгидой ООН специальный форум, на котором комплексно посмотреть на проблемы, связанные с исчерпанием природных ресурсов, разрушением среды обитания, изменением климата. (В.В. Путин, «Выступление в 70-ой сессии Генеральной Ассамблеи ООН», 25.09.2015)
36. Все возможные альтернативные сценарии были тщательно изучены и просчитаны. (В.В. Путин, «Обращение к гражданам России», 28.08.2018)
37. Резервы будут исчерпаны мгновенно, в течение нескольких месяцев. (В.В. Путин, «Обращение к гражданам России», 28.08.2018)
38. Армия и флот незыблемо стояли на страже её национальных интересов, обеспечивали мирную, стабильную жизнь и, когда требовалось, твёрдо держали удар и побеждали. (В.В. Путин, «выступление на Торжественном вечере, посвящённый Дню защитника Отечества», 20.02.2014)
39. Успех модернизации Вооружённых Сил напрямую зависит от их компетентности и настойчивости, от способности прогрессивно мыслить и от умения эффективно достигать поставленных целей. (В.В. Путин,

«выступление на Торжественном вечере, посвящённый Дню защитника Отечества», 20.02.2014)

40.Люди, которые вкладывают свои деньги в строительство жилья, должны быть надёжно защищены. (В.В. Путин, «Послание», 01.03.2018)

1.

Приложение 3

Инаугурационная речь В.В. Путина (07.05.2018)

В.В. Путин:

Уважаемые граждане России!

Дорогие друзья!

Вступая в должность Президента Российской Федерации, понимаю всю свою ответственность перед Родиной. Её интересы, безопасность, благополучие граждан страны всегда были и всегда останутся для меня превыше всего. Сделаю всё, чтобы оправдать доверие миллионов наших граждан. Считаю смыслом всей своей жизни и своим долгом служение Отечеству, служение нашему народу, поддержка которого вдохновляет и помогает решать самые сложные и трудные задачи.

Мы вместе прошли большой и сложный путь, поверили в себя, в свои силы, укрепили страну, вернули себе достоинство великой нации, мир увидел возрождённую Россию, и это результат усилий нашего народа, общей напряжённой работы, в которой есть личный вклад каждого. Сегодня у нас есть всё для движения вперёд, для созидания: дееспособное и развивающееся государство, прочная экономическая и социальная база, активное и ответственное гражданское общество. Я вижу в этом большую заслугу Дмитрия Анатольевича Медведева. Его президентство обеспечило преемственность и устойчивость развития страны, придало дополнительный импульс модернизации всех сторон нашей жизни. Впереди у него сложные и очень ответственные задачи. Я желаю ему успехов.

Сегодня мы вступаем в новый этап национального развития, нам потребуется решать задачи принципиально иного уровня, иного качества и масштаба. Ближайшие годы будут определяющими для судьбы России на десятилетия вперёд. И мы все должны понимать, что жизнь будущих поколений, историческая перспектива государства и нашей нации зависят

сегодня именно от нас, от реальных успехов в создании новой экономики и современных стандартов жизни, от наших усилий по сбережению народа и поддержке российских семей, от нашей настойчивости в обустройстве огромных российских пространств от Балтики до Тихого океана, от нашей способности стать лидерами и центром притяжения всей Евразии.

Мы добьёмся наших целей, если будем единым, сплочённым народом, если будем дорожить нашим Отечеством, укреплять российскую демократию, конституционные права и свободы, расширять участие граждан в управлении страной, в формировании национальной повестки дня, чтобы стремление каждого к лучшей жизни было воплощено в совместной работе для процветания всей страны. Мы обязательно добьёмся успеха, если будем опираться на прочный фундамент культурных и духовных традиций нашего многонационального народа, на нашу тысячелетнюю историю, на те ценности, которые всегда составляли нравственную основу нашей жизни, если каждый из нас будет жить по совести, с верой и любовью к Родине, к своим близким, заботиться о счастье своих детей и благополучии своих родителей. Мы хотим и будем жить в демократической стране, где у каждого есть свобода и простор для приложения таланта и труда, своих сил. Мы хотим и будем жить в успешной России, которую уважают в мире как надёжного, открытого, честного и предсказуемого партнёра. Я верю в силу наших общих целей и идеалов, в силу нашей решимости преобразить страну, в силу объединённых действий граждан, в наше общее стремление к свободе, к правде, к справедливости. Мы готовы к грядущим испытаниям и грядущим свершениям. У России великая история и не менее великое будущее. И мы будем работать с верой в душе, с искренними и чистыми помыслами.

Спасибо!

Приложение 4

Фрагмент «Послании» В.В. Путина (01.03.2018)

В.В. Путин: Уважаемые граждане России! Уважаемые члены Совета Федерации и депутаты Государственной Думы!

Сегодняшнее Послание носит особый, рубежный характер, как и то время, в которое мы живём, когда значимость нашего выбора, значимость каждого шага, поступка исключительно высоки, потому что они определяют судьбу нашей страны на десятилетия вперёд.

Именно в такие поворотные моменты Россия не раз доказывала свою способность к развитию, к обновлению, осваивала земли, строила города, покоряла космос, совершала грандиозные открытия. Эта постоянная устремлённость в будущее, сплав традиций и ценностей обеспечили преемственность нашей тысячелетней истории.

Мы также прошли через масштабные, непростые преобразования, справились с абсолютно новыми и очень сложными экономическими, социальными вызовами, сохранили единство страны, утвердились как демократическое общество на свободном, самостоятельном пути.

Мы обеспечили устойчивость и стабильность практически во всех сферах жизни, а это критически важно для нашей огромной многонациональной страны, со сложным федеративным устройством, с многообразием культур, с памятью об исторических разломах и труднейших испытаниях, которые выпали на долю России.

Однако устойчивость – это основа, но не гарантия дальнейшего развития. Мы не имеем права допустить, чтобы достигнутая стабильность привела к самоуспокоенности. Тем более что многие проблемы ещё далеко не решены.

Россия сегодня – одна из ведущих держав с мощным внешнеэкономическим и оборонным потенциалом. Но с точки зрения важнейшей задачи обеспечения качества жизни и благосостояния людей мы,

конечно же, ещё не достигли необходимого нам уровня. Но мы должны это сделать и сделаем это.

Роль, позиции государства в современном мире определяют не только и не столько природные ресурсы, производственные мощности, – я говорил уже об этом, – а прежде всего люди, условия для развития, самореализации, творчества каждого человека. Поэтому в основе всего лежит сбережение народа России и благополучие наших граждан. Именно здесь нам нужно совершить решительный прорыв.

Повторю: прочный фундамент для этого создан. И потому сегодня мы можем ставить и решать задачи нового уровня. У нас уже есть опыт реализации масштабных программ и социальных проектов. Наша экономика показала свою устойчивость, а достигнутая стабильная макроэкономическая ситуация открывает новые возможности для прорывного развития, для долгосрочного роста.

И наконец, в мире сегодня накапливается громадный технологический потенциал, который позволяет совершить настоящий рывок в повышении качества жизни людей, в модернизации экономики, инфраструктуры и государственного управления. Насколько эффективно мы сможем использовать колоссальные возможности технологической революции, как ответим на её вызов, зависит только от нас. И в этом смысле ближайшие годы станут решающими для будущего страны. Подчеркну это: именно решающими.

Объясню почему. То, о чём сейчас скажу, абсолютно не связано с внутренним политическим циклом и даже с выборами Президента. Кто бы ни был избран Президентом, каждый гражданин России, все мы вместе должны прочувствовать и понять, что происходит в мире, вокруг нас и какие вызовы стоят перед нами.

Дело в том, что скорость технологических изменений нарастает стремительно, идёт резко вверх. Тот, кто использует эту технологическую

волну, вырвется далеко вперёд. Тех, кто не сможет этого сделать, она – эта волна – просто захлестнёт, утопит.

Технологическое отставание, зависимость означают снижение безопасности и экономических возможностей страны, а в результате – потерю суверенитета. Именно так, а не иначе обстоит дело. Отставание неизбежно ведёт к ослаблению, размыванию человеческого потенциала. Потому что новые рабочие места, современные компании, привлекательные жизненные перспективы будут создаваться в других, успешных странах, куда будут уезжать молодые, образованные, талантливые люди, а вместе с ними общество будет терять жизнеспособность и энергию развития.

Повторю: изменения в мире носят цивилизационный характер. И масштаб этого вызова требует от нас такого же сильного ответа. Мы готовы дать такой ответ. Мы готовы к настоящему прорыву.

Эта уверенность основана на тех значимых результатах, хотя внешне, может быть, и не таких ярких, тем не менее на таких результатах, которых мы уже добились вместе, на сплочённости российского общества и, главное, на колоссальном потенциале России, нашего талантливого, творческого народа.

Чтобы идти вперёд, динамично развиваться, мы должны расширить пространство свободы, причём во всех сферах, укреплять институты демократии, местного самоуправления, структуры гражданского общества, судов, быть страной, открытой миру, новым идеям и инициативам.

Нужно принять давно назревшие, непростые, но крайне необходимые решения. Отсечь всё, что тормозит наше движение, мешает людям раскрыться в полную силу и реализовать себя. Мы обязаны сконцентрировать все ресурсы, собрать все силы в кулак, проявить волю для дерзновенного, результативного труда.

Не сделаем этого – не будет будущего ни у нас, ни у наших детей, ни у нашей страны. И вопрос не в том, что кто-то придёт, захватит и разорит нашу

землю. Нет, дело совершенно не в этом. Именно отставание – вот главная угроза и вот наш враг. И если не переломим ситуацию, оно будет неизбежно усиливаться. Это как тяжёлая хроническая болезнь, что неумолимо, шаг за шагом подтачивает и разрушает организм изнутри. Организм часто этого и не чувствует.

Нам нужно обеспечить такую созидательную мощь, такую динамику развития, чтобы никакие преграды не помешали нам уверенно, самостоятельно идти вперёд. Мы сами должны и будем определять своё будущее.

Уважаемые коллеги!

Что должно быть приоритетом для нас? Повторю: считаю главным, ключевым фактором развития благополучие людей, достаток в российских семьях.

Напомню, что в 2000 году за чертой бедности находились 42 миллиона человек, это почти 30 процентов – 29 процентов населения страны. В 2012 году нам удалось снизить этот уровень до 10 процентов.

Из-за последствий экономического кризиса бедность вновь подросла. Сегодня с ней сталкиваются 20 миллионов граждан. Конечно, это не 42 миллиона, как было в 2000-м, но тоже недопустимо много. Даже некоторые работающие люди живут очень скромно.

Мы впервые в новейшей истории смогли приравнять минимальный размер оплаты труда к прожиточному минимуму. Эта норма начнёт действовать с 1 мая 2018 года, что позитивно скажется на доходах около четырёх миллионов человек. Это важный шаг, но не фундаментальное решение проблемы.

Нам необходимо серьёзно обновить структуру занятости, которая сегодня во многом неэффективна и архаична, дать людям хорошую работу, которая мотивирует, приносит достаток, позволяет реализовать себя, создать современные, достойно оплачиваемые рабочие места. На этой основе мы

должны решить одну из ключевых задач на предстоящее десятилетие – обеспечить уверенный, долгосрочный рост реальных доходов граждан, а за шесть лет как минимум вдвое снизить уровень бедности.

На принципах справедливости и адресности нужно выстроить всю систему социальной помощи. Мы много об этом говорим, но это нужно в конце концов сделать. Её должны получать граждане, семьи, которые действительно нуждаются.

В предыдущие годы за счёт активной поддержки семьи, материнства, детства мы смогли переломить негативные демографические тенденции: добились роста рождаемости и снижения смертности, сумели сгладить последствия двух тяжелейших, наложившихся друг на друга, демографических провалов периода Великой Отечественной войны и конца прошлого века. Как видите на графиках, это, к сожалению, оказалось примерно одно и то же по уровню снижения рождаемости. Но сегодня демографические потери 90-х неминуемо дают о себе знать. Это прежде всего снижение рождаемости, так как семьи начинают создавать малочисленное поколение 90-х годов. Это просто объективная данность.

У демографической проблемы есть и экономическое измерение, чисто экономическое измерение. В 2017 году, например, численность населения в трудоспособном возрасте сократилась почти на миллион. В ближайшие годы такая тенденция к сокращению сохранится, что может стать серьёзным ограничением для экономического роста. Трудовых ресурсов просто нет. Необходимо ответить на эти вызовы и в предстоящее десятилетие обеспечить устойчивый естественный рост численности населения России.

Наша демографическая политика доказала свою результативность. И мы продолжили, расширили её. Продлили программу материнского капитала, предусмотрели адресные выплаты при рождении первенца, второго и третьего ребёнка. За пять лет свыше полумиллиона семей с детьми смогут улучшить свои жилищные условия с помощью льготной ипотеки. Также

запускается программа обновления детских поликлиник и детских поликлинических отделений в больницах.

Несмотря на ряд сохраняющихся вопросов, в целом решена проблема с детскими садами. Сейчас нужно обеспечить все семьи, которые нуждаются, местами в яслях. Тем самым дать возможность молодым мамам продолжить образование или как можно быстрее, если кто-то хочет, выйти на работу, не теряя квалификацию. За три года должно быть создано более 270 тысяч мест в яслях. Для решения этой задачи окажем финансовую поддержку регионам в объёме порядка 50 миллиардов рублей из федерального бюджета.

В целом за предстоящие шесть лет на меры демографического развития, на охрану материнства и детства нам нужно будет направить не менее 3,4 триллиона рублей. Это большая, но не запредельная, реалистичная цифра, это на 40 процентов больше, чем за предыдущие шесть лет. В 2012–2017 годах мы с вами направили на эти цели 2,47 триллиона рублей.

Наш нравственный долг – всемерно поддержать старшее поколение, которое внесло огромный вклад в развитие страны. У пожилых людей должны быть достойные условия для активного, здорового долголетия. Главное, мы должны добиться увеличения размеров пенсий, обеспечить их регулярную индексацию, причём выше темпов инфляции. Будем стремиться и к тому, чтобы сокращался разрыв между размером пенсии и заработной платой, которая была у человека перед выходом на пенсию. И конечно, нужно повысить качество медицинского и социального обслуживания пожилых людей, помочь тем, кто одинок и оказался в сложной жизненной ситуации.

Решение всех этих вопросов требует комплексного подхода. Считаю, что будущее, новое Правительство должно будет подготовить специальную программу системной поддержки и повышения качества жизни людей старшего поколения.

Нам важен и ценен каждый человек, чтобы он чувствовал свою востребованность, прожил долгую и, главное, здоровую жизнь, радовался внукам, правнукам, чтобы дети выросли и стали успешными в сильной, динамичной, успешной стране, которая выходит на новые рубежи развития.

Россия должна не только прочно закрепиться в пятёрке крупнейших экономик мира, но и к середине следующего десятилетия увеличить ВВП на душу населения в полтора раза. Это очень сложная задача. Уверен, мы готовы эту задачу решить.

Важнейший базовый показатель благополучия граждан и страны – это, конечно, продолжительность жизни. Напомню, в 2000 году в России она составляла немногим более 65 лет, а у мужчин – вообще меньше 60. Это не просто мало, это трагедия, трагически мало.

В последние годы темпы роста средней продолжительности жизни в России – одни из самых высоких в мире. Нам удалось этого добиться. Продолжительность жизни увеличилась более чем на семь лет и составляет 73 года. Но и этого, конечно, недостаточно. Сегодня мы обязаны поставить перед собой цель принципиально нового уровня. К концу следующего десятилетия Россия должна уверенно войти в клуб стран «80 плюс», где продолжительность жизни превышает 80 лет. Это в том числе такие страны, как Япония, Франция, Германия.

При этом опережающими темпами должна расти продолжительность именно здоровой, активной, полноценной жизни, когда человека не ограничивают, не сковывают болезни. Убеждён, такая цель, учитывая положительную динамику прошлых лет, достижима. И для этого всей России, конечно, предстоит сделать большой шаг в своём развитии, чтобы качественно изменилась жизнь каждого человека.

Уважаемые коллеги!

Нам нужно создать современную среду для жизни, преобразить наши города и посёлки. При этом важно, чтобы они сохранили своё лицо и

историческое наследие. У нас уже есть успешный опыт обновления городской среды и инфраструктуры. От этого хочу сейчас оттолкнуться. Этот опыт есть и в Казани, во Владивостоке, в Сочи. Меняются многие региональные столицы и малые города. Мы в принципе научились это делать.

Предлагаю развернуть масштабную программу пространственного развития России, включая развитие городов и других населённых пунктов, и как минимум удвоить расходы на эти цели в предстоящие шесть лет.

Понятно, что развитие городов и населённых пунктов связано с комплексным решением многих других проблем: это здравоохранение, образование, экология, транспорт. Всё это также потребует дополнительного финансирования. Об этом буду говорить чуть позднее в соответствующих разделах Послания сегодня.

Обновление городской среды должно базироваться на широком внедрении передовых технологий и материалов в строительстве, современных архитектурных решениях, на использовании цифровых технологий в работе социальных объектов, общественного транспорта, коммунального хозяйства, что в том числе позволит обеспечить прозрачность и эффективность системы ЖКХ, чтобы граждане получали качественные услуги и не переплачивали за них.

Такой масштабный проект – это новые экономические и социальные перспективы для людей, современная среда для жизни, для культурных и гражданских инициатив, для малого бизнеса и стартапов. Всё это послужит формированию в России массового, деятельного среднего класса.

Очень многое будет зависеть, конечно, от городских, местных властей, от их открытости передовым идеям. От готовности откликаться на запросы жителей разных поколений, семей с детьми, пенсионеров, инвалидов. Мнение людей, каким быть их городу или посёлку, должно быть решающим. Мы об этом не раз говорили, в том числе на встречах с руководителями

муниципалитетов. Сегодня говорю это не для галочки и прошу обратить на это внимание руководителей всех уровней.

Важно, чтобы развитие городов стало движущей силой для всей страны. Активная, динамичная жизнь России, с её огромной территорией, не может сосредоточиться в нескольких мегаполисах. Крупные города должны распространять свою энергию, служить опорой для сбалансированного, гармоничного пространственного развития всей России.

Для этого крайне необходима современная инфраструктура. Об этом скажу ещё отдельно. Но очевидно, что именно развитые коммуникации позволят жителям малых городов и сёл удобно пользоваться всеми возможностями и современными сервисами, которые есть в крупных центрах, а сами небольшие населённые пункты будут тесно интегрированы в общее социальное и экономическое пространство России. При этом мы поддержим и инициативы, которые позволят нашим малым городам, населённым пунктам сохранить самобытность, по-новому раскрыть свой уникальный потенциал.

Особое внимание будем уделять социальному, инфраструктурному развитию сельских территорий. Российский агропромышленный комплекс уже стал глобально конкурентной отраслью. Такой же современной должна быть и жизнь людей, которые своим трудом обеспечивают этот успех.

Уважаемые коллеги!

Понимаю, насколько важно для человека, для каждой семьи иметь свой дом, своё жильё. Для нашей страны это проблема проблем. Она тянется из десятилетия в десятилетие. Сколько раз её обещали и пытались, искренне пытались решить. А мы можем и должны это сделать.

В 2017 году три миллиона семей в России улучшили свои жилищные условия. Теперь нам необходимо стабильно (обращаю внимание, впервые в истории современной России) выйти на уровень, когда ежегодно не менее пяти миллионов семей улучшают свои жилищные условия. Это сложная

задача – прыгнуть с трёх миллионов до пяти. У нас в прошлом году было 3,1 миллиона, а нужно пять. Но это решаемая задача.

Вижу три ключевых фактора повышения доступности жилья. Первый – это рост доходов граждан. Об этом я говорил, мы должны это обеспечить. Снижение ставок ипотечного кредитования и, конечно, увеличение предложения на жилищном рынке.

Напомню – сейчас это уже подзабылось, – что в 2001 году по всей России было выдано, как вы думаете, сколько ипотечных кредитов? Четыре тысячи. Четыре тысячи ипотечных кредитов. Ставка доходила до 30 процентов, в том числе в валюте. Более половины кредитов, кстати, и выдано было в валюте. Воспользоваться ипотекой могли единицы. В прошлом году, уважаемые коллеги, выдано около миллиона ипотечных кредитов. В декабре средняя ставка в рублях впервые опустилась ниже 10 процентов.

Разумеется, мы это тоже хорошо знаем, в каждом конкретном случае стоимость, другие условия кредита индивидуальны. Но в целом нам нужно и дальше снижать среднюю ставку до 7–8 процентов. Мы долго спорили, какую цифру назвать с этой трибуны. Но стремиться нужно, безусловно, к 7 процентам, это уж точно. За предстоящие шесть лет ипотека должна стать доступной для большинства российских семей, для большинства работающих граждан, для молодых специалистов.

И ещё несколько цифр. В 50–70-е годы прошлого века в среднем в стране строилось, вводилось порядка 60 миллионов квадратных метров жилья в год. К концу 80-х годов приблизились к 70 миллионам. Сегодня в России ежегодно строится около 80 миллионов квадратных метров. Было, правда, чуть побольше в некоторые годы, но в среднем 80 миллионов. Нам нужно взять новую высоту, стремиться к увеличению объёмов строительства с сегодняшних 80 до 120 миллионов квадратных метров в год. Цель весьма амбициозная, но также абсолютно реалистичная, если иметь в виду и новые технологии, и опыт, который появился у наших строительных компаний, и

новые материалы. Это движение от 80 до 120 возможно и необходимо. Скажу почему. Если мы хотим, чтобы 5 миллионов семей в год получало новое жильё, то строить нужно 120 миллионов.

Люди, которые вкладывают свои деньги в строительство жилья, должны быть надёжно защищены. От долевого строительства нужно поэтапно переходить на проектное финансирование, когда риски берут на себя застройщики и банки, а не граждане.

Предлагаю также вернуться к налогу на имущество физических лиц. Он должен быть справедливым и посильным для граждан.

Когда некоторые, в том числе сидящие в этом зале, коллеги убеждали нас и меня в том числе использовать рыночную стоимость недвижимости при расчёте этого налога, они говорили, что старые, устаревшие оценки БТИ – это анахронизм. Однако в реальности оказалось, что кадастровая стоимость, которая вроде бы должна соответствовать рыночной, часто значительно её превышает. Но так не договаривались, и люди этого от нас никак не ожидали.

Нужно уточнить механизмы расчёта налога, а также определения кадастровой стоимости недвижимости. В любом случае она не должна превышать реальную рыночную стоимость. Все решения необходимо принять максимально быстро в первом полугодии текущего года.

Уважаемые коллеги!

Для развития городов и посёлков, роста деловой активности, обеспечения «связанности» страны нам нужно буквально «прошить» всю территорию России современными коммуникациями.

Уже через несколько месяцев по Крымскому мосту откроется автомобильное движение, а в следующем году – и железнодорожное сообщение. Это даст импульс развитию Крыма и всего российского Причерноморья.

Мы серьёзно обновили федеральные автомобильные трассы. Теперь нужно привести в порядок региональные и местные дороги. Я сейчас не буду

называть цифры, но я об этом знаю. Федеральные трассы действительно в значительной степени приведены в порядок. Чуть хуже дело обстоит с региональными. А местные – это вообще никуда не годится. Обращаюсь к руководителям регионов и городов: состояние дорог должно быть постоянно в центре вашего внимания. Нужно наращивать качество и объёмы дорожного строительства, использовать для этого новые технологии и решения, инфраструктурную ипотеку, контракты жизненного цикла.

И конечно, наша важнейшая задача – повысить безопасность на дорогах, до минимума снизить смертность в результате ДТП.

В общей сложности в предстоящие шесть лет необходимо практически удвоить расходы на строительство и обустройство автомобильных дорог России, направить на эти цели более 11 триллионов рублей из всех источников. Это много, имея в виду, что в 2012–2017 годах мы на эти цели направили 6,4 триллиона рублей, тоже большая цифра, но нужно 11.

Получат развитие мощные евразийские транспортные артерии. Уже идёт строительство автомобильной дороги, которая станет важной частью коридора «Европа – АТР». Кстати, наши партнёры из Китая и Казахстана – мы делаем это вместе с ними – свою часть работы уже выполнили. Их участки уже эксплуатируются. И нам нужно серьёзно ускориться.

За шесть лет в полтора раза, до 180 миллионов тонн, вырастет пропускная способность БАМа и Транссиба. Контейнеры будут доставляться от Владивостока до западной границы России за семь дней. Это один из инфраструктурных проектов, который будет давать быструю экономическую отдачу. Там есть грузы, и все вложения будут окупаться очень быстро и будут способствовать развитию этих территорий.

Объём транзитных контейнерных перевозок по нашим железным дорогам должен увеличиться почти в четыре раза. Это значит, что наша страна будет одним из мировых лидеров по транзиту контейнеров между Европой и Азией.

В 1990 году мощность портов всего Советского Союза достигала 600 миллионов тонн. Из-за распада страны мы потеряли практически половину. В начале 2000-х годов мощность портов России составляла только 300 миллионов тонн. За 17 лет мы увеличили её в три раза. В начале прошлого года впервые в истории совокупная мощность портов России преодолела отметку в 1 миллиард тонн. Это, как вы видите на графиках, на две трети больше, чем показатели всего СССР. Кстати, это цифра на начало года, сейчас – уже 1 миллиард 25 миллионов тонн. Растёт постоянно.

Нужно и дальше наращивать этот потенциал, в том числе увеличить пропускную способность железнодорожных подходов к портам Азово-Черноморского бассейна более чем в полтора раза, до 131 миллиона тонн.

Ключом к развитию русской Арктики, регионов Дальнего Востока станет Северный морской путь. К 2025 году его грузопоток возрастет в десять раз, до 80 миллионов тонн. Наша задача – сделать его по-настоящему глобальной, конкурентной транспортной артерией. Обратите внимание, в советское время активнее использовали, чем мы в предыдущее. Но мы нарастим и выйдем на новые рубежи. Здесь нет никаких сомнений.

Мы продолжим активную политику привлечения инвестиций, формирования центров социального и экономического роста на Дальнем Востоке. Будем создавать все условия, чтобы люди здесь жили комфортно, приезжали сюда, чтобы население дальневосточных регионов увеличивалось.

Уже запущен целый ряд масштабных промышленных проектов в Арктике. Они отвечают самым строгим экологическим стандартам. Укрепляем научную, транспортную, навигационную, военную инфраструктуру, что позволит надёжно обеспечить интересы России в этом стратегически важном регионе. Строим современные атомные ледоколы. Наш арктический флот был, остаётся и будет самым мощным в мире.

Нам предстоит реконструировать и расширить сеть региональных аэропортов России. Через шесть лет половина межрегиональных рейсов будет выполняться напрямую. Ситуация, когда даже в соседние области нужно лететь через Москву, во многом останется в прошлом. Мы этим уже занимаемся. Это касается и авиационной составляющей, и аэропортовой.

...